

Паломничество на Святую Гору Афон (июль-август 1997 года)

Моему товарищу и спутнику
в описываемом паломничестве
отцу иеродиакону Лазарю
с благодарностью за единомыслие
и терпение

иеродиак. Николай

В понимании Афона главное – сам Афон. Так, перефразируя слова одного нашего великого соотечественника, писателя, о другом – святителе Русской Церкви XVIII века, можно было бы ответить одним словом на вопрос: что же это за явление – место, культура, жизнь, подвиг – Афон? Именно так: не с целями географическими или историческими, культурными или научными, а чтобы ощутить дух Афона, его насельников, – и задумывалась эта поездка. Так хотелось бы ее и описать.

«Как вы попали на Афон? Трудно ли это? Какие бумаги и как оформляются?» – эти вопросы слышали мы по возвращении со Святой Горы так же часто, как и главный: «Ну, как Афон? Как впечатления? Что запомнилось больше всего?» Поскольку в настоящее время первый вопрос отнюдь не праздный, так как отражает современную ситуацию и в мире, и в Церкви, и ответ на него может быть полезен тем, кто на Святую Гору только собирается (по крайней мере клирикам), то в двух словах скажем и об этом.

Для русского духовенства попасть на Афон официально существует едва ли не единственная возможность, которой воспользовались и мы, два иеродиакона, а именно: пишется прошение о благословении на такое паломничество Святейшему Патриарху; он ходатайствует об этом перед Патриархом Константинопольским, который, если благословляет поездку, уведомляет об этом письмом-приглашением. (Переписка ведется канцеляриями Патриархов и продолжается в общем случае довольно продолжительное время. Мы ожидали ответ около полугода. Письмо приходит, как правило, на несколько лиц, изъявивших желание посетить Афон.) Приглашение является официальным документом и основанием для посещения Святой Горы. По нему в греческом консульстве оформляется виза, после чего берется билет на самолет до Салоник (можно добираться автобусом или поездом, но ехать предстоит двое суток).

Таким образом подготовились к путешествию и мы. Ранним утром 28 июля вылетев из Москвы, через 2 часа 45 минут ТУ-154 благополучно совершил посадку в аэропорту города Салоник. Полет проходит над территорией Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии и Греции.

28 июля 1997 года, понедельник. Салоники. От аэропорта до подворья (по-гречески «кунак») Русского Свято-Пантелеимонова монастыря добираемся на такси менее чем за полчаса. По телефону мы еще из Москвы сообщили о своем приезде, и нас встречают. Здесь останемся на ночь, так как автобус до Уранополиса (ближайший к Афону населенный пункт) будет только завтра рано утром. Теперь нам предстоит оформить разрешение на въезд на Святую Гору. Для этого, оставив на подворье вещи, едем в Министерство Македонии и северных территорий (Греции), где без труда, благодаря письму Вселенского Патриарха, получаем соответствующее разрешение (в других случаях эта процедура намного сложнее, а бывает, оканчивается и неудачей). Теперь мы до вечера свободны и идем поклониться святыням этого главного города северной Греции. Его название для христиан связано с двумя посланиями святого апостола Павла к жителям этого города (Салоники, более полно Фессалоники, славянск. Солунь), в синагоге которого апостол во время своего второго миссионерского путешествия проповедовал жителям благую весть о Христе распятом и воскресшем (Деян. 18, 1-10), а также с именем святого великомученика Димитрия Солунского, храброго военачальника Римской империи начала IV века, отказавшегося от временной славы и самой жизни ради славы о Христе и жизни вечной. Подобно другим мученикам-«стратилатам» он предпочел

воинским почестям почеть *вышнего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3, 14).

Святые мощи великомученика почивают в его храме на улице Агиос Димитриос в центре Салоник. Храм – трехнефная византийская базилика – очень древний. Много раз перестраивавшийся, он открывает свой первозданный вид благодаря раскопкам: основание, частично стены с сохранившимися на них надписями и изображениями можно видеть, спустившись в специальный ход под алтарем.

Святые мощи великомученика Димитрия почивают в специальной часовенке внутри храма в драгоценной раке, слева от входа. Приложившись, выходим. Пройдя несколько кварталов, заходя по пути в храмы (если храм закрыт, то в часовню около него, которая всегда открыта), нашли, наконец, храм святителя Григория Паламы, где также прикладываемся к его святым мощам. Поклонившись святителю, не менее своих трудов на Фессалоникской кафедре прославившемуся «умным деланием» в безмолвии Святой Горы (в его уединенную келию нам через несколько дней предстоит подняться от Лавры преподобного Афанасия Афонского), отправляемся обратно на подворье.

29 июля, вторник. В 6.30 (по местному времени, разница с Москвой один час) наш автобус отправляется от станции (по-гречески «ктел») «Халкидики». Нам предстоит пересечь полуостров, название которого носит автостанция, с запада на восток, от Салоник до Уранополиса, что занимает около двух часов. Греция – конец Европы и начало Азии, одновременно Восток и Запад в своеобразном сочетании: за окном мелькают поселки с аккуратными белыми двухэтажными домиками, крытыми черепицей (в этом такой же аромат Греции, как и в сочетании черного и красного цветов ее знаменитых античных ваз), на фоне невысоких лесистых гор – тщательно ухоженные поля, сады, огороды, с обязательным в каждом селении или городке храмом.

Раннее утро, и жары еще нет. Хорошая дорога, удобный автобус, красивые виды за окном – все это не может не отметить взгляд склонного к комфорту, покою и удовольствиям нашего «внутреннего человека», странным образом уживающегося с теми высокими стремлениями, исканиями и идеалами, которые побудили нас предпринять это путешествие.

Наконец мы в Уранополисе. После оформления диамонитириона (документа, дающего право пребывания на Святой Горе) проходим на паром (рейсовых здесь два: «Достойно есть» и «Скоропослушница»; кроме них имеются катера, своего рода «морское такси», которые можно вызвать в случае необходимости, а также курсирующие вдоль афонского побережья теплоходы с туристами, желающими хотя бы издали увидеть Святую Гору, полюбоваться живописными берегами, на которых расположены многие

афонские монастыри, и видом Афонской вершины в южной части полуострова¹). Отплываем около 10 часов утра.

Некоторое время имеем возможность рассматривать «Небесный город» (так с греческого переводится «Уранополис») с моря. Он оказывается обычным курортным городком с несколькими улочками, пристанью, магазинчиками, протянувшимися вдоль побережья домиками, гостиницами и пляжами с немногими отдыхающими, примечательным единственно тем, что является последним пунктом, из которого современный паломник, покидая мир, отправляется на Святую Гору, называющуюся еще «монашеской республикой».

Но вот Уранополис остается позади, только пирг (сторожевая башня, часто находящаяся у причала) еще долго виднеется вдаль. Мы плывем вдоль юго-западного побережья полуострова, который имеет протяженность с северо-запада на юго-восток около 70 км, в поперечине – 15-20 км. Северо-восточная часть, примыкающая к матерiku, более лесистая; горы здесь, не столь суровые и неприступные, как на юге, сплошь покрыты зеленью. По мере движения на юго-восток они становятся все выше, в центре более явно обозначается хребет, на юге вздымающийся на высоту более двух километров вершиной Афона.

Изменяется и пейзаж. Более скудной становится растительность, все чаще берега отвесно обрываются в море. Но это нам еще предстоит увидеть. Сейчас же, после нескольких остановок у пристаней монастырей, названия которых пока ничего нам не говорят, паром наконец приближается к Русскому монастырю святого великомученика Пантелеимона. Его знакомые по многим видам на календарях, книгах очертания узнаем еще издали: зеленые купола, желтые кресты, огромное здание гостиничного корпуса на берегу. Откуда ни возмись появляются дельфины – несколько пар; они следуют за нами, выпрыгивая из воды. В античные времена сопровождение дельфинами корабля считалось знаменем благополучного путешествия. Сейчас едва ли кто-то вспоминает об этом, но грациозность вместе с почти веселостью этих красивых существ вызывает на корабле всеобщее оживление. Многие фотографируют. Так нас встречает Афон.

Между тем мы уже почти у пристани. На ней около двадцати человек ожидают корабль: кто-то встречает гостей, кто-то отплывает в другие монастыри. Сходим на берег и направляемся к гостинице для паломников. Она и в русском монастыре называется по-гречески «архондарик». Здесь нас и еще нескольких гостей встречают традиционно по-афонски, прежде всего угощая стаканом холодной воды (оценить значение этого нам предстояло уже на следующий день, проведенный почти целиком в неблизком переходе

¹ Афон – самый северный из трех полуостровов примерно равной длины, расположенных почти параллельно в северо-западной части Эгейского моря. Островом он мог стать благодаря каналу, который в эпоху греко-персидских войн приказал прокопать персидский царь, чтобы не вести свои суда вокруг Афона.

под палящим южным солнцем), чашкой кваса (это по-русски; в греческих монастырях предлагаются маленькая рюмка ракии и чашечка кофе, хорошо восстанавливающие силы) и лукумом. После этого все паломники записывают в книге гостей свои данные (обычно имя, фамилию, гражданство, день прибытия, цель приезда, из какого монастыря и в какой направляются. Впрочем, единой для всех монастырей редакции этих вопросов нет, и заполнение книги необязательно. Особенно отрадно становится при виде записей, оставленных в греческих монастырях русскими паломниками; встречаем и знакомые имена). И совсем уже редко (и то как бы между прочим) спрашивают, имеется ли диамонитирион (как правило удовлетворяясь положительным ответом). Две последние меры имеют характер административный и призваны предупредить могущие возникнуть недоразумения. Это в принципе не смущает, как не смущают крепостные стены и башни монастырей: во все времена враг строил козни удалившимся даже в это уединение инокам через разбойников, иноверных завоевателей, теперь – просто «неблагонамеренных» людей². После заполнения книги нам дают двухместную комнату-келию. Это милость Божия, поскольку с размещением всегда непросто и поселяют, как правило, только на сутки, а мы планируем, если Богу будет угодно и живы будем, оставив здесь вещи, отправиться в путешествие по Афону, время от времени (когда будут требовать обстоятельства и позволять маршрут) возвращаясь сюда.

Разместившись, идем осматривать монастырь. Он большой. Никто не знает нас, никого и ничего не знаем и мы. Полуразрушенность многих строений, малолюдство и занятость всех послушаниями заставляют чувствовать себя несколько неуютно. Хорошо, что мы вдвоем и это все-таки русский монастырь: по крайней мере, нет проблем с языком. Это наши первые шаги по земле Афона. Все, все еще впереди, и нам только предстоит за этой видимой неустроенностью, отстраненностью узнать славную историю святой обители, увидеть ее святыни, познакомиться с ее нынешними насельниками...

Но вот и время вечерней службы. Афон живет по византийскому времени. Ночь начинается, когда солнце скрывается за горизонтом. Естественна разница с современным европейским временем, в зимние месяцы достигающая семи часов. Так что приезжающим сюда предстоит привыкать не только к иному климату, но и к иному ритму жизни, в том числе и богослужебному – распределению служб в рамках суточного круга. Вечером (в конце июля – около 17 часов по европейскому времени) совершается девятый час и вечерня (около полутора часов), после чего

² Искушения постигают обитателей Святой Горы даже со стороны мира науки и искусства. Из-за незаконного вывоза, попросту похищения святынь и древностей Афона с середины 70-х годов XX века действует закон, согласно которому Святую Гору не должны покидать никакие иконы, книги, другие ценные предметы, изготовленные до начала XX века. В этих целях в Уранополисе, Дафни и на каждом корабле имеется таможенная служба (а на всем полуострове – служба полицейская). Но по своей строгости она соответствует той отрешенности от мира, которой вообще отличаются афониты, являясь «замком для честных людей».

бывает трапеза и опять в храме повечерие, молитвы на сон грядущим и исповедь для желающих. После этого все расходятся, и до ночного отдыха это едва ли не единственное свободное время. Утренняя служба состоит из утренних молитв, полунощницы, утрени, первого, третьего, шестого часов и Литургии. Начало даже летом – еще затемно (в конце июля – около трех часов ночи по европейскому времени³), окончание – около девяти часов утра.

Возглас на утрени: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» – должен совпадать с восходом солнца, как было и в древности. По окончании Литургии предлагается трапеза, и после кратковременного отдыха все направляются на послушания, более или менее одинаковые во всех монастырях. Обед в обычное для нас время у афонитов не бывает. В трудах проходит большая часть дня, и только незадолго до вечерней службы предполагается краткий отдых. Таков в среднем день афонских общежительных монастырей. После службы, трапезы, повечерия и вечерних молитв идем в свою келию и мы. Ее окна выходят на море. Кончается первый день нашего пребывания на Святой Горе. Солнце зашло. Смеркается по-южному быстро. Время, когда деятельное настроение обычно уступает место умиротворению и созерцанию. Тем более нуждается в упорядочении такое обилие впечатлений и чувств, которые мы пережили за последние два дня. Ведь еще вчера утром была Москва. Днем – другое государство, Греция, Салоники. Сегодня утром дорога, Уранополис. И вот теперь – другой мир...

Мы почти не говорим, думая о своем. Но чувствуется, что каждый занят и мешать не надо. Я, глядя в окно нашей комнаты, переносюсь мысленно на год назад, когда в такой же вечер, может быть на час или два раньше, мы стояли на рейде в виду нашего монастыря, этой гостиницы, смотрели на эти (конечно, не отличая их от других таких же) окна. Мы, паломники, были в Святой Земле и к Афону на обратном пути только подплывали. Тогда позади были уже Кипр, Святая Земля, Иерусалим с его святынями, Галилея, Синай, монастырь святой Екатерины – и было ощущение, что паломничество если не окончено, то уже завершается, что ничего равно значимого храму Воскресения, Иордану, Назарету, вершине Синая уже нет и быть не может. И вот, когда поднялась из моря вершина Афона, когда, плывя вдоль южного берега, увидели мы тогда неизвестные нам обители, похожие на крепости, когда у всех на устах было лишь одно

³ Но это далеко не время пробуждения от сна. Для совершения келейного правила на Афоне отводится обычно часть ночи, как времени наиболее тихого, спокойного, способствующего поэтому полной сосредоточенности. (В этом нет ничего необычного, но при всей очевидности преимущества для молитвы ночных часов как немногие из нас находят в себе силы, а еще важнее – решимость хотя бы недолгое время ночи посвятить богомыслию и молитве. Одна из книг об Иисусовой молитве, в которой изложен опыт ее афонских делателей, так и называется «Одна ночь в пустыне Святой Горы».) Поэтому монахи обычно поднимаются за полтора-два, а то и три часа до начала утреннего богослужения и совершают келейное правило, у афонитов состоящее только из определенного числа Иисусовых молитв (которыми заменяются так привычные нам каноны, акафисты, утренние и вечерние молитвы; последние, соответственно, и в храме читаются только в русском монастыре). Кроме того, совершение Иисусовой молитвы обязательно и на всех послушаниях в продолжение дня.

слово, которое вызывало только глубочайшее благоговение и низводило душу в глубины самое себя – «Афон!», – тогда вдруг почувствовалось, что сейчас перед нами нечто такое же по своей значимости, с чем мы соприкоснулись в Палестине и Египте. Казалось, мы попали в силовое поле Святой Горы и невидимое, но могучее воздействие оказывается сейчас на каждого.

Мы подплыли к русскому монастырю на исходе дня. И пока ожидали катер, на котором привезли для поклонения главные святыни обители (главы великомученика Пантелеимона и преподобного Силуана Афонского, а также десницу святого Иоанна Русского), все смотрели и не могли насмотреться на такие родные храмы, купола, кресты, людей на пристани. Тогда казалось, что расстояние, которое отделяло нас от берега, отделяло одновременно и от другого, совсем иного мира – мира Афона, преподобного старца Силуана, мира святынь, сосредоточенных на этой сравнительно небольшой территории как нигде больше в мире, – и каких святынь! Попасть сюда еще более невероятно, чем на Святую Землю, думалось мне тогда, и думалось совершенно искренне, так благоговейно и искренне, как редко случается думать и чувствовать. И вот теперь я вижу то место, где год назад не мог даже надеяться на осуществление того, что вот теперь – самая реальная реальность. Я на Святой Горе! Казалось, замкнулся, не считая этой сотни метров, некий круг. Какими путями, какими судьбами попал я в этот мир – не знаю, и начинает казаться, что это сон, и становится страшно от того, что можно вдруг проснуться...

С трудом отрываюсь от воспоминаний. Они восстановили то благочестивое и благоговейное настроение, с которым мы ступили на Афонскую землю и которое было несколько нарушено заботами обустройства и чувством неизвестности. День унес и свои заботы, наступающая ночь вернула прежнее ощущение величия происходящего с нами.

Сумерки на востоке кратки, после захода солнца быстро опускается ночь. В прошлом году в это время мы, наверное, уже достигли южной оконечности полуострова, обогнули ее, видя в темноте лишь маяк на мысе и на фоне ночного неба – черный силуэт вершины Афона. Когда растворился в ночной мгле и он, на палубе остались только любители звездного неба и свежего морского воздуха. Такое же южное звездное небо и сейчас в прямоугольнике окна. И такой же теплый воздух, влажный и пахнущий морем. Электрического света в нашем монастыре нет (по крайней мере в архондарике), керосиновые лампы едва освещают длинные коридоры. Есть одна и в комнате, но мы так ни разу за время пребывания ее и не зажгли. Жизнь по ритмам природы, по солнцу – жизнь естественная, а потому и принятая в монастырях. Ложимся и мы, тем более, что предполагаем быть в храме к началу службы, что по меркам даже родной Лавры довольно рано.

30 июля, среда. Ночь. Просыпаемся от звона колокольчика. Это обычное в каждом монастыре оповещение о скором начале богослужения. Встаем, пока еще без труда: ведь нам впервые предстоит побывать на

афонской службе. Быстро собираемся и через несколько минут оказываемся в Покровском храме. Он находится в верхнем этаже братского корпуса. Входим. В стасидиях вдоль стен уже стоят или сидят в ожидании службы многие из братии. Приложившись к главным святыням храма (главе преподобного Силуана, двум мощевикам, иконам великомученика Пантелеимона, преподобного Серафима и некоторым другим), становимся и мы, и почти сразу начинаются утренние молитвы. За ними следует полунощница, потом утренняя, часы и Литургия. День простой, служба вседневная. Тихая, мирная, благоговейная, по-афонски молитвенная; нет ни спешности, ни неестественной затянутости. Как дыхание – спокойное и ровное. На клиросах, правом и левом, поют несколько братий. Тоже просто, безыскусно. Служат иеромонах и иеродиакон. На Афоне принятие монашества не так почти необходимо предполагает дальнейшее рукоположение в священный сан, как в России. Многие даже высокой духовной жизни старцы до конца дней оставались просто монахами. Хотя «просто» здесь не совсем уместно: монашество, приходилось слышать, афониты ставят едва ли не выше священства, по крайней мере, последнее часто не принимается не только по смиренному осознанию своего недостойнства, но и из опасения, чтобы налагаемые священническим саном обязанности не препятствовали бы всецело предаться иноческим подвигам. Если же священный сан и принимается, то как послушание. В афонских монастырях только один архимандрит – игумен, несколько иеромонахов и иеродиаконов, остальные – монахи и послушники. Еще более чужда не только афонитам, но и грекам вообще принятая у нас система духовных наград и отличий. И эта простота, имеющая своей основой подлинную духовность, не может не привлекать.

Но вот кончилась служба. Ее мы, еще полные сил и решимости претерпеть все труды, чтобы возможно более полно почувствовать жизнь афонских монахов, отстояли полностью⁴. По окончании трапезы и небольшого отдыха в келии решаем предпринять наше первое афонское путешествие.

Определяем по карте маршрут, предполагаем посетить монастыри к северо-западу: Ксенофонт, Дохиар, Костамонид, Зограф, Хилендар, Эсфигмен, после чего вернуться обратно.

Итак, 30 июля: Ксенофонт – Дохиар – Костамонид. Немногим раньше полудня по европейскому времени мы покидаем монастырь великомученика Пантелеимона и на пароме, на котором прибыли вчера, но уже идущем обратно в Уранополис, направляемся на северо-запад. Первая остановка, и

⁴ Не то было уже несколько дней спустя, не говоря уже о последних днях пребывания на Святой Горе: утомленные длинными переходами, ранними подъемами и несколько привыкшие к своему пребыванию на Афоне, мы, бывало, просыпали не только полунощницу, утреню, но и опаздывали к Литургии – увы, как недостаточно лишь собственных усилий воли и первоначальной решимости. Недаром в духовной жизни более всего ценятся не отдельные успехи, а постоянство в преуспевании и терпение в искушениях.

мы сходим на пристани⁵ ближайшего монастыря. Это Ксенофонт, один из семнадцати греческих афонских монастырей. Он находится километрах в пяти от нашего монастыря, т.е. примерно в часе ходьбы по берегу. Подходим. Стена, способная выдержать нападение как с моря, так и с суши. Вся история Афона с X века (когда появляются первые из существующих ныне афонские монастыри) и до века XIX – время для Востока беспокойное. Пираты, сарацины, а потом турки, просто разбойники почти непрерывно нарушали покой этого монашеского края, иногда полностью захватывая полуостров, разрушая обители, истребляя насельников или налагая на них грабительскую дань. Над стеной возвышается, как и во всех других монастырях, сторожевая башня – пирг, одновременно служившая и последним убежищем для осажденных, когда монастырь уже был в руках врагов. Входим во врата в стене и оказываемся внутри монастыря. Нас вместе с несколькими другими паломниками приглашают в архондарик, где угощают и, в первый и последний раз на Святой Горе, просят показать диамонитирионы. После этого идем осматривать монастырь.

Время послеполуденное, очень жарко, никого не видно. Нам открывают соборный храм. Прикладываемся к чудотворному образу святого великомученика Георгия Победоносца на колонне справа вблизи алтаря. В VIII веке в Константинополе образ пострадал от иконоборцев и ктиторм монастыря, константинопольским вельможей Ксенофонтом (по имени которого и назван монастырь), был пожертвован обители. Ксенофонт – один из двух афонских монастырей (второй – Зограф), где икона великомученика Георгия является главной святыней, а сам он почитается как небесный покровитель обители. Слева, на другой колонне, находится чудотворная икона Матери Божией, чудесным образом перенесшаяся в Ксенофонт из Ватопедского монастыря. Несколько раз ее пытались вернуть на прежнее место, но наконец, вразумленные Изображенной на ней, покорились воле Божией и благословиению Царицы Небесной. Из-за ремонта в храме мы не могли в полной мере увидеть его внутреннее убранство и архитектуру, но нельзя не обратить внимание на высокий мраморный иконостас очень красивой работы. Этот единственный такого рода иконостас на Афоне (и один из немногих в Греции) является большой редкостью и ценностью и составляет одну из главных достопримечательностей Ксенофонта.

Итак, время послеполуденное, и храм был открыт специально для нас. Но приложиться к святым мощам, которые обычно хранятся в алтаре соборного храма и выносятся оттуда иеромонахом для поклонения, нам не удалось. В греческих монастырях, как и в Греции вообще, знойное полуденное время обычно посвящается отдыху. Поэтому увидеть внутреннюю жизнь монастырей, побывать на службе и приложиться к

⁵ По-гречески «арсана». Она есть у каждого монастыря и представляет собой небольшой причал из нескольких бетонных плит.

святыням мы имели возможность почти исключительно там, где оставались ночевать. Соборный храм Ксенофоновского монастыря был построен в XIX веке. Недалеко от него находится меньший храм, сейчас также реставрируемый. Из имеющегося у нас путеводителя узнаем, что храм был построен в XVI веке и в нем находятся две почитаемые мозаичные иконы – святых великомучеников Георгия Победоносца и Димитрия Солунского. Поднявшись на сторожевую башню и полюбовавшись окрестностями, покидаем первый афонский монастырь, открывший нам свои врата.

Наш путь лежит к следующему монастырю – Дохиару, в том же северо-западном направлении. Расстояние до него преодолеваем, идя вдоль берега, примерно за час-полтора. Теперь смотрим путеводитель заранее, во время кратких остановок для отдыха. Это полезно, во-первых, на случай, когда некому будет нам что-то рассказать в самой обители, а во-вторых, если нам все же покажут монастырь и его святыни, легче будет понять рассказ, ведущийся по-английски. Вообще языковая проблема у русских паломников существует, и если новогреческий язык мало кто знает, то объясняться на английском хотя бы немного просто необходимо. Без первого невозможно общаться с монахами старшего поколения, с которыми и можно поговорить о молитве, вообще о духовной жизни, афонском подвижничестве; также многие келиоты, даже молодые, могут не понимать не по-гречески. В монастырях, как правило, кто-нибудь из братии владеет европейскими языками (часто это архондаричные), так что в этом случае объясниться удастся даже при минимальном словарном запасе и разговорном навыке. Но последнее, опять же, – в ущерб глубине беседы. Так, к сожалению, наш английский позволял вести разговор чисто событийный (кратко рассказать о себе, о России и Русской Церкви, послушать общие сведения о монастыре, его уставе и жизни, что-то спросить или попросить). Легче в этом плане в славянских монастырях, сербском и болгарском: общий богослужебный церковнославянский язык делает и современные языки хотя и не без труда, но все же понятными. Наконец, можно встретить на Афоне и русских паломников, которые знают не только английский, но и новогреческий. Тогда они обычно берут на себя роль переводчиков.

Но вот мы почти уже у Дохиара: он виднеется впереди метрах в трехстах. Останавливаемся и смотрим путеводитель. Монастырь основан в X веке Евфимием, дохиаром Лавры преподобного Афанасия Афонского («дохиар» по-гречески – заведующий продовольственной частью монастыря), откуда и получил свое название. Далее следует описание чуда, следствием которого было посвящение обители святым Бесплотным Силам. На завершение строительства не хватало средств, и молодому послушнику во сне было указано место на соседнем острове, где в давние времена пиратами был скрыт клад. Отрок рассказал о видении настоятелю, который послал его туда вместе с двумя иноками. Соблазненные врагом нашего спасения, иноки решили присвоить себе найденное, а отрока погубить, сказав, что он обманул их и сбежал, а они вернулись, ничего не найдя. После обретения сокровища они, исполняя свой план, бросили своего проводника в море, привязав ему на

шею камень, а сами отправились в монастырь. Но твердо веруя и продолжая молиться уже в пучине, как пророк Иона во чреве кита, отрок был извлечен из глубины морской святыми архангелами Михаилом и Гавриилом, перенесен в монастырь и положен в соборном храме, где утром его, мокрого и дрожащего от холода, с камнем на шее и нашел пришедший отворять храм епископ. В страхе он доложил об увиденном игумену, и когда в храм собралась братия и стали расспрашивать отрока, тот рассказал все, что с ним произошло. Игумен оставил его в храме, а когда вскоре пришли посланные за сокровищем иноки и рассказали, уверенные в своей безнаказанности, придуманную ими историю, их отвели в храм, где они к своему ужасу и стыду увидели, как Господь спасает Своих верных рабов и расторгает сети коварных. Таким образом решился вопрос о небесном покровительстве обители, а камень и по сей день благочестивые паломники имеют возможность видеть и прикладываться к нему. Но есть в монастыре еще большая святыня. Это одна из главных чудотворных икон Афона – образ Божией Матери «Скоропослушница», о которой скажем в своем месте.

Пока мы читали эти краткие сведения, нас догнал турист, также направлявшийся в Дохиар. После взаимных приветствий он рассказал, что приехал из Боливии и его жена знает русский язык. Он католик, но с интересом путешествует по Афону. До монастыря мы шли уже вместе. Говоря с ним, думалось: что движет многими и многими стремящимися на Афон? Таких людей несколько категорий. Во-первых, православные паломники, и не только из России и Греции, но и из других православных стран, поместных Церквей; во-вторых, рабочие, которые здесь строят келии, ремонтируют монастыри, храмы, обрабатывают поля. Несмотря на то, что в монастыре вся братия, не исключая и самых старших, трудятся, численность подвижающихся сейчас, намного уменьшившаяся по сравнению с прежними временами, не позволяет все делать только своими силами. Поэтому помогают и паломники, и рабочие. Третья категория – вездесущие туристы, особенно из Европы и Америки. Проблема, так близкая нам, насельникам Лавры преподобного Сергия, куда стремятся попасть практически все иностранцы, по крайней мере приезжающие в Москву. Их интерес понятен. На Западе есть все или почти все, что мир, его наука, техника, культура, может предложить, и западного человека почти ничто в России удивить не может. Те области, в основном военная, где мы идем наравне с Западом, были и остаются закрытыми; наши «товары широкого потребления», «социальная сфера» и т.п. могут заинтересовать его лишь в том отношении, как, живя в таких условиях, можно не только существовать, но еще и соревноваться с западным миром. Искусство, особенно русская литература, вообще русская культура, история – это несколько интереснее, как то, что приоткрывает «тайну русской души». Точнее, не столько приоткрывает, сколько предлагает загадку, вопрос – не давая ответа, так как является производным. Чего? И не понимая, не зная (как не знают и наши неверующие соотечественники), не находя ответа ни на подсвеченной вечерами Красной площади, ни в Большом театре, ни даже в Третьяковской галерее, они,

случайно или интуитивно, просят повезти их в Троице-Сергиеву Лавру. И интуиция не подводит. Истоки материальной культуры – в культуре в собственном смысле слова, в культуре светской. Но она в свою очередь есть продукт, отражение, преломление культуры духовной, ответ религиозной жизни народа. Растения в саду поливают из лейки, но вода не берется в ней сама по себе, ее черпают из колодца, где на большой глубине таинственным образом собирается, очищается, распределяется, перемещается по своим законам живоносная влага. Видна она бывает только будучи поднятой на поверхность, и мало кто догадывается о ее путях под землей. Но именно благодаря воде жизнь приходит на землю. Трудно сказать, что происходит в душе того, кто в первый раз попадает в Лавру (равно и на Афон, в другие святые места). Сердца человека никто не знает, *кроме духа человеческого, живущего в нем* (1 Кор. 2, 11), и Бога, сотворившего человека и давшего ему жизнь, предназначенную стать «путем ко спасению», на который он рано или поздно должен вступить. Когда? Каждый в свое время. Но не может Бог, *желающий всем спастись и в познание истины прийти* (1 Тим. 2, 4), допустить, чтобы человек ни разу в жизни, в какие бы условия (экономические, социальные, культурные) он ни был поставлен, чтобы каждый из нас хотя бы раз в жизни не получил возможность сделать свободный, сознательный и ответственный выбор: быть ли ему с Богом, откликнуться на Его призыв и тем самым изменить свою жизнь или продолжать свое существование только в земном, материальном измерении. А для этого надо почувствовать Бога; если до времени пусть и не узнать Его закон, не встать на путь служения Ему, то хотя бы почувствовать, глубоко и достоверно, Кто есть Бог, что есть Его закон и жизнь как исполнение этого закона. И кто знает, не является ли таким призывом ощутить действие благодати Божией (как единственно возможного для тварного существа способа постичь Бога) посещение Лавры преподобного Сергия или Афона? Где, как не здесь, это благодатное действие так ощутимо, так реально присутствует? И есть люди, которые однажды посетив даже обычный православный храм, монастырь, услышали этот зов и откликнулись на него искренним обращением, изменением своих взглядов, своей жизни. Бывают такие чудесные обращения и в Лавре, когда однажды побывавшие у Преподобного уже не могут жить без нее, приезжая, прилетая за тысячи километров, иногда из других стран. И если для ангелов радость бывает даже об одном кающемся грешнике (Лк. 15, 7), если одна человеческая душа, уготованная Творцом для вечного блаженства, дороже всего преходящего мира, не будем чрезмерно скорбеть о нарушении покоя монастыря, роптать на многолюдство, шум и суету, вносимые миром в монастырскую ограду, на человеческое непонимание, а может быть и осуждение. (Рассказывают, как в Лавре западный турист, увидев молящихся в храме монахов, спросил экскурсовода: «Скажите, а сколько платят этим людям за то, что они здесь стоят?») Но если у нас к подобному вторжению мира уже привыкли, то для Афона это представляется (именно в силу новизны проблемы и очевидной тенденции к ее усугублению) большим искушением. Особый образ, ритм

уединенной жизни даже в общежительных монастырях, сокровенное молитвенное делание, требующее сосредоточения всех сил, внимания к самым незначительным движениям сердца – как здесь не вспомнить святителя Игнатия, сравнивавшего монашеское делание с изысканным, нежнейшим и благоуханнейшим оранжерейным цветком, вырастить который возможно только оберегая его от малейших неблагоприятных воздействий ветра, жары и холода, сухости и излишней влажности. Этот земной рай духовной жизни имеет своих птиц, прекраснейших, но не терпящих никаких иных условий, кроме самых благоприятных. Афон сейчас, наверное, последнее место на земле, где есть такие условия и духовная традиция, не прерывающаяся веками. Надолго ли?⁶

На самом деле помещение этих рассуждений здесь много опережает события. На Афоне мы еще только второй день, и подобные размышления лишь начинают появляться вместе с первыми впечатлениями и наблюдениями. Такой свой окончательный вид они примут позже.

Тем временем подходим к монастырю Дохиар. Его стены выше и неприступнее, чем у Ксенофонта. Расположен он на крутом скалистом берегу. Внизу виднеется пристань, мы же, идя несколько выше, подошли к самому входу. Над воротами в полукруге из стекла икона святых Бесплотных Сил. Они и до настоящего времени хранят обитель, как некогда сохранили невредимым юного послушника. Здесь тоже безлюдно и мирно. Заходим в открытые ворота, сразу налево – архондарик. Садимся. Прохлада в тени каменных стен после часа, проведенного под палящим солнцем, лучше даже воды. Минут через пять появляется монах-архондаричный. Он прост и приветлив, хотя, возможно (даже скорее всего), мы его разбудили или оторвали от дела, может быть молитвы. Но определить этого нельзя; афонское гостеприимство тема особая, и ее еще предстоит коснуться. Традиционная холодная вода, ракия (местное название крепкого напитка, хорошо восстанавливающего истощенные крутыми подъемами, жарой и усталостью силы), лукум. Посидели бы еще, если бы не знали, что нас ожидает, – уже, быть может, через несколько минут, в нескольких шагах. Но сначала, как обычно, храм. Здесь он один. Традиционно греческий, красные стены, коричневая черепица. XVI век. Посвящен святым Архангелам. К святыням, по той же причине, что и в Ксенофонте, приложиться не удастся. Выходим из храма и через несколько шагов оказываемся перед входом в старинную трапезную обители. Около нее находится икона, ставшая со времени явленного здесь Матерью Божией чуда строгого суда и

⁶ Особая проблема, не стоявшая с VI века, когда Сама Пресвятая Богородица повелела царевне Пульхерии покинуть Афон, с запрещением впредь женской ноге ступить в этот монашеский и Ее, Божией Матери, удел, – это проблема доступа женщин на Афон. В самой Греции феминистки требуют отмены этого запрета, до сих пор сохраняющегося. Ссылаются на «права человека», нелегально проникают на Афон, фотографируясь на фоне прибрежных монастырей, помещая фотографии в газетах, еще больше разжигая страсти.

неизреченной милости великой святыней всего православного мира. Вот она, в небольшой комнатке справа, если идти, как идем мы, из храма в трапезную. Входим – и оказываемся перед иконой Божией Матери «Скоропослушница». Множество лампад ровных тихим светом едва рассеивают полумрак, из которого предстает благоговейному взору чудесный образ XI века.

«Скоропослушница»... Какое умиленное именование, какая любовь к этой иконе, ее почитание всеми православными! Ее слава – наравне с «Иверской», «Троеручицей». Но здесь – не только обилие чудес, но и название, в котором что-то от заботливости матери, ее нежности, любви, тревоги, готовности всегда помочь. Однако как будто именно название не совсем соответствует тому событию, с которым прославление иконы связано. Событие это следующее. Один монах, несший послушание в трапезной, часто проходил мимо иконы с зажженной лучиной, освещая себе путь. Он не знал или по небрежению не придавал значения тому, что копоть от его светильника загрязняет образ Матери Божией, написанный рядом с входом. И вот однажды он услышал голос от иконы: «На будущее время не приближайся сюда с зажженной лучиной, не копоти Мой образ». Подумав, что кто-то из братии решил подшутить над ним, трапезарь (его имя было Нил) не придавал значения происшедшему. На следующий день повторилось то же, а когда Нил не вразумился и в третий раз, его внезапно поразило столь страшное расслабление, что он не мог даже сам стоять (по другим источникам, он еще и ослеп). Увидев в происшедшем справедливое и промыслительное вразумление, Нил просил братию устроить ему напротив иконы место, где он мог бы умолять Царицу Небесную не только об исцелении тела, но и о прощении его греха и спасении. Три года провел он в дневной и ночной молитве перед образом Пречистой, который он столь долгое время оскорблял. И его молитва была услышана. В один из дней к нему был голос от иконы: «Нил, молитва твоя услышана, ты прощен». С тех пор он стал здоров, как и прежде, но случившееся переродило нерадивого монаха в подвижника, всю оставшуюся жизнь посвятившего иноческим подвигам. И вот на месте, где были проведены Нилом три года, теперь стоим мы. Невольно представляется, в каких страданиях почти неподвижно лежал здесь несчастный, – и не отчаялся, не возроптал, но верил, умолял и был помилован и спасен. Подвиг веры, чудо милости Божией, великого Материнского всепрощения и заступничества Пресвятой Девы... Но все же что-то смущает, не дает от полноты сердца спеть тропарь, даже молиться про себя. Что же? Да, название: «Скоропослушница». Мать Божия услышала, как Она слышит и подает помощь всегда (даже когда по смотрению Божию не делает этого сейчас же). Но – три года, «скоро» ли это, даже для здорового человека? А три года непрекращающихся страданий? Только ли дело здесь в том, что Мать Божия Сама так назвала Свою икону, что Церковь не может ошибаться, прославив и почитая икону именно как Скоропослушницу? И действительно, дело, как обычно, в нашей душевности, всегда односторонней. Нам представляется в первую очередь и сильнее всего то, что ближе и понятнее, – страдания. (Так, в слове «мученик» русский перевод

делает акцент именно на боли, тогда как греческое «мартирос» передает саму суть этого подвига – свидетельство: о вере, о Христе.) И забывается, что *женщина, когда рождает, терпит скорбь; когда же родит младенца, уже не помнит скорби от радости* (Ин. 16, 21); и это тоже хорошо знакомо: бывает, долгое время мы страдаем, что-то болит; но вот боль проходит, и как быстро забывается болезнь, как легко и сразу мы принимаем восстановленное здоровье за нечто естественное и по праву нам принадлежащее, как мало склонны благодарить за него и Бога, и людей; как слабо чувствуем такую же боль, когда сталкиваемся с ней у наших ближних. И такая радость, рождающая забвение, бывает даже о прошедшей незначительной боли. А что же говорить об избавлении от таких страданий, которые пережил Нил? И не только от них, но и от осуждения и вечной гибели?! Не покрыла ли эта радость во много и много раз перенесенную им скорбь? И еще: три года – много (да и то не всегда) по земным меркам. Но что это время по сравнению с вечностью, вечностью блаженной, которую принесший покаяние инок стяжал, и перед вечностью осуждения, которой он, как прощенный, избежал? Ничто, миг, как операция, которая может быть и болезненной, и длящейся многие часы, – но она ничто по сравнению с последующими годами, десятилетиями полноценной, здоровой и радостной жизни! Конечно, действуют не эти доводы рассудка; теодицея вещь философская, апологетическая, настоящей вере не очень-то и нужная. Благодать коснется сердца, и сомнения *яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы* (помыслы) *от лица Божия* (Пс. 67, 3). Так и теперь. Поклоняемся, прикладываемся, поем тропарь, величание. Вблизи образ оказывается очень древним. Он за стеклом, где висят во множестве свидетельства чудесной помощи Матери Божией – приношения от тех, кто с верой притекал к Ее иконе и получил просимое: на цепочках от одного края иконы до другого привешены чеканные пластинки из драгоценных металлов с изображениями глаз, рук, ног, младенцев; видим здесь панагии, иерейские кресты, церковные и светские ордена, даже часы. Это восточный обычай: в знак благодарности за помощь (исцеление, разрешение неплодства), полученную по молитве у той или иной святыни, сподобившийся милости приносит иконе дар, часто в виде символического изображения исцеленной части тела, вообще просимого или какую-нибудь драгоценную вещь. У всех чудотворных икон таких приношений множество – зримое свидетельство небесной помощи Матери Божией и святых угодников.

Выходим. Но перед тем как идти обратно к храму, нас вводят в расположенную напротив почти такую же по размерам комнату, где видим список, тоже чудотворный, «Скоропослушницы». Икона в богатой золоченой ризе, присланной из России. (Вообще большинство драгоценных окладов, риз икон, облачений в здешних монастырях – дары боголюбивых русских людей так ими любимому и чтимому Афону, его святыням.) Приложившись, идем обратно в храм. Здесь между колоннами находится тот камень, который увлек послушника в морскую пучину. Прикладываемся к этому зримому

свидетельству того, что «где хочет Бог, там побеждается естества чин». Перед тем как выйти из монастыря, поднимаемся, уже одни, к противоположной от моря стене – она находится намного выше, так как монастырь стоит на склоне горы, круто спускающейся к морю. Поднявшись, оказываемся на уровне куполов соборного храма. Хорошо видны окрестности. Разгар дня, по-восточному солнечного, яркого. Видим далеко, откуда пришли и куда предстоит идти. Спускаемся, выходим в те же ворота, что и входили. Святые Архангелы с собором Бесплотных Сил провожают нас благословением своей иконы над входом. Следующий монастырь – Костамонид. Но до него предстоит идти еще вдоль берега (по карте примерно такое же расстояние, как от Ксенофонта до Дохиара), а потом в горы.

Времени «по-европейски» часа полтретьего-три. Восстановив силы в Дохиаре, вдохновленные виденным, идем легко. К рельефу местности уже привыкли (идем не вдоль берега, иногда обрывающегося скалами в море, а по тропке, которая вьется выше, открывая виды один лучше другого). Проходим через чей-то участок оливковых деревьев. Вот и келия, но, похоже, сейчас никого нет. Через час мы уже у причала монастыря Костамонид, от которого предстоит идти в гору перпендикулярно берегу, к самой обители. Очень жарко, и мы, уже изрядно уставшие, решаем при возможности проделать оставшуюся часть пути на попутной машине (встретившийся нам человек сказал, что она скоро будет на пристани и сразу поедет обратно).

Не дождавшись машины, отправляемся в путь. И хотя до монастыря не так далеко (убеждаемся в этом на следующий день, возвращаясь почти к причалу на монастырской машине минут за десять-пятнадцать), это был наш самый, наверное, трудный афонский переход (не считая, конечно, подъема на вершину): дорога все время, хотя и не круто, в гору; совсем нет тени – при более чем тридцатиградусной жаре; один поворот за другим, и вновь подъем. К тому же слабость от целого дня пути. Наконец, идя уже из последних сил, неожиданно оказываемся почти у самого монастыря: дорога здесь поднимается, а обитель располагается ниже, так что ее не видно не только с моря, но даже вблизи.

Заранее читаем путеводитель (тем более, что сейчас рады каждому поводу остановиться). Монастырь Костамонид (или Константонид) занимает последнее место в иерархии афонских монастырей. Его название происходит либо от имени императора Константина Великого или его сына Константина, которым приписывают основание на этом месте первого монастыря (и тогда правомочно прочтение «Констамонид», то есть «монастырь Константина»), либо от имени отшельника Косты, здесь подвизавшегося, либо, наконец, Костамонид (если держаться этого названия) в переводе с греческого означает «обитель среди каштановых деревьев». Действительно, в окрестностях монастыря их множество.

Уже с первого взгляда небольшая, укрытая от постороннего взгляда, затерявшаяся среди гор обитель вызывает в нас искреннюю симпатию. Это небольшой как по площади, так и по числу братии греческий монастырь уклада строго аскетического и трудового. Кажется, сейчас это уже

единственная на Афоне обитель, не имеющая электричества, почти не использующая труд рабочих, реже других посещаемая (а потому и рассеиваемая) не только туристами, но и паломниками. Одним словом, ищущий идеал монашества найдет его здесь не в славной истории или многочисленности святынь, но в главном – самой жизни, духе обители.

Итак, мы у стен, традиционно крепостных, серого камня. Ворота. Войдя, сразу оказываемся перед соборным храмом. Время начала службы. Направляемся в архондарик, расположенный в самой гостинице и представляющий собой несколько келий для паломников. Сельская простота и чистота. Очень простая мебель (скамьи и стол самодельные), ручной (видимо, тоже местной) работы половики, на чисто выбеленных стенах несколько в простых оправах картинок и репродукций; пол хотя давно не крашенный, но чисто выметенный; на столе на старенькой, но очень опрятной скатерти традиционная «Книга посетителей». И встречают нас также по-деревенски радушно, просто. Здесь с языком было бы совсем трудно, если бы не встреча, к нашему удивлению, с о. И., который раньше был в другом греческом монастыре – Филофее, а недавно перешел сюда. Он русский, сын белого офицера, эмигрировавшего в конце гражданской войны в Грецию. Для о. И. русский язык родной, и мы много говорим. Но это позже, а сейчас, несмотря на то, что служба уже началась, нас, как гостей, размещают и терпеливо ждут. В комнате, где стоят шесть-семь кроватей, нас только двое. Та же простая обстановка. Оставляем вещи и направляемся в храм. Служба уже идет. Тихо становимся в свободные стасидии. Обстановка умиротворяющая, но ощущаем в себе не расслабленность (которую можно было бы ожидать после такого дня – ведь еще несколько часов назад мы были в монастыре великомученика Пантелеимона), а возникшее в душе созвучие той мирной молитвенной сосредоточенности, которая царит в храме. Сам монастырский соборный храм очень простой, серого камня. Видно, он уже давно не ремонтировался, может быть, не хватает средств. Богослужение на греческом, но в целом понятно (немного известен язык, да и чинопоследования у нас и греков почти одинаковы). Вечерняя служба непродолжительна. Она первая для нас на Афоне (не считая русского монастыря). Скромная трапеза, и нас уже ожидает о. И. Смеркается. Тишина и покой непередаваемые; кажется, они растворены в самом воздухе. Ничего не тревожит, не смущает – блаженное состояние. Садимся на скамейку у стены храма, и начинается беседа. Сначала немного рассказываем о себе, потом – рассказ о. И. Жаль, нет диктофона. Памяти не удержать того множества имен, мест, событий, которые вместила жизнь этого старца-иеромонаха (тем более значимые, что он был учеником о. Софрония (Сахарова), «писателя жития» столь чтимого на Святой Горе преподобного Силуана Афонского). Сначала о. И. рассказывает о себе, как в эмиграции его семья поселилась в Афинах, где в шестнадцать лет он встретился с о. Софронием, пригласившим его на Афон. Святая Гора произвела на молодого тогда человека такое впечатление, что ее посещение не только всерьез обратило его к Богу, к вере, но со временем сделало монахом,

афонским монахом. Бывал он и в Англии, где в последние годы жил в основанном им монастыре о. Софроний. Кое-что через учителя и наставника дошло до о. И. и о преподобном Силуане. И если даже об о. Софронии собеседник отзывается как о старце высокой жизни и памятном афоните, то каков же был преподобный Силуан, его старец! Удивительное благоговение о. И. к обоим передается и нам. Хочется слушать и слушать. Но мы и так беседуем уже около часа – совсем стемнело; чувствуется, устал и о. И. (о нас нечего и говорить, хотя интересно чрезвычайно; но завтра рано вставать и опять в путь). Это чувствует и он: чрезвычайно мило (по-русски, как теперь только читаем в книгах, мемуарах XIX века) благодарит нас за приятную беседу, провожает до нашей келии и, пообещав разбудить завтра утром на службу, желает доброй ночи. Мы остаемся одни. Темно. В коридорах горят керосиновые лампы. Есть одна и в нашей комнате. Но не зажигаем ее: сил нет, кажется, даже на это. Некоторое время сидим каждый на своей кровати – события прошедшего дня переполняют, и душа не может не благодарить Господа за неизреченную милость, которой мы сподобились. Так окончился второй день нашего пребывания на Святой Горе.

31 июля, четверг. Наступил третий день. Нас будит о. И. Видя, как мы утомлены, он пришел за нами только теперь, когда окончилась полунощница, утренняя, начались часы. Встаем, умываемся и как раз успеваем к началу Литургии. Нас приглашают, как диаконов, ближе к алтарю; как ни удивительно, но из-за простоты всей обстановки никакой неловкости не чувствуется. Литургия, естественно, на греческом. Но зная чинопоследование, легко понимаем, что совершается. Хор здесь под стать всему остальному, самый простой. Два-три человека держат одну ноту, а один выводит узор песнопения (как доводилось слышать, такое пение чем-то напоминает икону: как на золотом фоне божественной вечности разворачивается священное изображение библейского события, жития святого, так и здесь «песненное» богословие литургических текстов накладывается на некоторый как бы идеальный, никогда не изменяющийся, как само Божество, фон звуковой). Опять невольно отмечается «семейность» обстановки: нет ничего внешнего, показного (например, при пении соло не слышно ни малейшего тщеславия, волнения, игры – голос ровный, уверенный, привычно изо дня в день повторяющий священные песнопения). Но это именно патриархальная простота, никогда не переходящая в небрежность, расслабленность, неблагоговение. Все строго, чинно именно внутренне – и тепло, как не бывает почти никогда при многолюдстве.

По афонскому обычаю почетное право чтения Символа веры за Литургией предоставляется гостям, но мы об этом еще не знаем. Однако возникшая в связи с этим минутная заминка слегка смутила только нас – все погружены в молитву. После чтения «Отче наш» и запричастного стиха, пока в алтаре причащаются священник и диакон, в храме происходит поклонение иконам и приветствие игумена и братии. По старшинству (мы опять оказываемся одними из первых и, не зная порядка, ориентируемся только на двух-трех иеромонахов, идущих впереди) все подходят сначала к иконам,

стоящим в киотах перед иконостасом справа и слева от Царских врат (обычно самые чтимые в монастыре, если это соборный храм, а не параклис), и поклоняются им (поклоны поясные), потом отходят на середину храма и кланяются (без крестного знамения) в сторону Царских врат и направо и налево (по направлению к клиросам) братии. Затем, оборачиваясь, идем к месту игумена (справа от Царских врат, напротив иконы Спасителя, первому в ряду братских стасидий, полукругом обрамляющих правый клирос). В зависимости от размера храма это несколько шагов, так что в небольших параклисах кланяются прямо с центра храма, только повернувшись к этому месту (даже если игумена на службе нет; впрочем, в афонских монастырях это бывает редко). Потом можно подойти к другим иконам, но это уже по усердию каждого. Обычно вся братия и паломники, присутствующие за богослужением, успевают совершить это обычное поклонение до того как начинается причащение мирян. Вот и отпуст, Литургия окончена. Идем в трапезную. Это первая, как и богослужение, наша трапеза в афонском монастыре. Она очень проста, пища в основном растительная, вареная; кусок сыра, стакан воды, вина, хлеб – и все. Игумен и несколько старших – во главе стола (так во всех монастырях). «Учиненный чтец» из братии с особого места читает (обычно житие святого, память которого совершается в этот день, или поучение – нам понять трудно). В конце трапезы, после звона колокольчика, он прекращает чтение, подходит к игумену и получает от него что-то из того, что было на столе – кусок хлеба или огурца, как сейчас, или какой-нибудь фрукт. После общей молитвы он остается обедать. Мы выходим, опять же по старшинству: впереди игумен, за ним остальные. И вот еще один благочестивый местный (а может быть и общий древний) обычай: трапезники и повара (обычно трое) становятся при входе, в поясном поклоне, игумен – напротив них, приподняв правую руку и благословляя. И так они стоят друг против друга, пока братия и паломники покидают трапезную, проходя между ними. Таким образом игумен без слов всех благословляет, а несущие послушание в трапезной испрашивают благословение и прощение, если чем-то не угодили братии или гостям.

Утро. Нет и десяти часов. О. И. говорит, что если мы собираемся уезжать, то сейчас на монастырскую пристань идет машина, которая может нас забрать. Это кстати, поскольку путь сегодня предстоит неблизкий: через Зограф мы намерены добраться, если Господь благословит, до Хилендарского монастыря. Поэтому принимаем предложение о. И., быстро собираемся, прощаемся с гостеприимным и так пришедшимся нам по душе Костамонидом. Спускаемся из гостиницы, мимо храма идем к воротам, выходим. Машина еще не готова, и минут десять мы еще сидим с о. И. у монастырской стены. Сидим в утренней тиши на простой, как в деревне, лавочке – под крепостной стеной. Станный контраст. Говорим (как всегда, когда предстоит расстаться навсегда) о малозначительном – общение идет на другом уровне, хотя мы знакомы только со вчерашнего дня: все стараешься увидеть, почувствовать, запечатлеть в памяти – ведь сказать можно так немного... Но вот машина готова. Садимся. Трогаемся. О. И. не уходит,

сколько мы его видим в зеркале. Едем минут пятнадцать по дороге, вчера казавшейся бесконечной. Нас высаживают (чтобы потом не пришлось возвращаться), немного не доезжая пристани, в оливковой роще – за ней начинается дорога к Зографу. Прощаемся с нашим шофером. Пройдя немного через ряды ухоженных оливковых деревьев, оказываемся на широкой дороге, ведущей уже от пристани Зографа к самому монастырю. Она поднимается немного в гору, но не круто. Идем в тени лесистых отрогов, образующих ущелье; внизу уже почти высохший горный поток, превратившийся в ручей. Утро, хотя и не раннее, еще сохраняет прохладу ночи; впереди – целый день, который нам предстоит провести на Афоне, и много, много еще дней. Идти легко и радостно в предвкушении того, что нас ожидает. Душа сама, кажется, благодарит Бога, так все устрояющего...

Через час с небольшим подходим к развилке, образуемой дорогой, по которой мы шли до сих пор и которая теперь идет в обход монастыря более полого, и тропинкой, взбирающейся вверх прямо к обители, по указателю – красной стрелке с написанным белой краской названием монастыря. Сворачиваем на нее и после недолгого подъема видим стены Зографа. Постепенно подходим, пока не оказываемся под нависающей над нами громадой монастырской стены (точнее, внешней стороной многоэтажного огромного корпуса, являющегося одновременно и стеной с башнями). Удивляясь величию постройки, обходим монастырь и, повернув направо, оказываемся перед входом. Время около полудня. Заходим в большие монастырские ворота – они открыты. По-прежнему дивимся мощи болгарской обители. Такова она и внутри. Войдя, видим знакомую надпись «архондарик» и следуем в указанном направлении. Поднимаемся на второй или третий этаж корпуса-стены, вдоль которой недавно шли. Некоторое время ожидаем, в громадности этих построек чувствуя себя немного потерянно. Но это до тех пор, пока не вспоминаем, что мы уже в пятом афонском монастыре, причем в монастыре славянском. И действительно, с пришедшим архондаричным быстро находим некоторый общий русско-болгаро-славянский язык, которого, однако, вполне хватает для общения. И сразу отступает неловкость, которая чувствуется в незнакомой обстановке. После записи в книге гостей идем приложиться к святыням обители. Первым делом – в соборный храм в южной части монастырского двора.

Храм довольно большой, византийской архитектуры, посвящен святому великомученику Георгию Победоносцу, который и является небесным покровителем обители. В храме находятся три его чудотворные иконы. С первой связана история возникновения обители. Как часто бывает, при ее создании возник вопрос, кому ее посвятить. В это время на Востоке ширились арабские завоевания. Игумену Фануилева монастыря в Сирии было открыто, что его обитель будет захвачена, и монахам повелено было спасаться бегством. Как знамение истинности обетования, из обители на виду у братии с чтимой иконы исчезло изображение святого великомученика Георгия. Удостоверенная чудом, братия разошлась кто куда, а монастырь был разорен. Долго скитался по Востоку и игумен, пока не пришел на Афон и

не очутился в Зографском монастыре. Здесь он увидел изображение великомученика Георгия, много лет назад чудесно исчезнувшее из его обители, и поведал о случившемся братии Зографа. Когда посмотрели архивные записи, то точно под указанным игуменом годом, месяцем и днем нашли запись о чуде, произошедшем в Зографе: на доске, приготовленной для написания иконы, само собой явилось изображение великомученика Георгия Победоносца. Это и решило вопрос о небесном покровителе болгарской обители. О том, что эта икона, находящаяся справа от Царских врат в специально устроенном перед солеей киоте, чудотворная, свидетельствует множество драгоценных приношений, подвешенных на цепочках. Она действительно древнего письма, в окладе, оставляющем открытыми только лик и десницу великомученика, держащую копье. Связано с ней и другое чудо, уже нового времени. Память о нем видна на левой ланите, около подбородка святого Георгия. Что́ это, мы поняли только после рассказа нашего проводника. Один греческий архиерей, посетив Зограф, усомнился в истинности рассказа о чудесном явлении иконы и даже позволил себе с пренебрежением коснуться пальцем изображения. Тотчас его палец невидимой силой как бы прирос к иконе, так что отделить его не представлялось возможным иначе как ампутировав фалангу, после чего епископ вразумился и просил прощения у Бога и Его угодника, часть же пальца, ссохшаяся, но несомненно узнаваемая, как знак вразумления Божия остается на иконе и по сей день. Наконец, от этой же иконы получила свое название и обитель: «зограф» в переводе с греческого («зoi» – жизнь, «графo» – пишу) «живописец»: видимо, так поразило чудо самоизображения иконы древних насельников.

Вторая икона великомученика Георгия, тоже чудотворная, располагается симметрично относительно первой, слева от Царских врат, также в киоте. Она называется «Аравийская» и, чудесно явившись на Афоне, оказалась в Зографе следующим образом. Поскольку никто не знал, откуда и как появилась эта икона (сначала – в Ватопедском монастыре), решили, что Сам Господь укажет, в какой обители ей должно пребывать. Тогда святую икону возложили на мула, которого отпустили идти, куда захочет. Бродя по Святой Горе, он со своим драгоценным грузом остановился наконец на вершине холма в виду болгарского Зографа и дальше уже не пошел. Это было воспринято как видимый знак воли Божией пребывать святой иконе здесь. На холме был построен небольшой храм, – его мы видели слева от тропинки, по которой подошли к обители, – а икона была перенесена в обитель.

Наконец, напротив нее, но уже относительно направления север-юг, симметрично относительно Царских врат месту игумена, находится третья чудотворная икона великомученика, подаренная обители молдавлахийским господарем Стефаном VI. Чудесное покровительство монастырю святого Победоносца – и ответная любовь и почитание его насельниками!

Но это еще не все: здесь же в храме находятся две чудотворные иконы Матери Божией. Одна в алтаре, называется «Услышательница». Перед ней

молился преподобный Косма Зографский и однажды на слезное вопрошание, как ему спастись, услышал от иконы голос, повелевавший ему уйти из обители и подвизаться в пещере, находящейся близ нее, что он и исполнил (место его затвора мы посетим несколькими часами позже, по пути в Хилендарский монастырь).

Вторая чудотворная икона именуется «Акафистная». Один из старцев, живших в келии в окрестностях монастыря, однажды, молясь перед этой иконой, услышал голос, предупреждавший его о готовящемся набеге на обитель латинян. Он поспешил в монастырь, но когда пришел, то увидел там свою келейную икону, через которую Пресвятая Богородица предупредила верно служащих Ей и право Ее чтущих о приближающейся опасности.

Приложившись к святыням соборного храма, выходим. Справа от входа в монастырь, в северо-западном углу двора, видим обелиск. Для Афона это редкость. Спрашиваем. Оказывается, это памятник двадцати шести монахам Зографской обители, которые претерпели мученическую кончину: в 1276 году они были сожжены в башне латинянами за то, что отказались вместе с ними служить. Засвидетельствовав свою веру и свою верность кровью, святые мученики Зографские получили венцы жизни вечной: памятник им был поставлен, когда над этим местом после их кончины стало являться сияние – божественное удостоверение святости их подвига. Совсем уже собравшись уходить, мы опять зашли в архондарик взять свои вещи. Выйдя из него и идя по коридору, в одной из комнат мы неожиданно оказались в обществе нескольких братьев. Узнав в нас гостей, после недолгого разговора сам игумен захотел нас немного проводить и, быть может, еще что-нибудь показать в обители. О том, какая это была милость Божия к нам, мы могли убедиться уже вскоре. Светлый образ Зографского игумена о. Амвросия – одно из самых дорогих наших афонских впечатлений.

Как мы узнали позже, еще до недавнего времени в Зографе был другой игумен, который, любя безмолвие, через некоторое время решил сложить с себя бремя настоятельства и тайно покинул обитель. Тогда братия избрала о. Амвросия, против его воли, согласившегося только по послушанию. Он тоже тяготится новым положением, но по-монашески несет свой крест управления обителью. Наш разговор состоялся уже на обратном пути из Зографа к Хилендарскому монастырю. Небольшой штрих, чтобы не говорить о Зографском игумене много: он не только предупредил нас, что приблизительно в километре отсюда дорога раздваивается (одна ведет в нужном нам направлении, а другая – к той дороге, по которой мы шли сюда от побережья), но и проводил нас до развилки, удостоверившись, что мы не заблудимся. И это – игумен афонского монастыря, нас – простых иеродиаконов, в знойный полдень, в черных монашеских одеждах, после продолжительного богослужения, в послеобеденное время, предназначенное для отдыха, проделав с нами немалый путь под гору (а значит, потом обратно, круто вверх, под палящим солнцем), с любовью и смирением непередаваемыми...

Весь облик его, совсем еще не пожилого человека, худошавого, с только начинающей седеть бородой, кроткий и добрый, стал для нас олицетворением афонского монашества и гостеприимства. Лицо его как бы излучало свет, хотя поведал он нам о вещах нерадостных. В первую очередь о «нашей бедной Болгарии», самой расцерковленной из всех стран бывшего соцлагеря: почти никакого интереса к вере, к Церкви у соотечественников, мало даже паломников-болгар, не говоря уже о пополнении числа насельников. В его голосе – неподдельная скорбь, но не отчаяние: ведь над всем Господь. Лицо не помрачается, глаза хотя и грустно, но опять же светло и обнадеживающе время от времени смотрят на нас. Действительно, чудесное лицо. Хочется смотреть и смотреть. Как и голос – слушать: некоторые рассказы слышим повторно, но сила веры и духа, сила кротости и любви, заключенная в них, делает главным не информацию. Так и бывает при общении со старцем. Насельников сейчас в монастыре около двадцати пяти (большинство из них мы и видели сейчас в комнате, беседующих со своим игуменом) – явно недостаточно даже просто для поддержания такого огромного монастыря. И действительно, некоторое запустение в обители чувствуется: чего стоит густая пыль на позолоте и подвешенных приношениях чудотворных икон, особенно по контрасту с тем благоговением и любовной заботой, которой окружены святыни у нас в России. Но есть и обратная сторона этой малочисленности – семейность обстановки, отношений между братией и игуменом, и это тоже очень чувствуется: скорби разъединяют эгоистичные натуры и сплачивают тех, кто в ближних видит не средство для себя, своих нужд, а «бога после Бога», по выражению святых отцов.

Беседуя таким образом, доходим до развилки. Здесь прощаемся, просто и сердечно. Там, где это есть, не нужно много слов. Расстаемся со ставшим нам таким дорогим отцом Амвросием. Мы держим путь к сербской Хилендарской обители (третьему славянскому монастырю на Афоне), самому северному, не считая Эсфигмена. Сейчас около двух часов дня. Солнце высоко, но в густой тени нависающих над тропой деревьев со свежими силами идти радостно. По пути нам предстоит увидеть указатель к пещере преподобного Космы Зографского, которому был голос от иконы «Услышательница». Минут через сорок подходим к стрелке, показывающей направо. Спуск в довольно глубокий овраг, подъем по крутому противоположному склону, и мы у пещеры. Последние метры преодолеваем по лестнице, приделанной к почти отвесной стене – место действительно неприступное. Сейчас в естественной нише перед пещерой устроена небольшая келия, постелен пол, в углублении стоит икона преподобного Космы, в ящичке стола лежат свечи, журнал посетителей (в нем также находим знакомые имена), житие (русского, дореволюционного издания, славянскими буквами!), стоит бутылка с маслом. Входим в пещеру, прося молитв преподобного Космы о себе, о наших близких, затем возвращаемся к иконе и, зажегши свечи и лампадку, поем тропарь. Некоторое время отдыхаем, читая житие. Проходит минут сорок, пора собираться. В

последний раз смотрим из пещеры на окрестности: в отдалении виден Зограф, прямо через овраг – тропа, по которой нам предстоит продолжать путь. По ней, уже не останавливаясь, идем к Хилендарскому монастырю.

Север Афона очень отличается от южной его части: лесистый, менее гористый и жаркий, он ближе русской душе. Не потому ли славяне и предпочли обосноваться здесь? Дорога – ровная тропка – не поднимается и не опускается. Мы идем почти на север и немного на запад. Небольшая остановка в нерешительности на довольно обширной просеке, откуда отходит несколько дорог – ошибаться нежелательно: день уже клонится к вечеру, а добраться хочется засветло. Принятое после некоторых колебаний решение оказывается правильным, и довольно пологий, но долгий спуск приводит нас наконец к сербскому монастырю, конечной цели сегодняшнего перехода. Выйдя из-за очередного поворота, оказываемся у самых стен обители. Она стоит в небольшой долине и имеет, как и все афонские монастыри, крепостной, но вполне спокойный вид. Обходим стену, заходим в ворота. Здесь нам оказывают такой же радушный прием не только из-за наших славянских лиц и подрясников, но и потому, что мы упоминаем имена наших соучеников по Московской Духовной Академии – сербов, здесь хорошо известных.

Прежде всего идем в соборный храм поклониться дорогой всем православным святыне – иконе Божией Матери «Троеручица». История ее столь же известна, сколь любима и почитаема сама икона, поэтому, думается, нет нужды здесь ее приводить. Прикладываемся и к святым мощам: главе пророка Илии, главе великомученика Артемия, деснице святого Никифора Цареградского. У входа в храм видим лозу, о которой нам рассказывают следующее. На этом месте был похоронен отец святителя Саввы Сербского, святой Симеон. Долго противившийся принятию сыном иночества, сначала хотевший силой воспрепятствовать ему в этом, а потом даже требовавший от сына сложить с себя святыне иноческие обеты, в конце концов примирившийся с Промыслом Божиим и со святым Саввой, ставшим самым чтимым святым Сербской Церкви, Симеон в конце жизни сам принял постриг на Афоне в основанном ими Хилендарском монастыре и после кончины был похоронен у западной стены монастырского храма. Когда в Сербии начались нестроения, для умирения враждующих святитель Савва перевез тело отца, остававшееся нетленным и мироточившее, на родину, что помогло водворению мира в Сербии. На месте же, где покоилось тело преподобного Симеона, названного Мироточивым, выросла виноградная лоза, ягоды которой имеют чудодейственное свойство исцелять бесплодие и многим семействам, с верой прибегающим к молитвенному предстательству святого Симеона, даровавшие радость иметь детей.

Нас вдвоем размещают в комнате и приглашают в трапезную, хотя обед уже окончен. После дня пути мы, разумеется, не отказываемся. По той же причине угощение кажется особенно вкусным. После этого идем в монастырский музей. На Афоне их немного, Хилендарский – один из лучших. Здесь хранятся рукописные книги, грамоты и иконы, начиная с

основания обители (XII в.), Евангелия (в том числе вклад императрицы Елисаветы Петровны, 30-килограммовое), прекрасно вышитые облачения, митры, резные предметы – еще Византийской эпохи.

Тем временем смеркается. Вечер проводим с двумя молодыми монахами, обратиться к которым нам посоветовали наши соученики-сербы. Объясняться непросто, но, сохраняя внимательность, возможно. Когда делать это становится все труднее, благодарим за гостеприимство, ужин, беседу и идем отдыхать.

1 августа, пятница. После утренней службы гостеприимные сербы предлагают походить по окрестностям: недалеко от моря, на месте бывшего греческого монастыря, находится келия святого Василия; менее часа ходьбы и до самого северного афонского монастыря Эсфигмен. Но сегодня оканчивается срок действия наших диамонитирионов (мы уже четвертый день на Святой Горе), а потому необходимо вернуться в Русский монастырь, чтобы их продлить. Снабженные всем необходимым в обратное путешествие, ускоренным шагом возвращаемся вчерашней дорогой до развилки на Зограф и далее – до пристани болгарского монастыря, на южное побережье. Покидаем Хилендарскую обитель часов в девять. Еще прохладно, путь известен. Преодолеваем его часа за полтора и успеваем на паром, несколько дней назад доставивший нас на Святую Гору. Это «Аксион эстин». Знакомые пристани: Костамонида, Дохиара, Ксенофонта и, наконец, Русского Пантелеимонова монастыря. Еще нет и полудня, а мы уже в своей гостиничной келии. Решаем, уладив дела с диамонитирионами, отдыхать до вечера, потом пойти на Всенощное бдение (завтра – память святого пророка Божия Илии), а на следующий день, смотря по силам, отдыхать или продолжать путешествие. Пока разыскиваем представителя нашего монастыря в Протате и отдаем ему документы с просьбой об их продлении, наступает время вечернего богослужения. Малое повечерие, молебн святому великомученику Пантелеимону, трапеза. Во время вечерних молитв исповедуемся – ведь предстоит служить. Первое наше Всенощное бдение на Святой Горе и первое служение. Некоторое волнение не дает уснуть, и еще задолго до начала звона встаем и идем в храм. Приходят клиросные, тихо собирается братия, размещаясь в стасидиях вдоль стен. Слабый свет немногих свечей освещает только те святыни, перед которыми они возжжены, и храм, погруженный в полумрак, кажется пустым. Облачаемся (входные молитвы читаются прямо перед Всенощной, так как Литургия следует за ней без перерыва). «Господи, благослови»: свеча, кадило, отверзаем Царские врата. Все неспешно, но собранно. Признак подлинной духовности: быстро, но без спешки и суеты; благоговейно – без затягивания, медления; покаяние – без уныния, надеждой и упованием охраняя мир сердца даже в слезах; радость – без превозношения, смиряя себя страхом Божиим и пониманием, что если бы не Господь помог, ничего и не было бы; в скорбях благодушествуя (*злостраждет ли кто, – по апостолу (Иак. 5, 13), – пусть молится*), в веселии умеряя восторги (*весел ли кто, пусть поет псалмы*), всегда сохраняя свое сердце благодарением Богу за все. У нас же, плотских,

все наоборот: в скорбях отчаиваемся, в удачах превозносимся, в благополучии забываем о Подателе всяческих благ и не благодарим, а гордимся, все приписывая себе (хорошо, если хотя бы умом понимаем свою неправоту, а уж с сердцем вообще совладать трудно...) «Благослови, душе моя, Господа» поется антифонно полностью. Покровский храм (в верхнем этаже братского корпуса) большой, икон много, но и его успеваем покадить неспеша, чинно и благоговейно. Мирная ектения. «Блажен муж» также полностью. Стихиры, паремии, ектении, лития.

Кончается вечерня, начинается утренняя, а с ней и следующий день.

2 августа, суббота. Память святого Илии пророка. Несмотря на то, что глубокая ночь, жарко и хочется пить. Но после полуночи можно только смочить водой уста – ведь скоро начнется Литургия. Кафизмы читаются полностью, во время чтения диаконы сидят в стасидиях вне алтаря, заходя туда только тогда, когда подходит время ектении. Полиелей. Канон. По 6-й песни – акафист. Хвалитные псалмы тоже поются полностью. Стихиры. «Слава Тебе, показавшему нам свет». Великое славословие. Первый час, третий, шестой. Литургия. Различие в ее служении чувствуется минимально, молишься ли на Соловках или у Гроба Господня, на Афоне или на Валааме, в Оптиной или в Дивеево. Так и сейчас. «Небо на земле», открывающееся настолько, насколько мы способны вместить. Так действует благодать – безгранично, только подставляй сердце; хочешь получить больше – расширяй его, очищай: ведь как ничто нечистое в Царство Божие не войдет (Откр. 21, 27), так и здесь, на земле, этому Царству остается непричастно то, что осквернено *страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24).

Служба подходит к концу. Отпуст. Разоблачаемся. Выходим из храма. Уже утро, часов около восьми. Завтрак. Усталость чувствуется как-то хорошо, как наполненность, умиротворенность. Не хочется спешить, стремиться куда-то, к чему-то: кажется, все, что только можно желать, уже совершилось, уже внутри тебя. Да ведь по сути так оно и есть: Святые Тайны, Сам Христос... Только бы подольше сохранить, не рассеиваться.

Идем отдохнуть. Как ни странно, просыпаемся быстро. Вот отличие утомления в миру (страстями, ненормальной, бездуховной жизнью, суетой, одним словом – самим собой) от благодатной усталости после дела доброго, богоугодного; становится понятно, почему после стольких дневных трудов и ночных бдений подвижникам достаточно было нескольких часов для отдыха: укрепляющая благодать Божия, обитавшая в них, восполняла недостаток и сна, и еды, и всего остального. Воистину, *ищите прежде Царствия Божия и правды его, и все остальное приложится вам* (Мф. 6, 33). Вечное Евангелие.

Еще можем успеть на паром. Быстро собираемся, уже на пути к пристани обсуждая маршрут: сначала в Дафни, потом автобусом в Карею, а там посмотрим: предполагаем выйти на северное побережье и посетить его монастыри. Вот и паром. Двадцать минут, и мы в главном порту Афона.

Дафни. Причал. Несколько домиков, лавок. Кафе, почта. Но сначала таможня. Беглый досмотр. В XX веке (а началось еще в XIX) усилился отток древностей со Святой Горы в связи с возросшим интересом к ее истории,

истории Византии, Востока, монашества, просто страстью к собиранию древностей. Из афонских библиотек стали исчезать старинные книги, иконы. Меры, хотя и с запозданием, были приняты: сейчас запрещается вывозить, например, книги, изданные ранее 1950 года; то же с иконами, произведениями декоративно-прикладного церковного искусства. Таможенники следят и за тем, чтобы не провозились видеоаппаратура и кассеты: на Афоне разрешены только фотосъемка и аудиозапись. Но здесь все по-домашнему просто (именно просто – «формально» язык не поворачивается сказать): даже сугубо гражданские службы в этом святом месте несут на себе, кажется, отпечаток духовности, неразрывно связанной с детской доверчивостью, лишенной всякой подозрительности, напряженности. Милая, дорогая простота верующего православного сердца, одинакового и в России, и здесь, на Афоне! Ты питаешься одним Духом, живешь одним Источником всякой жизни, любви, простоты, не возбранившим некогда даже врагам Своим, – потому и везде одинаково являющим Свое присутствие. Но как устоять перед натиском мира, все больше ищущего другого, дышащего все более полно иным, противоположным духом, мира развращенного, дерзкого, апостасийного? И опять слышится: *Не бойся, малое стадо, ибо Отец благоволил дать вам Царство* (Лк. 12, 32). На земле, в истории временной мы потерпим поражение, царство антихриста восторжествует, но «после всего всех победителей победит Христос» – это вера наша, знание наше, надежда и знамя наше: «Сим победим!»

Двух-, трехэтажные домики. В первых этажах – две лавки, где можно купить все (не удерживаемся, заглядываем): книги, иконы, афонское рукоделие, бытовые вещи, продукты. Небольшое кафе, никогда не пустующее. У самого причала стоят два автобуса. Маршрут здесь один: «Дафни – Карея». Заходим. Все места уже заняты. Шофер, видя, что мы в подрясниках, просит уступить нам два передних места. Его охотно слушаются, мы (хотя и несколько смущенные) садимся и почти сразу трогаемся. Ехать минут сорок-пятьдесят. Дорога от побережья поднимается в гору (движемся вглубь полуострова). Проезжаем мимо монастыря Ксенофонт (здесь побываем через два дня). Находится он недалеко от моря, но уже достаточно высоко, и добраться до него не так легко, как кажется с причала. Отсюда серпантин подъема вскоре сменяется более ровной дорогой, не так шумит мотор. Зелено, умеренно гористо – мы едем по центральному Афону. Вдалеке справа виднеется его вершина. Но вот и Карея, эта монашеская столица Святой Горы. Четких границ она не имеет, постепенно переходя в отдельные келии. На ее окраинах находятся русский Андреевский скит и греческий монастырь Кутлумуш. Автобус останавливается на небольшой центральной площади. Выходим. Двухэтажные домики с лавками в первых этажах. Товары те же, что и в Дафни. Улочка выводит нас к зданию Протата – учреждения, ведающего делами Святой Горы. В него входят по одному представителю от всех двадцати монастырей Афона и глава этого своеобразного Синода – прот. Есть на Афоне и представители греческих

гражданских властей, губернатор, полиция. Над зданием Протата, построенном в классическом стиле, – Афонский флаг. Ко входу ведет большая мраморная лестница.

Напротив находится протатский храм. Он открыт, и мы заходим. Знаем, что здесь находится одна из великих афонских святынь – икона Божией Матери «Достойно есть». Она стоит под сенью на Горнем месте в алтаре. Негромко поем тропарь, величание, прикладываемся. Видеть ее саму нам кажется не меньшим чудом, чем тому послушнику, который первым из людей сподобился услышать чудный ангельский гимн Матери Божией и увидел его записанным на камне. Икона древняя, потемневшая (что усугубляется посеребренным окладом), с утратами. Но это не вызывает тревоги музейных работников, не создает шума – здесь молятся, и внутреннему взору чистого сердца святыня светит и умными очами видится так же ясно, как и столетия назад. Быть может, и эту Свою икону благоволит обновить когда-нибудь Царица Небесная. *Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и все остальное приложится вам* (Мф. 6, 33), – и здесь вспоминается это божественное обетование. И наоборот, «забота» соловьевского антихриста о собирании, хранении, изучении христианских реликвий – без Христа...

В иконостасе находятся, справа и слева от Царских врат, две тоже замечательные иконы – Спасителя и Матери Божией, XVI века. Сочетание живости, одухотворенности ликов со строгостью соблюдения иконописного канона производит большое впечатление. Очень оживляет иконы и цветовое решение. Но все же главное сокровище здесь – в алтаре. Еще раз, уже мысленно, припав к нему и испросив благословение на этот день, на паломничество, на жизнь свою, покидаем храм Протата, своей суровой архитектурой, башней-колокольней напоминающий крепость. В нем сохранились фрески XVI века.

Теперь нам предстоит отыскать келию святителя Саввы Сербского. Это удастся сделать не без труда – наш вопрос вызывает недоумение. Оказывается, на Святой Горе ее называют «Сербская келия», или «Типикарница». Она совсем недалеко от храма. Здесь находится чудотворная икона Божией Матери «Млекопитательница». Эта келия приписана к Хилендарскому монастырю; сейчас здесь подвизается один монах, о. С. Он на Афоне уже сорок лет, тридцать четыре года был в Хилендаре, и вот теперь живет здесь совершенно один. Старец видимо рад нам. Проходим в храм, прикладываемся к святыне. Тоже удивительный образ: девственно-целомудренный и матерински-чистый. И как близок каждому христианину замысел иконописца – млеко своих щедрот и милостей Мать Божия питает нас так же, как вскормила Родившегося от Нее. Мать Божия, прости, спаси, не остави нас!

Храм и росписи XII века. О. С. не имеет священного сана, в основном читает Псалтирь и совершает последования, которые можно служить и без священника. Пока мы в храме, он только отрывочно комментирует то, что мы сейчас рассматриваем, кратко отвечает на вопросы, – чтобы не мешать нам

приобщиться святыне, которую он хранит и которая ему так дорога. Зато когда выходим и, не желая огорчить нашего радушного хозяина, соглашаемся разделить с ним трапезу, разговор заметно оживляется. Как и в монастырях болгарском и сербском, здесь понимание речи приходит со временем. И вот мы уже беседуем, – если не свободно, то сносно, – и что только не интересуется о. С., о чем только он не спрашивает и не рассказывает сам (и это при жизни уединенной и, по всему видно, подвижнической). Под стать разговору и угощение – самое простое, но бесконечно изобретательное: зелень, хлеб, сыр, вино, консервы, чай, сладости. Неудивительно: то и другое зависит не от образованности и достатка, а от любви и радушия. Это чувствуется и так дорого, что не уходим часа три не только потому, что не хотим огорчить о. С., но и самим не хочется. Однако уже приближается время вечерней службы, а мы намереваемся ночевать в Ивиране – пора. Не без сожаления, сфотографировавшись напоследок со старцем на фоне его келии, расстаемся.

Решаем посетить греческий монастырь Кутлумуш. Он менее чем в километре ходьбы отсюда, и через несколько минут мы уже входим в его ограду. Чистый, ухоженный двор, стены-корпуса, храм. Обычный для Афона призыв к службе: монах с деревянным биллом выстукивает все ускоряющийся ритм. Заходим в храм, но уже началась служба, и к его святыням приложиться не удастся. Однако не скорбим: и так какой милости сподобил уже нас Господь сегодня! Уходим, проходя от стен до границ монастырских владений прекрасными ухоженными садами⁷.

Теперь наш путь в Ивирон. Беспокойство вызывают сгущающиеся тучи и усиливающийся ветер. Погода меняется с каждой минутой. Мы почти вернулись к келии о. С., когда начал накрапывать дождь. Не остаться ли у него на ночь, тем более что он приглашал нас? Но до наступления темноты еще часа три, и нам не хочется терять время. Только бы не усилился дождь. Посоветовавшись, решаем продолжать путь. Минуем храм и здание Протата и, через несколько минут оказавшись уже на другом конце Кареи, идем дорогой на Иверский монастырь.

Погода как будто ожидала, чтобы мы отошли настолько, чтобы не было смысла возвращаться обратно – мало-помалу усиливающийся дождь вдруг разразился ливнем. Идти дальше нет никакой возможности. Спрятавшись под козырек над крыльцом ближайшей келии, решаем переждать хотя бы некоторое время. Но и слишком медлить тоже нельзя – дело к вечеру, а из-за непогоды темнеет еще быстрее.

⁷ Сам монастырь был основан в XII веке императором Алексием Комниным. Как и все афонские обители, неоднократно разорялся и возобновлялся. Его стены в плане образуют прямоугольник; соборный храм – Преображения Господня – XVI века. Фрески этого же времени. Здесь находится знаменитая «Акафистная» (но не та, что в Зографе) икона Божией Матери: вокруг Ее образа изображены пророки и весь акафист в лицах. Среди других святынь обители – часть главы великомученицы Анастасии Узорешительницы, частица Животворящего Креста, рука святителя Григория Богослова, рука святого Харлампия, частицы мощей мученика Кирика, великомученика Евстафия Плакиды, глава преподобного Алипия Столпника и др.

За нашими спинами тихо открылась дверь, и на пороге появился монах. Улыбаясь, жестом приглашает войти. Разувшись, проходим в гостиную. Пытаемся как-то объяснить, но по-английски о. С. (так зовут монаха) не говорит, приходится как-то объясняться жестами, именами собственными. Он иконописец и живет здесь со своим старцем. Угостив нас кофе, показывает свои работы. Оставляем ему вид Лавры и несколько русских иконок. Он благодарит и предлагает остаться. Когда же мы все-таки отказываемся и, увидев в окне, что дождь поутих, высказываем намерение продолжать путь, он неожиданно покидает нас и возвращается с двумя зонтиками. Подарок для нас дорогой и неожиданный, к тому же очень своевременный. Благодарим, прощаемся. О. С. еще некоторое время стоит на пороге келии, глядя нам вслед. Через некоторое время спускаются сумерки. Приходится, когда видим указатели, использовать благоразумно взятый фонарик: точно дорогу мы не знаем. Надпись на одной из стрелок кажется знакомой. Да, конечно: «Панагуда» – келия старца Паисия Святогорца! Какая очередная милость Божия – ищи мы ее, когда бы еще нашли, и вот как, Господь привел! Несмотря на то, что всякое отклонение от конечной на сегодня цели становится все более рискованным из-за непогоды и позднего времени, решаемся не упускать такую возможность и посетить жилище одного из известнейших подвижников нашего времени.

Минут через двадцать, несколько поплутав, оказываемся у калитки. Около нее на пеньке стоит банка с заклеенной прозрачной лентой надписью на крышке. Это лукум, который старец Паисий оставлял для тех, кто проходил мимо его келии.

Старец скончался в 1994 году. Теперь здесь живут два келиота, занимающиеся иконописанием. Долго оставаться мы не можем, поэтому после традиционного угощения нам дарят на память несколько иконок, фотографию старца и тисненную на дереве иконку Матери Божией, подобную тем, которые при жизни делал живший здесь подвижник. Мы благодарим теперешних насельников и покидаем так нечаянно обретенную келию. Выходим на оставленную дорогу и продолжаем путь. Быстро темнеет, а как далеко еще Иверский монастырь, мы не имеем никакого представления. Благо, дорога не сворачивает и не разветвляется. Дождь моросит, но это уже беспокоит мало: добраться бы до цели, и желательно до того, как закроют ворота.

Идем настоящим тропическим лесом. Высокие деревья обвиты плющом, зелень в сумерках кажется почти черной. Мерное шуршание падающих капель. Воздух так насыщен влагой, что кажется, чувствуешь, как она проникает внутрь при дыхании. Вдруг на западе в разрыве туч проглядывает опускающееся солнце. Огненно-закатное, оно на несколько мгновений озаряет окрестности, но уже через минуту этот неземной пейзаж тонет в ночной мгле.

Продолжаем путь, едва угадывая дорогу. Справа от нее виднеется какое-то строение. Похоже, храм и келия. Что это, узнаем завтра, вернувшись сюда, сегодня же времени останавливаться нет. Да и темно. Здесь же

произошла неожиданная встреча, от которой едва ли не в первый и единственный раз за эту афонскую поездку стало не по себе. Подходя к храму, увидели, что на дороге что-то стоит. Оказалось – ослик, вернее «мулашка» (уменьшительное от «мул»; обычное, особенно для скалистого южного Афона, где нет автомобильных дорог, животное, которое используют для доставки грузов в скиты и келии). Ради такой встречи останавливаемся на несколько минут, фотографируемся. А он как стоял, так и стоит, задумчиво или сонно. Даже вспышка не произвела никакого впечатления.

Через несколько минут заросли оканчиваются, сразу становится светлее, впереди – море, а справа внизу, наконец-то, темный массив стены – Ивирон. Слава Богу, добрались. Спускаемся. Ворота открыты. Как-то уже интуитивно находим архондарик: прямо, в противоположной стене, и немного справа. Поднимаемся на второй этаж. В комнате-приемной, с большим столом и скамейками вокруг, видим паломника. Удивленный, пытается о чем-то спросить нас по-гречески. Увы. Уходит и быстро возвращается, как мы понимаем, с архондаричным. Еще прежде чем что-то спросить (вернее, во время первых приветствий) буквально ощупывает нас, мокрых с головы до ног, с удивительной искренностью и жалостью. Все написано на лице – и это у человека, которого, видимо, только что разбудили или оторвали от молитвы (участь и крест любого гостиничника). Дружелюбие, приветливость во всем. После заполнения гостевой книги сразу ведет нас в трапезную, быстро собирает небольшой, но достаточный (а после такого путешествия – просто прекрасный) ужин. Чтобы не смущать нас, уходит. Ужинаем. Такое впечатление, что уже глубокая ночь (хотя по европейскому времени девять-полдесятого): темно (электричества нет или его не включают, горят редкие керосиновые лампы), тишина, ни души. Поужинав, возвращаемся в комнату для гостей. Благодарим. По внешности и прекрасному английскому догадываемся, что монах – англичанин или американец, и не ошибаемся. Здесь, на Афоне, не редки случаи, когда в греческих обителях подвизаются монахи самых разных национальностей со всего мира: встречались мы с англичанами и немцами, австралийцем и американцем – для действия благодати Божией нет границ и условий, и евангельское благовестие в его неискаженном святоотеческом понимании и силе духа не только уязвляет, обращает, но и призывает к высочайшему подвижничеству (какое и есть афонское монашество) из всех народов, состояний, профессий – тех, кто способен в чистоте сердца и честности откликнуться на этот призыв, отказавшись от привычного окружения, своих религиозных традиций, взглядов на жизнь (сейчас становящуюся все более антихристианской не только в прямом смысле – распространение сект, иноверных учений, атеизма, – но и косвенно, увлекая современного человека соблазнами комфорта, идеями прогресса, всеобщего благоденствия и т.п.)

О. И. – так зовут архондаричного – родом англичанин. (Послушание в гостиннице нередко несут братья-иностранцы, обычно знающие несколько европейских языков, а за время пребывания на Святой Горе овладевающие и греческим.) Он все так же предупредительно и как-то мягко (но естественно,

без тени человекоугодия) ведет нас еще на этаж выше, в уже приготовленную келию. Лампу включаем только чтобы лечь. Засыпаем тут же, даже не посмотрев в путеводитель: каковы история и святыни обители, куда Господь нас привел. Еще и потому, что знаем главное: мы – в Ивироне, у Иверской иконы Божией Матери, или Портаитиссы (Вратарницы), и этого достаточно. Ее чудесную историю нет необходимости оживлять в памяти, она известна и дорога каждому православному сердцу. «Пресвятая Богородице, спаси нас! Дай нам увидеть завтрашний день, чтобы сподобиться узреть и приложиться к славнейшему из Твоих святых образов!»

3 августа, воскресенье. Утро. Просыпаюсь с ощущением необыкновенной свежести во всем. Наша комната чиста и светла. Вчера прошел дождь, и в радостных лучах утреннего солнца все, особенно зелень, играет и искрится. По-особенному свеж воздух, придал силы и ночной сон. Все так, но есть что-то еще, неуловимое, внутреннее. Однако долго размышлять не приходится – умываемся и идем на службу. Соборный храм. Афонская традиция уже более или менее известна, и мы спокойно молимся. После службы трапеза. Игумен немного знает русский, нас представляют. Несколько слов по пути из трапезной. К нашей радости находим русского послушника В. (хотя в братии он пока не состоит). Попал на Афон и здесь остался, без паспорта, денег, диамонитириона. Таких русских на Афоне несколько. Еще с одним встретимся позже в Лавре преподобного Афанасия. В. с радостью на правах старожила (он здесь уже более года) показывает нам монастырь, его святыни. В первую очередь идем к Иверской иконе. Она находится в небольшом храме сразу при входе в монастырь (немного слева). Не верится, что видим сам чудотворный образ. Насколько знаком он нам по спискам, фотографиям, настолько поразительно отличается от всего прежде виденного сама икона – действительно как живая! Оторваться от нее трудно не только взглядом, но и взором внутренним. Притягивают бесстрастным притяжением чудные глаза Божией Матери, иконописно отстраненные, но взглядом проникающие, кажется, в самые глубины души. Самое удивительное из «внешних» впечатлений, которое можно выразить словами, – от раны на Пречистом Лике Богоматери. Обычно на списках иконы ее изображают символически: красный штрих – ранка, из которой истекают капельки крови. Не то, совсем не то здесь. Видим глубокую, до доски рассеченную от сильного удара, сколовшего, вырвавшего часть дерева, – действительно рану с запекшейся кровью. И если палец, оставшийся на иконе великомученика Георгия, – происшествие скорее удивительное, то здесь – чудо «страшное и преславное».

Из других святынь в обители находятся главы святителей Григория Нисского и Григория Неокесарийского чудотворца, части мощей святого Иерофея и многих других угодников Божиих. Теперь Иверский монастырь греческий. О его основателях (X век) и первых насельниках-грузинах ныне напоминает только название. Это не единственная обитель на Святой Горе, со временем ставшая греческой (из-за оскудения братии той национальности, принадлежавшие к которой его основали и изначально населяли). К таким

относятся бывшие сербскими Григориат и монастырь святого Павла, основанный румынами (валахами) Кутлумуш, может быть и некоторые другие (тем более что со временем некоторые монастыри, скиты прекратили свое существование).

Теперь нам предстоит осмотреть окрестности этой славной обители. Выходим и поворачиваем направо, к морю. Идем вдоль стены, за которой виднеется монастырский огород. Рядами посажены овощи, на аккуратных грядках весело зеленеют всходы. Все умыто ночным дождем и свежо зеленеет под нежгучими еще лучами солнца. Монастырь находится метрах в ста от берега. Около пристани стоит сторожевая башня. От нее сворачиваем направо и идем вдоль берега параллельно стене обители. Через несколько минут подходим к небольшой часовне. Она построена над источником, забившем на месте, откуда старец Гавриил пошел по водам, когда чудотворная Иверская икона в течение нескольких дней и ночей в столпе света стояла на море в виду обители, но попытки взять ее, подплыв на лодке, оставались тщетными: икона удалялась по мере приближения к ней. Тогда одному из старцев Иверского монастыря было открыто, что ему надлежит принять великую святыню подобающим ей чудесным образом. Принесенная в обитель, икона была помещена в соборный храм, где утром ее, однако, не нашли. Стали искать и обрели над воротами обители. Три раза переносили святую икону в храм, и три раза она возвращалась над ворота, пока братии не была открыта воля Царицы Небесной, Которая сказала, что не желает быть охраняемой, но Сама будет охранительницей Иверской обители, после чего она получила название «Портаитисса», или «Вратарница». Потом было бесчисленное множество других чудес, сделавших ее всеправославной святыней и, наверное, самой известной и чтимой чудотворной иконой Божией Матери на Святой Горе, в некотором роде ее символом (может быть и потому, что с Афоном ее связывает следующее пророчество: афонским инокам разрешено и даже повелевается покинуть Святую Гору, когда уйдет из Иверской обители эта чудотворная икона – так же чудесно и внезапно, как и пришла она сюда по воде; о двух других знамениях, указывающих на то же волеизъявление Божие в отношении афонитов, скажем далее; всего же их по преданию три: одно связано с Иверской иконой, два других – с преподобными Нилом Мироточивым и Петром Афонским). Еще об одном чуде «Благой Вратарницы, двери райския нам отверзающей», скажем чуть ниже.

Место, на котором мы находимся сейчас, у источника (с чистой пресной водой – у самого моря, в 4-5 метрах!) знаменито еще вот чем. Оно называется «Климентова пристань», и по преданию сюда пристал корабль с Божией Матерью, когда Она направлялась на Кипр, чтобы, по вознесении Спасителя утешиться встречей с епископом этого острова, святым праведным Лазарем Четверодневым, которого воскресил Господь. Но по Промыслу Божию поднявшейся бурей корабль был отнесен к берегам Афона. Тогда, по преданию, капище на вершине Афонской горы потряслось, и Аполлон, главный идол этого места, возвестил жителям острова, чтобы они,

оставив свое нечестивое служение демонам, шли встречать Матерь Великого Бога Иисуса и поклонились Ей. С этого события и началась христианизация Афона. Матерь Божия Сама проповедала его жителям Благою весть о воплощении, искупительном подвиге и Воскресении Ее Божественного Сына. Таким образом, мы ступаем сейчас по земле, освященной стопами Пресвятой Богородицы. Как и в Палестине – Святая Земля!

Возвращаемся к монастырю, но идем дальше: перед тем как покинуть древнюю обитель хотим подробнее осмотреть то место, где вчера повстречали в столь неурочный час ослика. Идем метров 250-300. Знакомый небольшой храм у дороги. Около него келия, рядом – гробница с эпитафией. Обращает на себя внимание растущее поблизости в ограде раскидистое дерево, по виду очень древнее. Вот какую историю, идя сюда, услышали мы от В. Келия эта – одного из иверских монахов, живших здесь до тяжелой болезни, вынудившей его покинуть это место и лечиться в Салониках. Он в преклонном возрасте и чает вернуться сюда, уже для вечного упокоения. Поселился же он на месте, прославившемся после следующего случая милости Царицы Небесной к роду человеческому, вернее, к одному из его беднейших представителей – некоему страннику, который даже не имел, чем заплатить за кусок хлеба, в котором ему и отказали по этой причине в Иверском монастыре. Удрученный и изнемогающий от усталости и голода нищий дошел до этого места и сел передохнуть. Задремав, он увидел во сне некую Жену, подающую ему золотую монету и повелевающую вернуться в обитель и купить себе хлеба. Проснувшись, странник исполнил повеленное. Его возвращение вызвало недоумение, а протянутая монета – подозрение, не совершил ли он, еще недавно не имевший ничего, воровства. Его готовы были уже задержать, когда вдруг кто-то обратил внимание на саму монету: кроме ее древности и необычности для Византии, она многим показалась знакомой. Кто-то предложил пойти к чудотворной иконе, и когда пришли, то увидели, что из самого ее центра исчезла одна из привешенных многочисленных монет, в которой узнали ту, что была сейчас принесена. Вразумленные чудом и рассказом странника, насельники Иверского монастыря с тех пор отличаются особым гостеприимством (что наглядно подтвердил нам вчерашний вечер). Таково предание. Дерево сохранилось еще с тех давних пор, а в память явления на этом месте Божией Матери и был выстроен этот небольшой храм. Он сейчас закрыт, и мы можем осмотреть его снаружи, только заглянув через окошко внутрь.

Время приближается к полудню, пора в путь: завтра память святой равноапостольной Марии Магдалины, и мы хотим успеть на Всенощную в монастырь Симона Петра, где хранится часть ее десницы, являющейся главной святыней этой обители. Для этого нам предстоит пересечь Афон с севера на юг. Расстояние не так велико (километров 15-20), но ведь надо перевалить через центральный хребет (и это уже в виду вершины, по мере приближения к которой он становится все выше), к тому же не имея провожатого и не зная дороги (а вдали от монастырей, келий, где нам предстоит идти, указатели редки) в тропинках можно и запутаться. Сначала

решаем добраться до монастыря Филофей – по карте это около часа ходьбы, километров 5-6, но в гору. Возвращаемся в Иверский монастырь, забираем вещи, прощаемся. Жаль покинуть святую обитель, чудесную икону... Может быть, Господь сподобит когда-нибудь посетить это место еще раз. Очень надеемся и желаем этого.

В. провожает нас до пристани. Отсюда начинается дорога на Филофей. Неожиданно появляется машина, останавливается. Сомневаемся, что шофер что-нибудь понял из просьбы В. в отношении нас, но главное (что его просят довести нас до Филофея) он улавливает и приглашает садиться. Трогаемся. Дорога идет вдоль берега, одновременно поднимаясь. Все выше и солнце – пришлось бы нам потрудиться, идя пешком, особенно учитывая предстоящий путь. Действительно, не близко. Машина идет в монастырь Каракал (еще дальше, юго-восточнее по побережью), так что доезжаем только до поворота на Филофей и километра полтора-два идем пешком. С высоты открывается прекрасный вид на море, окрестные горы, поросшие лесом, Ивиرون вдаль. Идем неспеша: дорога в гору, да и очень красиво.

Но вот, наконец, вдаль видим монастырь Филофей. Он известен как обитель высокой духовной жизни и строго соблюдаемого устава. Ее игумен – известный на Афоне старец, архимандрит Е. Небольшое равнинное место уже довольно высоко над уровнем моря. Огороды, ирригационная система. Вот и врата. Входим. Небольшой ухоженный дворик с храмом посередине, вокруг – подстриженная трава. Кажущиеся недавно отреставрированными корпуса-стены. Традиционная архитектура и планировка небольшого греческого монастыря. Останавливаемся прямо во вратах: здесь слева находится иконная лавка. Сейчас она закрыта, и мы решаем кого-нибудь подождать. Подошедший монах показывает, что она откроется позже, а нас приглашает в архондарик. Идем за ним по двору, мимо храма – к противоположному корпусу. Поднимаемся на второй этаж. Здесь встречаемся с преподавателем русского языка из США, и проблем с общением больше нет. Нас угощают, через нового знакомого спрашивают о России, Русской Церкви, нашем путешествии, дальнейших планах. За разговором проходит некоторое время. Лавка все еще не открывается, и нас ведут в храм. Две главные святыни этой обители – чудотворная икона Матери Божией «Гликофилуса» («Сладкое лобзание») и кисть десницы святителя Иоанна Златоуста. Последняя производит особенно сильное впечатление: покоящаяся на красном бархате в драгоценном ларце, она кажется совсем живой – несколько ссохшаяся кожа, отчетливо видимые кости, сухожилия, ногти. С благоговением прикладываемся и выходим. Купленные здесь же открытки с видом святыни – и те производят сильное впечатление, а мы только что сподобились приложиться к ней самой...

Времени уже около трех часов дня (по исчислению, привычному для нас), пора бы и в путь, но не можем уйти, не побывав в лавке (тем более, что открытки с десницей святого Златоуста нас просили привезти). Только около четырех часов покупаем, что хотели. Нас отговаривают от пути, преодолеть который за оставшуюся часть дня наш доброжелатель считает делом почти

невозможным (а не зная дороги – и небезопасным). Но мы решаем идти: чтобы не терять день и, главное, побывать на «панигире» (торжественное Всенощное бдение под монастырский праздник) в монастыре Симона Петра. Поэтому выходим, не теряя времени, сопровождаемые указаниями на предстоящий путь и благопожеланиями самыми дружественными и искренними.

Совершенный в этот день переход был одним из самых замечательных наших афонских путешествий (не считая, может быть, путь на вершину Святой Горы). Продолжаясь около четырех часов, он проходил по центральному Афону, через перевал, от северного побережья до южного, по местам почти безлюдным, в каком-то приподнятом расположении духа, чему способствовала не только благодатная красота именно этих мест Афона, но и та целеустремленность, которую рождало осознание трудности предстоящего пути и по этой причине – особая сосредоточенность и упование на помощь Божию и святой равноапостольной Марии Магдалины, на праздник которой мы так спешили попасть. И наше упование не было посрамлено: мы успели почти к началу Всенощной, хотя три раза сбивались с пути. Но сожаление появилось, наверное, только во втором случае. Первое уклонение от маршрута привело нас к месту прекрасного водопада (его мы узнали позже на одном из видов окрестностей Филофея). Находясь недалеко от монастыря, но в очень укромном месте, даже пересохший, он произвел большое впечатление, хотя, казалось, мы были заняты только поиском дороги, пытаясь подняться вдоль русла ручья, его образовавшего. Пройдя по камням сквозь заросли метров десять-пятнадцать, мы были вынуждены вернуться на оставленную дорогу и не ошиблись. Она, извиваясь, довольно долго вела нас на перевал. Труд преодоления довольно крутого и долгого подъема скрашивался необыкновенной красотой девственной природы этих даже для Афона безлюдных мест. Прекрасная погода, свежий воздух, нерастраченные еще силы, изумительные виды на время от времени все дальше внизу виднеющийся монастырь Филофей, море, слева почти постоянно – величественную вершину Афона с обычным облачком над ней, буйная растительность по обе стороны дороги, – все это заставляло как-то по-особенному тихо и радостно, благодатно ликовать сердце и втайне желать (несмотря на все более ощутимую усталость), чтобы этот путь продолжался как можно дольше.

Подъем занял, наверное, около двух часов. Уже в самом его конце нас догнала машина (появление которой не столько нарушило, сколько подчеркнуло удаленность этих мест от всякой цивилизации) и за несколько минут на два-три километра приблизила нас к цели. Таким образом мы оказались на перевале, увидев прямо перед собой далеко внизу южный афонский берег. Начинаем спуск. В самом его начале несколько уклоняемся в другую сторону, но вовремя замечаем это и возвращаемся. Спускаться, конечно, легче, но нет уже той красоты, к тому же все ощущаемое торопит время – приближается вечер, а сколько еще идти не представляем совершенно: расстояние по карте в горах умножается многократно, да и силы

уже не те, что в начале пути. В конце спуска опять уклоняемся, заходим в тупик дороги – что-то вроде смотровой площадки, скорее естественной. Вниз к югу – огромной высоты, до моря, осыпь: совершенно без зелени, она, похоже, образовалась недавно. Прямо под собой видим монастырь Симона Петра. Но не знаем наверняка даже этого. По прямой до него, кажется, не больше километра-полутора. Но преодолеть их совершенно невозможно – приходится идти в обход. Возвращаемся некоторое время по той же дороге, по которой пришли сюда, потом (едва заметив соответствующий указатель) сворачиваем на тропинку, круто устремляющуюся вниз, и только-только «зашедшу солнцу», в сгустившихся почти до темноты сумерках видим из-за поворота, через глубокое ущелье, уже в огнях монастырь. К нему ведет хорошая дорога, теперь не заблудиться. Идем по ней около километра. Около самой обители – пещера ее основателя, преподобного Симона. Таким образом, монастырь Симона Петра назван не в честь первоверховного апостола. Первое слово названия есть имя его основателя; второе – греч. «скала», «камень» – указывает место, на котором он построен: огромную скалу, возвышающуюся над морем и увенчанную кажется вырастающими из нее стенами обители. Только при ближайшем рассмотрении можно заметить, где скала переходит в стену, являющуюся ее естественным продолжением. Не имея возможности развиваться вширь, в этой обители надстраиваются верхние ярусы, а углублением в скалу образуются нижние «этажи». Только видимых сейчас семь или восемь. Они опоясаны деревянными террасами-балконами (едва ли не единственное место, кроме крохотного внутреннего двора, где можно побыть на свежем воздухе). Но чтобы спокойно прогуливаться по ним, нужна некоторая привычка: ведь это прогулка над пропастью глубиной не один десяток метров.

Существует следующее предание об основании обители. Преподобному Симону, подвизавшемуся в пещере, в которую мы заходим перед тем, как войти в монастырские ворота, было повеление свыше основать на близлежащей скале монастырь. Не усомнившись исполнить волю Божию, он пригласил строителей. Но когда те пришли, то, увидев место предстоящего строительства, стали укорять святого в безрассудстве, указывая на опасность не только жизни, но и кратковременного пребывания на высокой, отвесно обрывающейся в море скале. Как бы в подтверждение их опасений и для испытания веры преподобного Симона на глазах у всех присутствующих послушник, несший традиционное афонское угощение, оступился и сорвался в пропасть. Казалось, сам этот несчастный случай должен был свидетельствовать о несбыточности намерения святого и окончательно положить конец его замыслу. Но веруя, что Господь не посрамит уповающих на Него, желая во всем до конца исполнить волю Божию, преподобный Симон без смущения пребывал в молитве, и молитва праведника совершила чудо: через несколько мгновений послушник появился на том месте, откуда сорвался в пропасть, неся свой поднос, причем из сосудов, стоявших на нем, не пролилось ни капли воды. Пораженные случившимся, присутствующие воздали хвалу Богу и Его угоднику

преподобному Симону и тотчас приступили к строительству. Об этом чуде веры и спасительности послушания свидетельствуют, кажется, сами стены и скала, из которой они как бы вырастают.

Но вот и врата. Входим. Всенощное бдение (слышим по пению) уже началось. И пора – на наших часах уже около восьми часов вечера. Узкий проход между стенами и соборным храмом полон гостей: в храме всем места не хватает (окна открыты, и служба не только слышна, но и видна хорошо). Тем не менее, нас замечают, узнав, откуда мы, находят говорящего по-русски совсем юного монаха о. И. (впоследствии узнаем, что он окончил университет в Салониках, какой-то технический факультет, и при этом не только стал афонским монахом, но и еще в университете выучил самостоятельно русский язык. Вообще, монастырь Симона Петра отличается тем, что около 80% его насельников имеют высшее образование. Здесь прекрасная библиотека, в смысле и разнообразия книг, и ее технического оснащения, что нам еще предстоит увидеть. Знаменит монастырь – не только на Афоне, в Греции, но и во всем мире – и своим хором). О. И. провожает нас в келию, где мы сможем отдохнуть после службы. Сейчас только оставляем здесь вещи, и сразу в храм. Когда проходим мимо открытой двери (ведущей, как оказалось, непосредственно в алтарь), нас окликают. Выяснив в двух словах, что мы диаконы из России, приглашают войти столь настоятельно, что мы не можем отказаться. Полная неожиданность. Оказывается, сейчас вход с кадиллом на вечерне, и нас приглашают участвовать. Тут же даются облачения. Только мы их одели, начинается вход. Хорошо, что мы не первые и не последние: внимательно смотря на впереди идущих иеродиаконов с кадилами и уже «по ходу дела» ориентируясь, кажется, не ошибаемся (служит митрополит, и архиерейское богослужение у греков кажется еще более сложным, чем у нас: в небольшом совсем храме идем на середину, расходимся, подходим под благословение к владыке, идем опять в центр храма и уже оттуда – в алтарь, южными дверями). Наконец, мы опять в алтаре. Поскорее разоблачаемся, выходим и уже через центральный вход попадаем в храм, становимся в стасидии. Так наступает полночь и начинается новый день нашего пребывания на Афоне.

4 августа, понедельник. Это наш первый афонский полиелей. Видим и слышим много нового и замечательного. Во-первых, хор. Пение такое мощное, строгое и стройное, что даже после целого дня таких впечатлений и явно ощущаемой усталости спать вообще не хочется. Состояние необычное – будто находишься вне времени. Ум как бы отключен от текущих мыслей и впечатлений, общая атмосфера сама подвигает к молитве. И так – несколько часов. Понимаешь, как много значит пение. Особое впечатление производит так называемый «танец ангелов». Во время пения стихир (на «Господи, воззвах», на стиховне, хвалитных), кандиловозжигатель в такт пению длинным шестом с крюком на конце особым образом раскачивает паникадило и подвесные светильники в храме. Освещается храм здесь, как и везде на Афоне, свечами. Совпадение частоты колебаний светильников и темпа пения приводит душу в особое состояние подъема: подчеркнутая

световыми колебаниями ритмичность безукоризненного, полного энергии и строгости пения, безмятежие ночной молитвы даже при таком многолюдстве, как сегодня, – все действует неотразимо, по крайней мере на нас, впервые посетивших такой праздник.

Полиелей. Вместо иконы прикладываемся к самой большой святыне монастыря Симона Петра – святым мощам (части руки) святой равноапостольной Марии Магдалины. Рука чудесно теплая и мягкая, только кожа потемнела. Оказывается, она всегда, в любых условиях сохраняет температуру живого человеческого тела. Это подтверждено многочисленными исследованиями и объясняется только чудом Божиим: «дивен Бог во святых Своих». Оканчивается утренняя, около 6-ти часов начинается Литургия. К концу усталость берет свое. Очевидно, устали все, и сразу по выходе из храма в архондарике предлагаются кофе, минеральная вода, конфеты. Затем праздничная трапеза.

Трапезная довольно большая, но и гостей сегодня множество. Традиционные речи, на редкость обильный для Афона стол – некоторое утешение за труд бдения. Да, это действительно все-ночное бдение, не только по названию. И как мало (три, четыре часа в лучшем случае) наше праздничное вечернее богослужение похоже на в буквальном смысле слова «всеночное» (как и несколько странно звучит одна из утренних молитв «От сна восстав, полунощную песнь приношу Ти, Спасе», обычно читаемая ближе к полудню, чем к полуночи). В конце трапезы подается коливо в виде выложенной на большом круглом блюде иконы Божией Матери. Коливо приготавливается из вареной пшеницы с медом, с добавлением орехов и сладостей, и освящается по окончании Литургии.

Пообедав (времени – около десяти утра), идем, как и все, на отдых. Просыпаемся около полудня. Не найдя о. И., некоторое время осматриваем монастырь сами: уже знакомые многоярусные прилепившиеся к монастырским стенам балконы, храм, дворик. Замечательны здесь нижние этажи, углубляющиеся в скалу. То ли избегая лишних затрат, то ли ради живописности в коридорах и даже келиях (в отведенной нам тоже) оставлены куски скалы, выдающиеся из стен и придающие особый колорит всему интерьеру нижней части монастыря.

Находившись вдоволь, решаем продолжать путь: нам предстоит добраться до нашего Пантелеимонова монастыря, а это путь неблизкий. Оставляем записку с благодарностью о. И. и две иконки на память, прощаемся с гостеприимной обителью святого Симона и уходим. Еще раз мы окажемся в этих стенах приблизительно дней через десять. А пока единственной отсюда дорогой, мимо пещеры основателя монастыря, минуя поворот на тропу, по которой спускались вчера, идем вдоль берега моря, хотя и на довольно большой высоте, в сторону Дафни, на северо-запад. У нас появился попутчик – отрок лет тринадцати из Вильнюса. Он посещает Афон с группой православных паломников. Тоже был на службе в Симона Петра и должен встретиться со своими в русском монастыре. Так что нам по пути.

До Дафни путь оказывается неблизким, особенно учитывая

полуденный зной. Идем часа 2-2,5. Наконец дорога спускается к знакомым уже нам строениям на берегу. В одной из лавочек узнаем, что корабль, идущий отсюда обратно в Уранополис, уже ушел, а это значит, что еще часа полтора нам предстоит добираться до обители святого Пантелеимона пешком. Но ничего не поделаешь. Идем. Так же, как вчера на автобусе, от моря поднимаемся вдоль береговой линии вверх. Почти около монастыря Ксиропотам – поворот на наш русский монастырь. Но сначала решаем зайти в Ксиропотам. Несколько десятков метров через монастырские сады и огороды, и мы у входа. Это греческая обитель, в переводе ее название означает «сухой поток». Традиционная планировка: стены-корпуса, соборный храм, источник, обложенный мрамором, с обычным подвешенным на цепочке ковшиком (сейчас его находим в первую очередь – жара невыносимая, а мы всю дорогу идем под палящим солнцем). Неожиданно встречаем почти соотечественника, иеродиакона П. из Грузии. От него немного узнаем об обители. Она посвящена сорока святым мученикам Севастийским, частицы мощей которых и находятся в храме обители. Но приложиться к ним, как и к главной святыне Ксиропотама – самой большой в мире части дерева Креста Господня, – можно только если их вынесет нам кто-нибудь из иеромонахов (общий афонский обычай, при этом облачаются в епитрахиль и поручи). Но сейчас время отдыха, поэтому надо ждать до службы. Едва ли это для нас, изнемогающих от усталости, возможно. Прощаемся с немногословным, но доброй души о. П. и покидаем Ксиропотам. Путь из него до Святого Пантелеимона недолгий, по тропе, утопающей в зелени. А главное – это уже путь «домой», и поэтому усталость хотя и чувствуется, но не томит и переносится благодушно ввиду предстоящего отдыха. Наконец, мы в нашей келии в архондарике. После душа находим даже силы почитать правило (с этих пор стараемся делать это утром, прежде всего). Хотя еще относительно не поздно, ложимся, намереваясь завтра отправиться через Карею на запад по северному побережью, от Ставроникиты до Есфигмена. Доброй ночи.

5 августа, вторник. Встаем и успеваем к утрени. Литургия. Трапеза. Около одиннадцати часов – теплоход до Дафни. Автобус. Около часа дня – в Карее. Неожиданно оказывается попутка, и через полчаса мы уже в Ставрониките. Это самый маленький из афонских монастырей. Между стеной и храмом расстояние меньше метра, двоим разойтись уже сложно. Подходя к воротам, идем вдоль акведука. Здесь же устроены небольшие бассейны для разведения рыбы. У входа – иконная лавка. Из путеводителя нам уже известна главная святыня этой небольшой греческой обители – чудотворный образ святителя Николая «Ракушечник». В храме, где лучше и в большем количестве, чем в других местах, сохранились фрески знаменитого в Греции и на Афоне иконописца Феофана Критского, видим и саму чудотворную икону. Это мозаичное поясное изображение святителя Николая, прославившееся при следующих обстоятельствах. Когда не знали, кому посвятить монастырь, братия, занимавшаяся ловлей рыбы, закинув сеть, *не яша ничесоже* (Ин. 21, 3), кроме оказавшегося в сетях этого образа. К челу

святителя Николая приросла большая раковина. Когда ее отделили, из раны истекла кровь. Видя такое чудо, все согласились, что обитель должна быть посвящена этому великому святителю. С тех пор чудотворная икона находится в соборном храме обители. Из одной половины раковины сделали панагирий, а из второй – панагию, которая в XVI веке попала на Русь: патриарх Иеремия подарил ее первому русскому патриарху святителю Иову.

В Ставрениките мы недолго. Наш путь в следующий монастырь – Пантократор. Приходим в него примерно через час. Тоже небольшая обитель на северо-восточном берегу. Как и в Ставрениките, оказываемся здесь во время самое неурочное – все отдыхают. Архондаричный, угостив нас, показал иконную лавку. Одна из главных святынь обители – чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Геронтисса» («Старица»). Ее история тоже запоминающаяся (как и изображение Божией Матери: в рост, без Богомладенца, в одеждах голубовато-серебристых тонов). В один из дней старец-игумен, чувствуя приближение кончины, хотел причаститься Святых Христовых Таин, но служащий иеромонах не спешил начинать службу. Тогда от этой иконы раздался голос Матери Божией, повелевший ему не медлить. И как только игумен причастился, тут же скончался. Вместе с изображением этой иконы, история которой тронула нас обоих, покупаем ладан, изготавливаемый здесь и особенно известный на Афоне, и виды монастыря. Прощаемся с гостеприимным архондаричным и покидаем обитель. Теперь наш путь – к виднеющемуся вдалеке русскому скиту святого пророка Илии.

Идем по дороге вглубь полуострова перпендикулярно берегу. Скит видим все время пути (по крайней мере его собор, даже на расстоянии впечатляющий своими размерами, белым камнем и русской архитектурой). Идем час-полтора, и есть время его рассмотреть. Радует глаз так разительно отличающаяся от суровых средневековых греческих построек светлая, легкая, изящная, а вместе с тем величественная даже по размерам архитектура русских монастырей и скитов. А ведь архитектура, как и вообще искусство – это душа народа, ее творца. По той же аналогии можно сказать, что церковное искусство – его дух. И подлинно «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Подходим. Дорога идет то вдоль, то перпендикулярно террасам с разбитыми на них грядками. Входим во врата и оказываемся прямо напротив входа в собор. Справа от входа колодец, где мы и располагаемся подкрепить силы предложенным нам традиционным лукумом с водой и кофе. Корпуса окружают красавец-собор с трех сторон, а со стороны моря и Пантократора его защитой служит убегающая вниз ступенями террас естественная возвышенность, на которой он стоит: ведь это уже предгорье афонского хребта, начало пути на перевал. С площадки за алтарем открывается прекрасный вид на море, Пантократор; еще недавно этот парапет и алтарную часть собора мы видели оттуда.

Сидя здесь, любуясь открывшимся видом, вспоминаем и недавние события, здесь происшедшие. Теперь скит только по названию русский. Живет же здесь около десяти греческих монахов (надо отдать должное, о

зданиях, храме они заботятся очень добросовестно: ремонтные работы ведутся или, как видно по свежей белизне стен, блестящей на солнце коричневой краске перил балконов, рам, дверей, уже завершены). Греки поселились здесь после того, как полиция изгнала из скита прежних его обитателей – нескольких русских монахов-«зарубежников», не поминавших Константинопольского патриарха Варфоломея. (Так называемые «зилоты» – явление, распространенное на Афоне. Вселенского Патриарха они не поминают за его экуменическую деятельность, особенно за связи с Римским папой. Есть целый зилотский монастырь – Есфигмен, который нам еще предстоит посетить. Но он греческий, и его насельников терпят. Здесь же был предлог отобрать у русских еще одну святыню, и этим воспользовались.) Сами афониты-греки считают нынешних насельников скита пришедшими «на чужое добро», своим поселением здесь как бы одобрявшими в общем-то политическую (по крайней мере церковно-политическую) акцию. Тем более – «силовую». Тем более – на Афоне. Грустная история. Вообще-то зилотов на Святой Горе много, в основном скитяне и келиоты. Из общего количества афонитов – от трети до половины.

В соборе огромный золоченый иконостас (из Киева). Плачущая Тихвинская икона Божией Матери. Два больших мощевика, в одном из которых – частица пелены, которой был повит новорожденный Богомладенец; есть также мощи святого Дионисия Ареопагита. Но пора, ведь предстоит добраться (желательно засветло) до монастыря Ватопед, и, судя по карте, путь предстоит неблизкий. Прощаемся, уходим.

Сначала идем по дороге прямо по направлению к перевалу, потом направо, вдоль него, огибая огромное лесистое ущелье. Идем долго. Дело к вечеру, а от цели, чувствуется, мы еще далеко. Наконец нас догоняет машина. Спрашиваем о дороге на Ватопед, правильно ли идем? Да, правильно, но еще далеко, не хотим ли подъехать? Спаси Господи. Садимся. Едем с полчаса, дорога все время вниз, спуск долгий. До темноты, пожалуй, не добрались бы. Машина и то подъехала уже в сумерках.

Ватопед – один из больших греческих монастырей (по площади больше даже Ивилона). Кроме того, у него большие «предместья»: множество домиков вокруг (и жилых, и мастерских, и каких-то служб, в том числе полиция). Идем между ними. Вот и ворота. Входим. Еще в воротах, узнав, кто мы и откуда, прежде всего ведут в трапезную. Ужин давно кончился, все убрано и закрыто, но специально для нас трапезную открывают, быстро накрывая стол. Чтобы мы не смущались, оставляют одних. Садимся. Огромное помещение, стены сверху донизу покрывают росписи. Тишина и величие, как в храме, – много как-то и не съешь. Может быть, сказывается и усталость. Из-за нее все делаем неспешно, да и уходить из этой красоты и тишины не хочется. Но пора. Нам показывают гостиницу – налево от входа, в угловой башне стены, наверху. Поднимаемся туда по лестнице; без особых расспросов встречают как всегда радушно и проводят в комнату. Уже вечер (по-афонски – поздний). Почитав правило, ложимся. Завтра предстоит неблизкий путь в самый северный из афонских монастырей – Есфигмен.

6 августа, среда. Встаем, как уже стало привычным, к Литургии. Она совершается в одном из храмов обители, небольшом, справа от входа. После службы и завтрака паломники, а значит и мы, поклоняются святыням этой славной афонской обители. Только чудотворных икон Божией Матери здесь семь! Но самой большой святыней является Пояс Пресвятой Богородицы. Его выносят из алтаря соборного храма в драгоценном ковчеге. Вокруг поставляются (обычно на широкой доске, помещаемой на две опоры и застилаемой драгоценной тканью) оправленные золотом и серебром глава святителя Григория Богослова, десница святого апостола Андрея Первозванного, часть Животворящего Креста и другие реликвии, среди которых – глава святителя Иоанна Златоуста с сохраняющимся нетленным ухом (видим его – хотя и потемневшее от времени, но действительно полностью сохранившееся – в специально открывающемся сбоку в ковчеге окошке)⁸. Теперь о чудотворных иконах Ватопеда.

В алтаре находится икона Божией Матери «Ктиторская». Слева перед алтарем – известная сейчас во всем мире своей чудодейственной помощью больным раковой болезнью «Пантанасса», или «Всецарица». На большом поле образа изображена Пресвятая Богородица, восседающая на троне и держащая на руках Богомладенца-Христа. К VI веку относится первое чудо от иконы «Предвозвестительница». Когда дочь императора Феодосия Великого Плакидия пожелала войти в этот афонский монастырь, чтобы принести свои дары, от иконы она услышала голос, повелевавший ей не делать этого, ибо Матери Божией угодно отдать Свой удел в нераздельное владение монахам, чтобы никогда более вид женщин не смущал покой подвижающихся здесь иноков. (Подобное событие произошло в монастыре святого Павла со знаменитой в истории Церкви императрицей Пульхерией). Одна из самых известных и чтимых в России афонских чудотворных икон Божией Матери «Отрада, или Утешение» также находится в Ватопедском монастыре. Ее история удивительна. Во времена, беспокойные для Афонской горы из-за набегов турок и пиратов, один благочестивый инок Ватопедской обители, несший послушание привратника, имел обыкновение, перед тем как утром идти открывать врата обители, испрашивать на это благословение у Матери Божией перед этой Ее иконой (тогда одной из многих в монастыре). По грехам братии суд Божий определил обители быть разоренной, и ночью монастырь был окружен, с тем чтобы как только ворота откроют, захватить обитель. И вот, по своему обычаю подойдя к иконе и испросив благословение, инок с изумлением услышал голос Матери Божией, предупреждавший о грозящей опасности. А когда Богомладенец ручкой закрывал уста Своей Матери, Она отводила ее в сторону и продолжала

⁸ По преданию, именно к этому уху склонялся святой апостол Павел, когда по ночам диктовал великому святителю толкования на свои послания во время его ночных бдений, посвященных этому занятию, о чем повествует житие святителя, составленное его учеником, келейником и свидетелем многих чудес, в том числе и этого.

говорить. Братия принесла покаяние, суд Божий был преложен на милость, и обитель спасена от разорения. Икона в жестах Спасителя и Матери Божией, гневном лице Христа, полуоткрытых устах Пресвятой Девы сохранила до наших времен это одно из бесчисленных свидетельств заступления Пресвятой Богородицы за род человеческий. В притворе нам показывают коробочку, в которой через стекло видны почерневшие лучевые кости и кисть руки. Перед тем как дать ее посмотреть, нас предупреждают, чтобы мы не прикладывались – это не мощи. Что же? Оказывается, это рука монаха, в исступлении ума ударившего ножом икону Божией Матери, находящуюся здесь поблизости (с тех пор она называется «Закланная»). Придя в себя, он три года стоял перед образом, умоляя о помиловании, пока ему не было открыто, что грех его прощен, но рука, совершившая злодеяние, будет осуждена на вечные мучения. Действительно, только она по кончине этого инока почернела и такой остается до сих пор, наглядно показывая как милость, так и нелицеприятие Божественного правосудия. Шестая чудотворная икона Божией Матери носит название «Елеоточивая». С ней связана память о чудесном умножении оскудевшего в обители оливкового масла. Сосуды, в которых это чудо произошло, до сих пор сохраняются в обители. Наконец, седьмая икона называется «Простреленная». Некогда она находилась над монастырскими воротами. При осаде обители один турок выстрелил в нее, и в скором времени его постигла Иудина кончина.

Храм обители очень древний, со временем неоднократно перестраивавшийся. В нем сохранились колонны IV века, две старинные мозаики Благовещения X века. Здесь погребен старец Иосиф Исихаст (скончался в 1959 году. Многие современные афонские старцы, в том числе и игумен Ватопеда архимандрит Ефрем, – его ученики или ученики учеников). Здесь же находятся раки со святыми мощами трех ктиторов обители и Христа ради юродивого Евдокима.

После осмотра храма спешим на пристань: скоро должен быть паром, курсирующий вдоль северного побережья Афона (также раз в день, туда и обратно). На нем планируем добраться до монастыря Есфигмен, побыть там и вечером вернуться в Ватопед. Время около полудня. Ожидаем недолго, плывем минут сорок вдоль живописного берега, и вот из-за очередного поворота открывается вид на Есфигмен. Он даже с виду суров: ровная высокая стена тянется строго вдоль кромки берега, метрах в пятнадцати-двадцати от воды. Башня заметна, но особо не выделяется. Подплываем все ближе. Вот и причал. Швартуемся. Сходим. Нам говорили, что в Есфигмене есть монах, говорящий по-русски. Встречаем его прямо на причале. Вместе с о. А., так его зовут, идем в монастырь. Нам известно, что Эсфигмен – монастырь зилотов. Здесь не поминают патриарха Варфоломея и тех, кто имеет с ним общение, из-за экуменической политики Константинополя. На башне уже издали видны не два флага, как обычно, а три: вместе с бело-голубым национальным греческим и желтым афонским – черный зилотский. На башне надпись: «Православие или смерть». Время послеобеденное, и даже в архондарике нас встречают не сразу, так что, не общаясь практически

ни с кем, зилотского духа не ощущаем. Хотя, как говорят останавливавшиеся в Есфигмене паломники, некоторое чувство превосходства своим положением части братии чувствуется, и это портит дело, чем-то напоминая фарисейство. Все-таки подлинное Православие – это не только чистота догматов, но и изменяемое жизнью по ним сердце человека, *сокрушенное и смиренное*, исполненное любви и терпения, и если нет последнего, то первое превращается лишь в идеологию вместо живой жизни в Боге. Но мы этого, повторяю, не ощущаем. Монастырь красивый, особенно соборный храм. Часа два беседуем с о. А. Он, видимо, тоже рад пообщаться с русскими. Австралиец, из любви к нашей церковной традиции сам выучил русский и церковнославянский. С владением первым можно сравнивать только его радушие. Но вот ему пора на послушание, и мы расстаемся.

Есфигменская обитель дорога русскому сердцу особенно тем, что в ней подвизался преподобный Антоний Киево-Печерский, основатель русского монашества. Вблизи монастыря находится его пещера, и мы туда направляемся. Она расположена на высоте метров 10-15 над морем, в прямой видимости монастыря. Над пещерой построен небольшой храм. Спускаемся. Голубая дверь с красным крестом, как на схиме. Заходим. Сразу видим икону преподобного и надпись по-русски: «Антоний Киевопечерский». Здесь же лампадка, подсвечник, свечи. Поем тропарь, величание. Можно было бы почитать и акафист, но время торопит, – предстоит еще неблизкий обратный путь. Вещи с нами, поэтому, спустившись, не заходим в монастырь, а вдоль стен сразу начинаем обратный путь. Видимо, сбились мы с самого начала, не найдя дороги вдоль берега, которая на карте обозначена. Та, по которой пошли, скоро стала сворачивать все правее, так что, идя довольно долго, мы часам к шести вышли к Зографу. Оттуда еще часа два до Ватопеда. Идти хорошо, даже усталость и жара не так тяготят, как обычно. Но сейчас несколько угнетает чувство того, что заблудились, неизвестно где идем, куда выйдем и когда попадем (если вообще успеем засветло) в Ватопед. Пожалуй, это единственный раз, когда карта нас подвела. Значительными оказались и последствия. Подходим к Ватопеду уже затемно, и километра за полтора-два слышим колокол. Минут через двадцать мы у ворот, но они уже закрыты. Огромные стены – не достучаться, не дозваться. Все попытки безуспешны, нас не слышат. Обходим стены вокруг – бесполезно. Нигде ни души, ни лазейки, чтобы была надежда проникнуть внутрь. Не остается ничего другого, как провести ночь под открытым небом. Располагаемся в беседке у входа и после вечернего правила засыпаем.

7 августа, четверг. Раннее утро. Открыли ворота, увидели нас и будят. Слава Богу, ночь прошла спокойно. В храме справа от входа уже началась служба – идем туда. Часы, Литургия. После завтрака – встреча с игуменом монастыря архимандритом Ефремом. Сидим просто, у входа в храм, говорим через переводчика (греческий – английский – русский). Отношение к нам очень благожелательное: незадолго до нашего прихода на Святую Гору в Троице-Сергиевой Лавре были обретены святые мощи преподобного Максима Грека, первоначально бывшего насельником Ватопеда и отсюда

посланного на Русь, где, претерпев много скорбей и неправд, отошел ко Господу и был погребен в левом приделе Духовского храма Лавры, ныне не существующем. После прославления преподобного были обретены его святые мощи, а вскоре, в день его памяти, в Лавру прибыла греческая делегация во главе с о. Ефремом, и Ватопедскому монастырю в дар была отделена частица святых мощей преподобного Максима. Всенощная служилась в Успенском соборе Лавры, возглавлял ее, как и наутро Литургию, Святейший Патриарх Алексий II, между кафедрой и аналоем с иконой стоял ковчег со святыми мощами. Сослужило и греческое духовенство, и благодатное чувство духовного торжества было, кажется, у всех. Запомнилась и молитва преподобному (мною слышанная тогда впервые) – запомнилась тем покаянным чувством, которым она проникнута: мы, православные русские люди, просим преподобного Максима простить нашим предкам те неправды, вольные и невольные, в результате которых так трагически сложилась его жизнь в нашем Отечестве: осуждение, долгие годы тюремного заключения, обвинения в еретичестве, измене. Но – «дивен Бог во святых своих», обращающий и сами искушения на пользу и к славе благодушно ради Него терпящих: безропотно перенося бесчестие, несправедливость, жестокое обращение, преподобный Максим не только остался в истории Церкви видным богословом и защитником Православия, но и сподобился поистине исповеднического венца и пребывания в небесных обителях, где, верим, «молится непрестанно о душах наших». Греческая делегация была очень многочисленна, в основном православные миряне. Запомнилось, как благоговейно они пели в Троицком соборе, прикладываясь к раке преподобного Сергия, как радостно и удивленно отвечали на наше «Христос анести!» – «Алифос анести!» Торжество тогда было всеобщим. И вот теперь мы в Ватопеде. «Ответный визит», возможно с тех пор первый (прошло всего около двух месяцев), по крайней мере из Лавры. Воспоминания от недавнего приезда у братии Ватопеда, самого о. Ефрема самые добрые. К сожалению, как и во всей нашей афонской поездке, разговор скорее информативно-событийный: слабое знание языка становится существенным препятствием в приобщении к духовной сокровищнице Афона, сохраняемой не только его святынями, но и живыми носителями (как духоносными старцами, которых, увы, и на Святой Горе становится все меньше, так и вообще святогорцами – их учениками и последователями). В заключение беседы нам дарят по календарю-ежедневнику «Ватопед» (в котором и пишу этот дневник), масло от святынь обители. Прощаемся с радушным отцом игуменом, отцом переводчиком и идем собираться в обратный путь. Напоследок заходим в лавку, покупаем иконки, описание монастыря. И вот мы у ворот, в которые вошли два дня назад, а как будто только что – явный признак, что было хорошо. Благодарное чувство приобщения еще одной афонской сокровищнице – и грусть очередного расставания.

Идя к пристани, не можем не оглянуться. Стены, на протяжении веков хранящие покой святой обители от набегов врагов и суеты, – символ покрова

Божия над подвижающимися здесь и хранения ими своего сердца. Наконец, за постройками исчезают и они. И только отплыв на некоторое расстояние от берега, вновь видим обитель. Название «Ватопед» с греческого переводится «под кустом» и дано было этому месту после того, как император Феодосий чудесным образом нашел здесь мирно спящим под кустом своего сына Аркадия, в будущем наследовавшего престол западной части Византийской империи: мальчика во время бури, разыгравшейся у этих берегов полторы тысячи лет назад, волной смыло с палубы. Все считали его погибшим, и вот – Господь даровал благочестивому императору его сына живым и невредимым. Быть может, это чудо было знамением благоволения Божия и к появившейся здесь позднее обители. В иерархии афонских монастырей она занимает второе место после Лавры преподобного Афанасия.

Паром последовательно останавливается у пристаней знакомых уже нам Пантократора (теперь с моря видим белые стены и зеленые купола еще более величественного на удалении Ильинского скита), Ставроникиты, Ивилона, где и высаживаемся. Уже полдень, а мы имеем намерение добраться сегодня до нашего русского монастыря, ведь послезавтра – главное торжество обители, день памяти святого великомученика Пантелеимона. Надо подумать о машине, но усталость после проведенной «в полевых условиях» ночи, зной, а может быть, и действие того, кого святые отцы называют «бесом полуденным», ни для каких забот сил не оставляют (по крайней мере у меня). Как-то сами собой появляются сначала послушник В. (с которым мы познакомились несколькими днями раньше в Ивилоне), потом машина, с шофером которой он сам о нас договаривается, – и вот мы уже, прощаясь, оказываемся на заднем сидении и мимо святого источника преподобного Гавриила, принявшего в море на свои руки Иверскую икону, сначала вдоль берега, а потом все выше, вглубь полуострова, поднимаемся по уже знакомой дороге сначала к монастырю Филофей (туда заезжаем ровным счетом на несколько минут: оказывается, мы очутились в машине афонской почты, развозящей корреспонденцию насельникам Святой Горы), а затем минут через 20 останавливаемся у монастыря Каракал. Здесь мы тоже недолго: несколько минут в обители, заходим в храм, обходим небольшой внутренний дворик – храм, башня, крепостные стены. Самая известная святыня Каракала – круглой формы икона первоверховных апостолов Петра и Павла. Прикладываемся, ее изображение нам дарят на память. Уже вне стен, у колодца, на площадке с прекрасным видом на окрестности, в тени деревьев располагаемся на краткий отдых и обед, состоящий из хлеба и овощей, главным образом помидоров, которыми нас щедро снабдили в обители (трапезы сейчас нет, а оставаться мы не можем – почта). В обратный путь отправляемся часа в три пополудни. Усталость и жара, отняв последние силы, погружают в сон, лишь изредка прерываемый то крутым поворотом, то ухабом – едем довольно долго, через перевал, на противоположную, южную сторону Афона. По упомянутой причине дорога почти не запомнилась: кажется, проезжали около Кареи, в конце пути виднелись колокольня и храм, как потом узнали, Старого Русика. Наконец, часам к четырем в состоянии

самом жалком выходим около русского Пантелеимонова монастыря. Слава Богу, добрались. Поблагодарив нашего водителя, идем в келию. Два-три часа отдыхаем и в вечерней прохладе идем во внутренний дворик обители. Здесь неожиданно встречаемся с Ректором Московской Духовной академии еп. Е. С ним целая делегация, около десяти преподавателей Академии. Радостно встретить знакомые лица – и где! Господь чудесным образом устраивает встречи. Узнаем, что они здесь уже второй день, приехали на праздник святого великомученика. Вчера уже побывали в Хилендаре, Ивероне и Лавре преподобного Афанасия. Присоединяемся к «академическим» паломникам – их ведут в комнату под Покровским храмом, где находятся святые мощи. Поднимаемся на предпоследний этаж и, исполненные благоговения к угодникам Божиим, чьи святые останки здесь почивают, входим. Комната небольшая, вдоль стен стоят столы с ковчегами. Прикладываемся к святым мощам. Поднимаемся в Покровский храм. В нем над Царскими вратами – чудотворная Иерусалимская икона Божией Матери. Слева чудотворная икона великомученика Пантелеимона, три раза уходившая из обители в Старый Русик. Здесь же глава преподобного Силуана, два мощевика, дивные иконы преподобного Серафима. Выходим из братского корпуса в уже спускающиеся сумерки. На берегу читаем правило, некоторое время слушаем тишину покрывшей Святую Гору ночи, нарушаемую только шепотом прибоя и стрекотанием цикад, и идем, наконец, в келию. Так оканчивается еще один день нашего пребывания на Афоне.

8 августа, пятница. Утром встаем только к девятому часу, и угрызения совести от очередного опоздания к началу службы только пытаемся утишить воспоминаниями о трудном вчерашнем дне. Так и в жизни, все что-то мешает: пойти в храм, помолиться дома, подать милостыню. Как не увидеть в этом постоянстве «обстоятельств» действий того, для кого ненавистно всякое добро, и нашей падшести, всегда предпочитающей суету мирских попечений – покою сердца и молитве, земное – небесному.

Сегодня день предпраздничный, поэтому везде подготовка. Посильно помогаем и мы, готовя архондарик к приему гостей. Они начинают приезжать ближе к полудню; становится все более оживленно. Встречаем и знакомые уже лица. Но вот нас отпускают – до Всенощной остается уже около часа. Отдыхаем и готовимся к службе.

Наконец, 20 часов «по-европейски». За пятнадцать минут колокольный звон возвещает о начале Всенощного бдения. Вот и храм. Облачаемся в алтаре. Служба архиерейская, возглавляемая вл. Ректором. Много гостей. Поет знаменитый афонский хор келии «Данилеи» (тот же, что пел на празднике в монастыре Симона Петра). Это второе для нас афонское бдение (не считая службы на пророка Илию). Уже знакомый дух торжества, единственного в году для каждого афонского монастыря, и все стараются: в молитве, пении, священнослужении (получается немного несогласованно из-за попеременности языка греческого и церковно-славянского и греческих особенностей, вносимых в службу, но это почти незаметно). Вечерня, утреня, первый час, третий, шестой – проходит ночь, наступает утро. Литургия.

9 августа, суббота. Причащаются многие. Вот и заамвонная молитва, отпуст. Гости собираются на площадке перед храмом в ожидании подкрепления сил праздничным обедом. С чином Панагии входим в трапезную. Она огромна и вместе с обширностью гостиницы, всего монастыря как бы безмолвно свидетельствует о многочисленности братии обители и русских паломников в прежние времена. Так, в конце XIX – начале XX вв. их число составляло соответственно две и шесть тысяч человек – целый город по сравнению с небольшими и немногочисленными греческими монастырями. Если к этому добавить насельников Ильинского и Андреевского скитов (приблизительно по тысяче в каждом), множество обитателей других русских скитов (один из которых, «Ксилургу», или «Богородица», – название произносится так и греками, – и сейчас принадлежит русскому Пантелеимонову монастырю), насельников русских келий (в местах не только многочисленных, но и самых суровых, как, например, на Карули, где нам еще предстоит побывать), – то становится понятно, почему греки всегда опасались русских, а потому настороженно относились к их соседству.

Богатейшая библиотека Свято-Пантелеимонова монастыря привлекала как простых, так и ученых паломников, множество духоносных старцев из русских окормляло и соотечественников, и многих греков, а о заботе о благолепии храмов (особенно на фоне сдержанно относящихся ко всему внешнему греков и других славян) нечего и говорить: все или почти все самые драгоценные ризы на чудотворных иконах святогорских монастырей – дары русских императоров, вельмож, купцов. Так же и колокола. (У греков используются в основном деревянные била, и только о начале праздничного богослужения возвещают ударом в колокол, всегда небольшой, поскольку на Востоке раскачивается сам колокол, а его язык остается неподвижным; естественно, вес колокола при этом не может быть большим. У нас же при неподвижном колоколе раскачивают язык, почему звонить можно сразу во многие колокола, да и сами колокола могут быть гораздо больших размеров и, соответственно, иметь большую силу звука.) Также во многих греческих обителях используются старинные русские облачения – самые богатые, действительно произведения искусства, достойные музея: из драгоценных тканей, с искуснейшей вышивкой, украшенные жемчугом, драгоценными камнями. Попали они в греческие монастыри (как и многие книги, иконы) уже в XX веке, когда русский монастырь пришел в упадок из-за отсутствия притока из ставшей советской России новых насельников и паломников. В критические для Свято-Пантелеимонова монастыря 50-60-е годы его братию составляли всего семь человек, старцев, еще до революции приехавших на Святую Гору. Казалось, вскоре русскую обитель постигнет участь грузинского некогда Ивилона. Но нет, Господь возродил монастырь, и теперь здесь подвизается около сорока человек братии, почти все молодые, многие – постриженники Лавры преподобного Сергия.

Но не только благолепием и численностью братии и боголюбивых паломников отличалась русская обитель святого великомученика

Пантелеимона. Нам показали удивительную фотографию, чудом сохранившуюся, чтобы в поколениях свидетельствовать о великой милости Божией Матери к человеческому роду и спасительности подвига призрения нищих. Эта черно-белая фотография запечатлела событие, произошедшее незадолго до тех потрясений, которые пережила Россия, а с нею и весь мир в начале XX века. Свято-Пантелеимонов монастырь всегда отличался, согласно евангельской заповеди и одной из черт русского характера, любовью к нищим и особой благотворительностью. В обители, единственной в этом роде на Афоне, был обычай каждый день раздавать милостыню (обычно хлебом) всем, кто бы ни пришел в монастырь, чаще всего странствующим монахам – сироматам, не приписанным ни к какому монастырю и в силу то ли стечения обстоятельств, то ли особенностей характера или духовного устройства предпочитавшим подвизаться не на одном месте, а переходя из обители в обитель, питаясь чем Бог пошлет и тайно служа Господу кто как мог. Греки, считая их бродягами, только расстраивающими монастырскую жизнь Афона, преследовали сироматов, стремясь изжить это явление совсем. Русские то ли в силу своей любви к странникам вообще, то ли понимая, что по внешности трудно судить, кто перед тобой – бродяга или до конца «возлюбивший нищету Христову» подвижник (как, например, преподобный Максим Кавсокаливит, о котором скажем ниже), руководствуясь словами Евангелия о неосуждении, о благотворении ради Бога равно злым и добрым, а также притчей о пшенице и плевелах, – братия русского монастыря не различала мнимо или подлинно странствующих монахов и всем требующим помощи подавала по благословию игумена равно щедро и просто, помня, может быть, и слова святителя Иоанна Златоуста о том, что лучше тысячу раз погрешить в милости, чем один раз в строгости. До времени греки это терпели, но вот однажды было вынесено решительное постановление Протата, окончательно запрещавшее русскому монастырю раздавать обычную милостыню. Представитель нашей обители не воспротивился этому решению, и русские монахи должны были подчиниться. Настал последний день перед тем, как постановление вступало в силу. И вот кто-то решил запечатлеть на фото пленку начало последней раздачи милостыни в русском Пантелеимоновом монастыре. Снимок был сделан, а когда через некоторое время пленку проявили, то увидели на фотографии (как видим это теперь и мы) очередь сироматов, в центре – монаха, дающего каждому подходящему хлеб, а слева, у самой кромки снимка – женскую фигуру с покрытой главой, только что отошедшую от раздачи и еще держащую в подставленных как для благословения руках укрух. Женщин на Святой Горе нет уже с VI века, но даже не чудесность появления на сделанном на Афоне снимке женской фигуры, а в большей степени то, как благоговейно держит она полученную милостыню, как иконно склонена ее глава, покрытая покрывалом, вся ее хрупкая одухотворенность заставляет почувствовать, узнать (и это с радостью подтверждается тем, кто нам эту фотографию показывает) в запечатленной – Пресвятую Богородицу, первой в ряду нищих монахов

подошедшую в этот последний день получить милостыню. Она, Царица Неба и земли, рождающая Творца всяческих и Подателя всякого блага, Своим смирением показывала неразумным ревнителям монастырской дисциплины, что *суббота для человека, а не человек для субботы* (Мк. 2, 27), что *милость*, не взирающая на лица, но все предающая в руки Божии, Промыслу о каждом из нас, *превозносится над судом* (Иак. 2, 13). Но запрет не был отменен и тогда, когда фотография стала известной. Не замедлили явиться последствия. В русском монастыре начались бедствия: пожары уничтожили множество построек, появилось движение имябожников, долго нарушавшее покой не только нашей обители, но и всего Афона. Представителю Свято-Пантелеимонова монастыря в Протате было явление с повелением готовиться к скорой кончине за свое малодушие (и только его глубокое покаяние переменяло на милость грозное определение). Нестроения в то время потрясли и всю Святую Гору.

Объективности ради следует сказать, что не только опасение возрождения прошлой славы русского Свято-Пантелеимонова монастыря вызывает тревогу греков. Именно среди русских монахов возникла (или, по крайней мере, получила широкое распространение) ересь имябожников, потребовавшая не только богословского уврачевания и административных мер Протата, но и военного вмешательства русского правительства, и это – на Святой Горе! И сейчас, к сожалению, нестроения в нашем государстве сказываются как на насельниках русского монастыря (прервана традиция, нет должного старческого окормления), так и на паломниках из России.

Но вернемся к событиям этого праздничного дня. Мы на первом обеде в отреставрированной к этому торжественному дню трапезной. Мраморный пол, серые стены, восстановленные росписи, высокий сводчатый потолок. Речи владыки Ректора, губернатора Афона (есть и такая должность), гостей. Угощение достойно трудов. В конце еп. Е. совершает «чин о Панагии». Но вот обед окончился, все расходится на отдых. Идем в архондарик и мы, тем более что для гостей из Академии, к которым нам хотелось бы присоединиться, во второй половине дня, перед вечерним богослужением, организуется экскурсия по монастырю.

Отдохнув после ночного бдения, наша группа постепенно собирается около храма великомученика Пантелеимона. Направляемся в храм святителя Митрофана Воронежского, недавно отреставрированный. Его строительство описывается в знаменитых «Письмах Святогорца», и вот – восстановление после многих лет запустения. Чувствуется связь времен и наша причастность к ней.

Отсюда идем в библиотеку. Некогда славная богатством своих древних рукописей, книг, многие из которых чудом, без всякого почти присмотра и ухода, сохраняются и до наших дней, теперь находится в жалком состоянии. Восстанавливаются храмы, корпуса, но время возрождения монастырского книгохранилища еще не наступило. Особенно бедственное положение в осенние, зимние и весенние месяцы: влажность, перепады температур, насекомые незаметно, но из года в год делают свою разрушительную работу.

Благо, в окнах есть стекла, как и в книжных шкафах (хотя и не во всех), – этим только сохранность и обеспечивается. А хранящиеся здесь вещи уникальны. Видим, например, просто так в ящике на полу лежащие толстые пачки листов, перевязанные бечевкой. Оказывается – рукопись, святитель Феофан Затворник! Библиотека двухэтажная. Есть и алфавитный каталог, несколько ящиков. Судя по буквам – только начало; можно представить себе весь огромный объем того, что было. И как мало осталось...

Из библиотеки идем в костницу – мимо сгоревших дотла бывших царских чертогов, от которых теперь остались только стены. Здесь останавливались посещавшие Афон августейшие особы, а о богатстве убранства покоев свидетельствует тот факт, что после пожаров в грудях золы находили слитки оплавившегося золота.

Во время осмотра монастыря выясняется, что завтра гости из Академии собираются на теплоходе посетить монастыри южного побережья. Просим взять с собой и нас, на что получаем согласие.

День клонится к вечеру. Благодарим нашего проводника, потрудившегося, несмотря на зной и послеобеденное время, показать нам обитель и рассказать о ее истории и святынях. Оканчивается и вечерняя служба, идем на ужин. Правило на морском берегу. Келия. Так заканчивается этот праздничный день, день Русского афонского монастыря великомученика и целителя Пантелеимона.

10 августа, воскресенье. Хотя вчера уснули не поздно, но в храм приходим только к концу утрени. Опять предлог – вчерашняя ночная служба. Святые отличаются от нас не безгрешностью, а смиренным осознанием своих прегрешений, покаянием в них и исправлением. Мы же, по рассеянности жизни и окамененности сердца, по большей части и не замечаем своих грехов, а те, которые видим, или считаем незначительными, или вместо покаяния постоянно находим благовидные оправдания своим лености, гордости, тщеславию, самости, лицемерию. Но оправдать может Своим милосердием только Господь, для чего от нас требуется обвинение себя. Если же оправдываемся, то уже не ищем – и потому не находим – оправдания. Не обнажаем рану, ища исцеления, а скрываем ее; будучи больны, делаем вид, что здоровы. Что за существо человек! Созданный выше ангелов, ниспал ниже животных: они, попав в беду, ищут помощи даже у человека, могущего принести им вред; мы же, повреждаясь, не ищем исцеления у Отца, *дающего всем просто и без упрёков* (Иак. 1, 5)!

Так рассуждая (опять же нелепость: мучить себя – вместо легкого, краткого, но дающего радость прощения покаяния), направляемся в храм. Вседневная служба своим спокойствием, тишиной контрастирует с мощью богослужения праздничного. И опять – как у Господа все премудро! *Любящим Бога все содействует ко благу*, по слову апостола (Рим. 8, 28). Хорошо в праздник: всенощная молитва, всеобщий подъем, подхватывающий дух – даже немощный, расслабленный – единым молитвенным устремлением, красота даже внешняя; хорошо и в будние дни, когда ничто не нарушает глубокой молитвенной сосредоточенности, тишины

и безмятежия сердца, безмолвия ума. Поистине, вся жизнь нашей Церкви, ее богослужение, устав, «времена и сроки» – все торжественно премудро, во всем неземное, божественное устроение, Бога низводящее к человеку, а человека, как по лестнице, возводящее на Небо – умопостигаемое, духовное. Взойдя туда, святые приобщились Духа, стяжали Его в чистых своих сердцах, став поистине богоносными, божественными.

Отпуст Литургии. Выходим из храма. Завтрак. По его окончании идем на пристань, поднимаемся на верхнюю палубу уже ожидающего нас теплохода. Отчаливаем, плывем вдоль берега на северо-запад. С моря видим тропинку, по которой так, кажется, недавно шли к первому нашему афонскому монастырю. Теперь это уже история – на Святой Горе мы уже больше двух недель.

Но вот и Ксенофонт. Выходим на берег, несколько шагов – и мы у ворот. Входим. Знакомые стены, храм, архондарик. Угощение, беседа с отцом игуменом, после чего направляемся в храм, где прикладываемся к святыням: главе великомученика Феодора Тирона, десницам великомученика Георгия Победоносца и первомученика архидиакона Стефана, главе мученика Трифона и другим. Вот чудотворная икона «Одигитрия», ранее пребывавшая в Ватопеде, а в 1730 году чудесным образом по воле Матери Божией, «ником же носимая», оказавшаяся в Ксенофонте. За стенами монастыря нам показывают костницу обители, отличающуюся от других тем, что останки, по афонскому обычаю вынутые через три года из земли, остаются здесь под открытым небом. Другой причины, кроме той, что они видны всякому проходящему как спасительное напоминание об общей всем участи, нам не указали. Спускаемся на пристань. Наш путь дальше, к Дохиару.

Не больше пятнадцати минут, и мы на пристани обители Ангелов. Проходим под их иконой над воротами. Опять чувствуем себя почти афонитами – все остальные, даже двое послушников монастыря великомученика Пантелеимона, здесь впервые. Поклоняемся святыням обители. В храме – частицы Животворящего Креста Господня, мощей святого великомученика Феодора Стратилата, часть честной главы святого Иоанна Предтечи, глава святого Дионисия Ареопагита, глава новомученика Георгия, плат, напоенный кровью святого великомученика Димитрия Солунского, десница святой мученицы Параскевы. В трапезной (современной, вход в которую слева от старого, теперь заложенного, где находится Скоропослушница) нам показывают икону, подаренную преподобным Афанасием Афонским основателю монастыря, дохиару Лавры святому Евфимию. На гвозде в одном из столпов трапезной висят огромные четки; с ними во время обеда ставят на поклоны провинившихся. У северной стены храма – колодец над источником, изведенным ангелами, когда монахи, терпя крайнюю нужду от недостатка воды, решили было начать строить сложную систему подачи воды, что в этих местах дело весьма трудное. Но пора возвращаться на теплоход. Многие еще и еще раз стремятся к драгоценной святыне Дохиара – чудотворной Скоропослушнице. Даже не

верится, что это икона греческая – так близка она и нам. Да, Православие не ведает границ, везде Церковь Божия, везде оживляется верующее сердце Духом Святым, действием благодати.

Плыдем обратно: вот Ксенофонт, наш Пантелеимонов монастырь, Дафнии, все приблизительно на одинаковом друг от друга расстоянии. Плыдем дальше на юг, вдоль живописного, становящегося все более скалистым берега. Этот путь мы уже однажды проделали, только в обратном направлении и по суше (после панигира в Симонопетра). Помнится, после ночного богослужения, в полуденный зной он дался нам нелегко; то ли дело теперь, на теплоходе, под тентом, в мягкой морской прохладе. Удобно, быстро, приятно, но... как-то не по-афонски, туристически-развлекательно, в общем, «не то». Вот и знакомая нам скала, на которой преподобный Симон основал обитель. От пристани поднимаемся минут сорок: высота немалая, плюс полдень. Время обеденное, и нас приглашают к столу. Афонская трапеза: полусуп-полукаша из каких-то бобовых, хлеб, помидоры, вода в кувшинах, на десерт дыня. Лучше не придумаешь, просто и здорово. Благодарим от всей души. Теперь беседа. Один из игуменов Симонопетра, Неофит, был знаком со святым праведным Иоанном Кронштадтским: собирая в России пожертвования на обитель (имея с собой главную ее святыню – часть левой руки святой равноапостольной Марии Магдалины), игумен Неофит получил от Кронштадтского пастыря богатую милостыню (300 рублей). В соборном храме нам выносят святые мощи (еще раз отмечаем про себя преимущество поездки группой, тем более во главе с епископом): уже знакомый нам ковчег с нетленной рукой, желавшей прикоснуться к воскресшему Спасителю, честные главы святого Павла Исповедника и патриарха Иерусалимского святителя Модеста, святые мощи Нектария Пентапольского, преподобных Никодима Святогорца, Иоанна Кукузеля, часть десницы святой великомученицы Варвары и другие.

Напоследок посещаем монастырскую библиотеку. Удивительно видеть такую оснащенность: современное оборудование, стеллажи, климат-контроль, компьютерное обслуживание (поиск информации, регистрация изданий, читателей и т.д.) Нам показывают наиболее интересные рукописи, в частности императорские и патриаршие указы с золотыми и серебряными печатями. Уходя, почему-то вспоминается отзыв о русском языке нашего знакомого, гостиничного о. И. (увидеть его в этот раз нам не удалось): «Язык очень умный и духовный». Почувствовать это, да еще сказать по-русски мог только человек, сам в немалой степени обладающий обоими этими качествами.

Следующий монастырь, в котором останавливаемся, – Григориат. В отличие от предыдущих, здесь мы с о. Лазарем еще не были. Поднимаемся от пристани метров на пятнадцать по довольно пологой дорожке и оказываемся у входа. Нас встречают, провожают в архондарик, куда вскоре приходит и игумен обители архимандрит Георгий. Начинается разговор, и сразу чувствуется богословский уровень и вообще широкая эрудиция нашего собеседника. Шенгенское соглашение и вопрос электронных документов,

особенно волнующий сейчас православную Грецию; Баламандское соглашение, по поводу которого Вселенскому патриарху афониты отправили письмо, одним из авторов которого был весьма почитаемый в Протате за свои познания о. Георгий; состояние экуменического движения, отношение к мусульманам, католикам, протестантам, монофизитам. Вопросы о России, о положении нашей Церкви. Архимандрит Георгий – автор многих книг (некоторые из них: «Молитва Господня», «Благодать как сила, освящающая нас» и «Обожение как цель пути христианина» на греческом и английском дарит тем из нас, кто знает эти языки; в книге о преподобном Максиме Греке опровергается мнение, будто преподобный был католическим монахом, представителем итальянского гуманизма, что он отправился в Россию не по послушанию, а по слабости, не выдержав искушений афонской жизни). Интересная беседа не кажется утомительной даже с учетом перевода. Но нас ожидает храм обители с ее святынями, куда мы и направляемся, поблагодарив в такой же степени радушного, как и ученого отца игумена. (Видимо, его личные качества в немалой степени влияют на цветущее состояние обители; как нам сказали, она в настоящее время самая многочисленная среди афонских монастырей: около семидесяти монахов и десяти послушников). Напоследок отец Георгий, заметив, что у нашего владыки нет с собой посоха (без которого видеть епископа для греков, видимо, необычно), дарит ему свой, а нам – два ящика с арбузами. Так и хочется сказать – русская душа!

Монастырь Григориат был основан в XIV веке преподобным Григорием, честная глава которого и почивает в обители. Из других святынь: самая чтимая – чудотворная икона святителя Николая, принесенная в обитель в XV веке; часть руки святой Анастасии Римляныни, рука святой Макрины, сестры святителя Василия Великого, рука святителя Григория Богослова, рука священномученика Игнатия Богоносца, глава святой Фотинии Самарянки, часть главы святого Дионисия Ареопагита, нетленная кожа святой великомученицы Параскевы и другие.

Мы опять на теплоходе. Европейское время – около трех часов пополудни. Плыдем вдоль «центрального» Афона – местность гористая, но еще обильно покрытая зеленью, в отличие от скалистого южного окончания. Вдали – вершина Афона. У подножия расположен монастырь святого Павла. Но перед ним еще Дионисиат, у пристани которого и швартуемся. Основан монастырь, как узнаем из путеводителя, преподобным Дионисием в XIV веке, при византийском императоре Алексее III Комнине.

Как и Григориат, Дионисиат – небольшой монастырь, возведенный на прибрежной скале невысоко над морем. Посвящен Дионисиат святому Иоанну Предтече. Здесь в драгоценной оправе хранится часть его десницы. Другая святыня – икона Матери Божией «Акафистная». Перед ней впервые читал так широко теперь известный и всеми любимый акафист Пресвятой Богородице патриарх Сергей в 626 году в благодарность за спасение Константинополя от персов и аваров. По преданию, это одна из икон Божией Матери, написанных апостолом и евангелистом Лукой. Среди прекрасных

икон этого монастыря – Деисис 1542 года (слева направо: апостол Петр, Пресвятая Дева, Спаситель, Иоанн Предтеча, апостол Павел; как и открытку с десницей Предтечи, набор репродукций с этих икон нам преподнесли на память о посещении обители). Другие святыни: правая рука святителя Иоанна Милостивого, челюсть святого первомученика и архидиакона Стефана, правая рука священномученика Власия.

Из храма направляемся в ризницу. Уникальное собрание икон, одна из которых, святого мученика Христофора, особенно запоминается. Святой Христофор был юношей замечательной красоты, но более всего пленяло его лицо. Видя, что красота является сетью и для него самого, и для других, благочестивый Христофор (в переводе с греческого «Носящий Христа») молился об отъятии от него этого соблазна. И по молитве лицо его изменилось, приняв вид собачьей (по другим источникам – лошадиной) головы. Позже угодник Божий сподобился мученической кончины. Еще раз благоговейно преклоняемся сердцем перед высотой духа христиан тех времен – мы, не только не скрывающие (по заповеди евангельской) своих достоинств, часто мнимых, но всячески делающие их явными, *богатящиеся* тем, чего следовало бы стыдиться, надмевающиеся тем, над чем не трудились, а то, что дано для служения Богу и ближним, превращающие в источник прибýtка и удовлетворения страстей, тщеславия. Увы нам!.. Занятый такими мыслями, остальное только просматриваю. Вот Евангелие VII века. Конечно, несомненная древность, научная ценность, но вот только что видели того, кто исполнил Евангелие в своей жизни, – что пользы нам от обладания его списком хоть I века, если жизнью *отвергаемся силы его* (2 Тим. 3, 5), если еще не «дочитались до Христа», как святой мученик?

Но пора, уже вечерет, и если мы хотим успеть еще в монастырь святого Павла, надо спешить. Быстро спускаемся к пристани, отчаливаем. Но смеркается все быстрее, и уже в виду обители принимается решение ее не посещать, а до темноты успеть доплыть как можно дальше и хотя бы с моря увидеть южный Афон, подножие горы: для большинства это единственная возможность – посетившая праздник русского монастыря группа отбывает уже завтра. Итак, плывем, пока солнце не опускается за виднеющийся на горизонте полуостров, параллельно Афону вдающийся в море. Проплываем монастырь святого Павла, Новый скит, Скит святой Анны, Карулю. Берега все более суровые, безжизненные, отвесно поднимающиеся из воды, с келиями, прилепившимися наподобие ласточкиных гнезд на едва заметных выступах. Оканчивается этот день возвращением в Свято-Пантелеимонов монастырь уже глубокой ночью.

11 августа, понедельник. Утро. После службы, последней на Афоне для гостей из Академии, в алтаре Свято-Пантелеимоновского храма нам предлагают приложиться к святыням монастыря, хранящимся здесь. Открывается особый шкаф, стоящий справа от Царских врат, и оттуда достаются ковчеги с главами святого Анфима Никомидийского, преподобномученицы Параскевы Римляныни, святого Стефана Нового,

частицами мощей трех святителей и др. После того как все приложились, ковчеги поставляются обратно. Еще одного утешения сподобил Господь.

После завтрака окончательно проясняется план окончания нашего паломничества. Сегодня мы едем в Карею, чтобы посетить Андреевский скит и келию, где было явлено чудо от иконы «Достойно есть». Завтра, если Богу угодно и живы будем, отправимся в последнее путешествие по южной части Афона, от монастыря святого Павла вдоль побережья до Лавры преподобного Афанасия, а уже оттуда, 18 августа – на вершину, где в храме Преображения Господня один раз в год в этот праздник совершается панигир и Литургия. После этого... Но пока об этом думать не хочется.

Итак, уже известный нам маршрут: от Дафнии на автобусе до Кареи. Около часа дня. Приложившись в храме Протата к иконе «Достойно есть», отправляемся к Андреевскому скиту. Около ста метров по дороге, и мы у его ворот. Если не знать, что здесь есть насельники, можно подумать, что место совсем необитаемое: полное запустение, разрушающиеся корпуса, пустые глазницы окон. Но нам сказали, что сейчас здесь живет около десяти греческих монахов (скит отошел к ним после того, как скончались последние русские насельники, а из России пополнения не было). Закрытые ворота с табличкой, говорящей о том, что они откроются в 16.30: значит, внутрь мы все же попадем, и не совсем угас этот светильник, возжженный в далекой Греции нашими благочестивыми, усердными к богоугождению и иноческим подвигам предками.

Однако сейчас только около двух часов, и мы решаем, не теряя времени, разыскать келию «Достойно есть». Она совсем недалеко от скита, но найти ее непросто. Значительно уклонившись, вынуждены возвратиться почти туда же, откуда начали поиски. Оказывается, стоя лицом к вратам скита, надо обогнуть его стену-корпус слева, свернуть за угол, идти вдоль перпендикулярной стены до ее конца, затем по дорожке спуститься в овраг, перейти мостик, подняться несколько вверх по противоположному склону, пройти по той же дорожке немного вправо – и вы у цели. Деревянные ворота. Входим. Слева какое-то строение. Сама келия – в глубине двора. Белая, двухэтажная и по всему видно – древняя, только подновляется. Первый этаж как бы полуподвальный: то ли так и строился (там храм-параクリс, где и находилась прославленная ныне икона), то ли келия осела с годами. Поднимаемся по лестнице и оказываемся на веранде, перед входной дверью. Стучимся. Открывают не сразу. Приветствуем появившегося перед нами монаха-старца традиционным «Евлогите!» Он дружелюбно, хотя и сдержанно улыбается – чувствуется, что он рад гостям. Понимая, зачем обычно приходят сюда, сразу ведет нас в нижний этаж. Оказывается, там еще спуск, фактически в рукотворную пещеру. Небольшая комната-притвор, через которую входим в храм. Сразу видим икону. Сам чудотворный образ был перенесен в храм Протата, здесь же находится список, также прославившийся чудотворениями. Невольно представляется то Всенощное бдение, с которого прошло уже более тысячи лет (описываемое ниже чудесное событие произошло в 980 г.), когда живший в этой келии старец

ушел в протатский храм, оставив своего послушника одного. Опечаленный, тот стал на молитву (на том месте, где сейчас стоим мы) перед иконой Божией Матери, тогда еще безымянной и безвестной. Видимо, сильна была его скорбь, что не сподобился он быть со всеми на праздничной службе, и, как обычно бывает в такие минуты, горяча молитва, когда тоскующее в одиночестве сердце с особой силой возносится горé, там ища утешение. Так молился блаженный послушник, как вдруг в дверь келии постучали. Он открыл и, видимо, обрадовался, когда увидел перед собой инока, предложившего ему совершать молитву вместе. Дойдя до молитвословия «Честнейшую», послушник собрался было начать его именно с этих слов (таким оно было издревле), но гость вдруг дивным голосом запел чудные слова божественного гимна Божией Матери, никогда раньше не сходявшие с уст человеческих: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего». Как бы пребывая в восхищении ума, внимал послушник небесному славословию Пресвятой Богородице, а когда инок окончил пение, прибавив как окончание и «Честнейшую», послушник стал умолять записать для него дивное песнопение, чтобы как-нибудь не забыть его. Гость согласился, но, поискав пергамент и чернила, не обнаружили ни того, ни другого (а быть может, их никогда и не было в келии простого монаха). Тогда, не желая огорчить гостеприимного послушника, инок начертал пальцем слова, ставшие с тех пор главным песнопением Пресвятой Деве, на каменной плите, лежавшей тут же – и камень, как воск, чудесно запечатлел дивные письма. Только когда инок окончил и стал невидим, послушник понял, кем был его гость. Икона, во время молитвы перед которой было чудесное явление и которая стала с тех пор называться первыми словами нового песнопения «Достойно есть» (греч. «Аксион эстин»), вместе с плитой была перенесена в храм Протата (позже плита исчезла – возможно, во время одного из многочисленных набегов на Святую Гору разбойников или турок). Нельзя здесь не спеть «Достойно есть», как и величание Пресвятой Богородице – душа, кажется, поет сама, не думая о тональностях и распевах, исполненная благодарности и умиления...

Уходить не просто не хочется – нет сил. Но надо. Выходим, приложившись к чудотворной иконе, в переднюю комнату-притвор. Здесь нас просят подождать, и через несколько минут мы уже пьем холодную воду с разведенным в ней чем-то сладким – скромное угощение, под стать простоте обстановки. Между тем понемногу продолжается беседа, из которой узнаем, что нынешний насельник келии уже сорок лет подвизается на Афоне, из них двадцать последних – один, в этой келии. Бывали и страхования, слышал и пение ангелов. Вот жизнь монашеская: всегда один («монос», греч.), но никогда не одинок, ибо никто так не близок душе, как Бог – ее Творец, Промыслитель, Спаситель и Утешитель, особенно же душе чистой, в такой степени чувствующей эту близость, что изливающиеся в нее божественная любовь, свет, чистая радость, благоговение делают ненужным, лишним, мешающим все остальное, внешнее. (Приходилось слышать, как

именно здесь, на Афоне, один монах окно своей келии, откуда мог бы любоваться дивными восходами и закатами, буйной зеленью, лазурью Эгейского моря, безоблачной синевой южного неба, величественными отрогами гор, радующим и дающим силы солнечным светом, – этот монах в единственное окошко своей келии поставил икону Спасителя со словами: «Ты мой Свет невечерний». Но для этого надо видеть очищенным оком боголюбивого сердца тот нетварный свет, который «паче всякого света».) Рассматриваем на стенах бумажные иконы и картины. Сюжеты в основном апокалиптические⁹; есть и русские: из жизни преподобного Серафима, русской истории. Видя наш интерес и оживление, видимо рад и наш гостеприимный хозяин. Но наступает время прощаться. От души благодарим и по той же дорожке минут через пятнадцать оказываемся вновь у ворот Андреевского скита.

Времени – начало пятого. Немного ожидаем, читая правило. Но вот слышится звук открывающегося засова. Входим. Нас встречает и ведет в собор один из тех, кто подвизается в скиту сейчас – греческий монах лет пятидесяти. Подходим к стоящему в центре скита величественному, подлинно русской XVIII-XIX вв. архитектуры собору. Входим. Увы, то же запустение, что и везде, только побелены стены. Пустота чувствуется особенно явственно из-за огромных размеров собора. Единственная сохранившаяся святыня, кроме нескольких икон, – часть главы святого апостола Андрея Первозванного, небесного покровителя нашей Родины и этой маленькой ее части в далекой Греции – Андреевского скита. Вдоль иконостаса, такого же высокого и многоярусного, как и в Ильинском скиту, но почти без икон, стоят два больших ковчега. Открываем крышку одного из них – и здесь пустота, хотя, судя по виду, раньше в них хранились огромные мощевики. «Куда исчезли хранившиеся здесь сокровища?» – невольно возникает вопрос, хотя мы, не желая ставить в неловкое положение нашего гида, не задаем его вслух. Но как бы читая наши мысли, он говорит: «Все увезли в Россию». «Кто и когда?» – опять возникает горькая мысль, неискренность ответа чувствуется особенно. До революции из России все везли на Афон, в дар его обителям и в помощь насельникам. После революции увозить святыни туда, где они уничтожались, где Церковь преследовалась (и откуда? – где им не было никакой угрозы, куда они и жертвовались), – бессмысленно, невозможно...

Выходим из собора и, обходя его вокруг, сами рассматриваем то, что осталось от прежнего величия святого прибежища почти тысячи (во времена расцвета скита) иноков. Справа от выхода из собора – апсида небольшого храма, вокруг – четырехугольник корпусов. Только добротность постройки

⁹ Они вообще довольно часты на Афоне, особенно на фресках в храмах. Так, как настоящее чудо показывают изображение... атомного взрыва (XVI век!): из очень реалистически написанного «атомного гриба» вылетает саранча с человеческими лицами и поражает людей (Откр. 9, 1-11) – чем не радиация с ее аналогичным действием! Удивительное прозрение, за четыре столетия до Хиросимы и Нагасаки открытое Богом монаху-иконописцу, в предупреждение помраченному человеческому разуму.

еще противится всеразрушающему действию влажного и жаркого афонского климата. Но даже эти руины – красноречивое свидетельство о прошлом, о том, что здесь было.

Покидаем Андреевский скит. Около часа пролетело незаметно, как часто бывает на Афоне. Наш путь обратно, в русский монастырь святого Пантелеимона, и путь неблизкий, к тому же только в общих чертах отраженный картой. Решаем зайти (в этих местах мы, видимо, в последний раз) в еще один русский скит – «Ксилургу», или «Богородица» (в отличие от Андреевского и Ильинского совсем небольшой, сейчас принадлежащий нашему монастырю).

Каря расположена почти в центре Афона, поэтому мы сравнительно скоро оказываемся на перевале, идя по уже знакомой дороге на Ватопед. Тогда мы проделали ее до самого монастыря на машине, теперь идем пешком и еще раз убеждаемся в великом для Афона преимуществе именно такого способа передвижения. Да, есть старость, есть грузы, есть повседневная работа и нужды, требующие помощи техники, и хорошо побродить по Святой Горе месяц и вернуться в мир цивилизации (хотя – хорошо ли?) А жить каждый день?.. Спросим теперь и мы: только ли из-за сложности иметь те средства, которыми давно уже облегчил (хотя сделал ли счастливее?) свою жизнь внешний мир, не строились до недавнего времени на Афоне дороги, не проводилось электричество, не было машин, другой техники? Не вносят ли эти средства (сами по себе ни плохие, ни хорошие, нравственно безотносительные) в мир молитвы, внутренней сосредоточенности, в мир монашеского делания дух *мира сего*? И этот дух неудержимо проникает сейчас на Афон. Вот мы идем по широкой, только еще не асфальтированной дороге, одной из тех, что прорезают сейчас Святую Гору вдоль и поперек; как шрамы, видны они среди природной зелени с моря, с вершин гор. Электричество, которого не было здесь еще несколько лет назад вообще, сейчас есть во всех монастырях, скитах (исключая Костамонид). Об этих двух явлениях, как о признаках последних времен для Афона и всего мира, говорится (хотя по причине разницы во времени иносказательно) в «Посмертных вещаниях преподобного Нила Мироточивого», афонского подвижника XVI века, спустя некоторое время по своей кончине явившегося одному погибающему в нерадении брату и поведавшего ему о том, какой будет жизнь монашества (и не только афонского), духовенства, мирян при конце мира. Читая их, убеждаешься, что только как откровение свыше могло появиться это описание, и действительно насколько уже «позже, чем мы думаем». Строящиеся дороги, как и ведущиеся во всех афонских монастырях масштабные реставрационные работы, вызывают озабоченность еще и потому, что финансируются и проводятся они Евросоюзом с целью включить и Афон в сферу туризма. Доносятся слухи, что на Святую Гору предполагается привозить женщин, только они не будут выходить из автобусов. Такие планы вызывают озабоченность и протесты Греческой Православной Церкви, простых людей, но в Греции же есть и организации феминисток, прямо ставящие своей задачей снятие запрета на посещение

Святой Горы женщинами. Время от времени они публикуют в газетах снимки своих «героинь», позирующих на фоне той или иной афонской обители. И хотя современная техника позволяет сделать какой угодно монтаж, не исключено, что кто-то именно с такой целью предпринимает путешествия на многочисленных прогулочных теплоходах и яхтах, с утра до вечера курсирующих в виду афонских берегов, лишая тех, кто подвизается, уединения и безмолвия, необходимых для монашеской жизни, которая и в идеальных условиях есть постоянный и напряженный подвиг. Но что до этого миру, не имеющему и не желающему иметь об этом никакого понятия, не говоря уже о сочувствии и помощи! Множество техники, как и паломников (все большая часть из которых – туристы, искатели приключений), также нарушают уединенность былых времен. Можно представить себе, каким магнитом станет для мира «отреставрированный», «цивилизованный» Афон, если и в таком виде, как сейчас, он привлекает к себе стольких людей. А сколько для их обслуживания потребуется машин, другой техники... Всем доступным обладающий и всем уже пресыщенный, но не находящий покоя и осмысленности жизни без Бога, мир обнаружил и изо всех сил устремился, своей мощью преодолевая веками соблюдаемые условия и ограничения, туда, где он «еще не бывал», что еще не изведано, не испробовано, что еще может заставить проснуться притупленные пресыщением чувства, вызвать интерес; а у кого-то, может быть (ведь «всякая душа по природе своей христианка»), – и смутное ощущение, что именно здесь, в Православии, и в его главной сокровищнице, на Афоне, – путь возрождения, обновления, преображения как человека, так и мира в целом¹⁰.

Тем временем идем почти по самому верху перевала, по дороге на Ватопед. Где-то здесь должен быть поворот вправо, на Ксилургу. Первая неопределенность на карте. Большая развилка, дороги идут во многих направлениях, но, кажется, нам еще дальше. Через несколько десятков метров действительно видим полузаросшую дорогу вправо, без указателя (машина из монастыря ходит сюда раз в одну-две недели). Похоже, она. Сворачиваем. Идем минут пятнадцать, дорога делает несколько поворотов, и уже начинаем сомневаться, не ошиблись ли, как вдруг, пройдя метров двадцать пять прямо, из-за зелени придорожных кустов видим ворота, перед ними площадку, дальше – стены, купол храма. Подходим, обрадованные, что нашли, но – все заперто. На стук никто не отвечает. Немного подождав, понимаем, что никого нет и внутрь мы не попадем. Кажется, оба

¹⁰ Последнее утешает, вселяет надежду, и Господь показывает, как она воплощается, – в обращающихся ко Христу наших соотечественниках, да и иностранцах, которые приезжают вновь и вновь, уже как паломники, на Святую Гору. Но все же какая дорогая цена платится за это: обмирщение последних духовных оазисов, гибель последних рощ, растений, вырабатывающих духовный кислород – молитву, – которым еще дышит мир. Чувствует это, стремится к ним, чтобы хоть раз вдохнуть полной грудью не выхлопы, углекислый газ, а чистый воздух, но своим тлетворным, знойным дыханием страстей губит нежные растения, взращивавшиеся столетиями, многими трудами и подвигами...

одновременно вспоминаем игумена нашего монастыря о. Иеремию: когда после праздника мы попросились посетить Ксилургу, он сказал, что не надо: «Там сейчас такая грязь, я как-нибудь съезжу, замощу там досками, тогда можно». («Замощу досками» грязный двор – и это говорит игумен, и с какой простотой, без всякой нарочитости – поразительно!) Вот, оказывается, что значили эти слова. А мы еще, вспоминая их, сомневались: может быть, действительно не идти? И все же пошли. Вот сила благословения. И неблагословения.

Делать нечего, возвращаемся. Были разногласия, идти ли в скит, еще и потому, что опасались, успеем ли вернуться в монастырь до темноты. Время уже около семи вечера, солнце все быстрее стремится к западу, путь от скита предстоит неблизкий и, главное, неизвестный, вдали от обитаемых мест. Но теперь выбора нет и надо только стараться не заблудиться и идти по возможности быстро. Оба эти стремления поглощают все внимание, так что из почти двухчасового перехода вспоминается только Старый Русик, место, где издревле стояла русская обитель, только в XIX веке переместившаяся на побережье и там разросшаяся в Афонский Русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Но жив и Старый Русик. Видим близ него озерцо, ограду, серые стены, зеленые крыши колокольни и храма. Хорошо бы зайти, но солнце все стремительнее опускается к горизонту. Если бы знать, сколько идти... Все же не решаемся, хотя проходим совсем рядом: перекрестившись и испросив благословения Божия и тех святых предков наших, которые столетия подвизались здесь *подвигом добрым* (2 Тим. 4, 7), продолжаем путь. Дорога все время вниз, идти легко, но сколько – все еще неизвестно, а солнце уже почти у горизонта. Вот коснулось. Зашло наполовину. На три четверти. Полностью. Еще минут двадцать будет видно, потом – темнота. Утешает то, что мы уже почти у берега. Надемся, где-то между нашим монастырем и Ксенофонтом. По карте – ближе к первому. Вдруг дорога резко сворачивает влево, и в уже сгустившихся сумерках мы видим знакомые очертания. Метров двести – и мы дома. Слава Богу! Сразу приходит усталость (здесь удивительно мирная, даже после подъема на вершину Афона – совсем не спортивная, азартная, а именно умиротворенная, смиренная: «День прошел, и слава Богу»). Правило уже прочитано, и после вечерних молитв ложимся: завтра начинается наш последний афонский переход.

13 августа, среда. Утром, как обычно, стараемся встать пораньше и успеть к началу службы, но приходим только к Литургии. Уже привычный паром в 11 часов. Сейчас плывем до монастыря святого Павла. Дафнии. Симонопетр. Григориат. Дионисиат. Вот и наша «остановка». Выходим на берег. Мы у самого подножия Афонской горы. День солнечный, и в голубом небе видим серую, без растительности вершину. Монастырь святого Павла по сравнению с ней – на самом берегу. Нас подбирает попутная машина. Несколько поворотов широкой пыльной дороги по некрутому склону – и мы у ворот обители. Входим. В архондарике, как уже стало привычно, нас встречают и размещают в гостиничной комнате-келии. До вечерней службы еще есть некоторое время, и мы идем к пещере, где подвизался основатель

монастыря, ныне носящего его имя, преподобный Павел. Как уже говорилось, он основал и Ксиропотамскую обитель (что по дороге из Дафнии в Карею), а потому именуется преподобным Павлом Ксиропотамским. Место его уединенных подвигов (как и преподобного Симона) – небольшая пещерка у стены построенной позже обители, вблизи сторожевой башни. Другое известное место вблизи монастыря – келия о. Софрония (Сахарова), ученика и автора жития преподобного Силуана Афонского (книги, как нам говорили, настольной у многих афонитов и любимой православными, наверное, всего мира). Келия действительно недалеко, но найти ее непросто. Первая попытка спуститься к ней с тропы, ведущей на южную оконечность Святой Горы, оканчивается неудачей: места здесь скалистые, большая опасность сорваться; густая южная растительность практически непроходима, да и точное местонахождение келии нам неизвестно. Поэтому возвращаемся, спускаемся к морю и поднимаемся теперь снизу: прямо около пристани преодолевая забор, по крыше то ли гаража, то ли сарая добираемся до берегового утеса, на склоне которого находим тропинку. Она одна, поэтому выбирать не приходится. И действительно, метров через сто оказываемся около полуразрушенной келии. Удивительно выбрано место: и недалеко от монастыря, и абсолютное уединение, неприступность. Несмотря на то, что келия теперь необитаема (видимо, со времени кончины о. Софрония), в нее время от времени приходит один из насельников монастыря святого Павла, англичанин, зажигать лампадку. Она действительно горит. В иконостасе параклиса осталось только две иконы. Отдохнув в этом подлинно отшельническом уединении, возвращаемся в обитель: в пять часов, как обычно, начало вечернего богослужения. Идем минут сорок и из путеводителя узнаем, что обитель была основана в X веке преподобным Павлом, сыном императора Михаила Куропалата. В царской грамоте, разрешающей строительство монастыря, преподобный называется «величайшим из философов». В XIV веке в обители подвизались в основном сербы. Соборный храм посвящен Сретению Господню и украшен одиннадцатью главами, что на Афоне редкость.

Наконец добрались. Войдя в ворота и пройдя немного вперед, оказываемся перед входом в храм, где паломники уже ожидают начала богослужения. По его окончании прикладываемся вместе со всеми к святыням обители, среди которых главная – «Дары волхвов»: в специальном ковчеге заделанные в воск золото, ладан и смирна, которые были принесены с Востока Богомладенцу-Христу, а в монастырь святого Павла – в XIV веке дочерью сербского правителя Георгия Бранковича царевной Марией. Она хотела сама внести свое приношение в обитель, но ей, как в древности царевне Плакидии, было повеление покинуть Афонскую Гору. На месте, где она передала дары волхвов, была построена часовня. В обители хранится и крест, подаренный императрицей Елизаветой Петровной, с мощами святой великомученицы Екатерины. Также прикладываемся к деснице преподобного Максима Исповедника, мощам святого Нектария, святого Дионисия Олимпийского и других. Трапеза. Читаем правило и ложимся пораньше –

завтра большой переход: намереваемся добратся, если Господь благословит, до Кавсокаливского скита.

14 августа, четверг. Выходим из монастыря святого Павла после завтрака. Идем по уже знакомой тропе на юг. Дорог здесь нет, как нет и машин. Пейзаж, сама природа очень отличаются от средне- и североафонской. Огибаем южную оконечность Афонского полуострова, идя вдоль подножия горы. Первый «населенный пункт» на пути от святого Павла – Новый скит. Скиты на Святой Горе делятся на два типа: «монастырский» (с оградой, храмом, келиями в стенах, обычно с небольшим числом насельников) и собственно скиты как форма афонской монашеской жизни: на небольшом расстоянии друг от друга расположены келии, в которых обычно подвизается старец с несколькими послушниками. Каждое такое братство имеет свое занятие, чем и обеспечивает себя; только в воскресные и праздничные дни все скитяне сходятся в соборный храм на Всенощное бдение и Литургию. В простые дни молитва совершается келейно, так же служится и Литургия (в параклисе – храме, пристроенном к келии; отличие от обычного храма заключается в меньшем размере такой «домовой церкви», престол делается заодно с восточной стеной, часто просто в виде горизонтального выступа). Именно скиты второго типа проходим мы сегодня. Три из них, большие, идут один за другим: Новый скит, Скит святой Анны и скит Малая Анна. Здесь, как и на всем Афоне, идет активное строительство. Но в отличие от монастырей отдельные келии строят многие наши соотечественники – греки-понтийцы. Один из них угощает нас кофе и рассказывает, что давно уже ездит сюда на заработки, греческий язык родной, построить или отремонтировать келию желают многие афониты; за лето вдвоем-втроем «сдают дом под ключ». Заработок помогает жить остальную часть года на родине, где зарплату давно не платят. И хотя русских на Афоне сейчас немало, встрече с земляками мы рады, и, кажется, обоюдно. Но пора в путь.

Если до Нового скита от монастыря святого Павла мы шли час-полтора, то следующий скит – святой Анны – буквально примыкает к Новому. По нему также идем довольно долго. Но если соборный храм Нового скита нам только показали издали (далеко внизу, почти на берегу), то в храм Скита святой Анны мы имеем возможность зайти. Скит получил свое название в честь святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы. Ей же посвящен храм, главная святыня которого – левая стопа праведной Анны, помещенная в драгоценный ковчег. Прикладываемся также к мощам святого Геронтия (XIV в.), святого Саввы (XVIII в.) – всего шестнадцати угодников Божиих. После ослепительного солнца и оживленной деятельности в скитах храм кажется сумрачным, уединенным и потому особенно древним. Побывать бы здесь на службе. Но надо идти...

Тропа поднимается все выше. Наконец, выйдя из скита, оказываемся около узкого прохода, минуя который подходим к третьему скиту – Малой Анне. Можно было бы идти и быстрее, но постоянно останавливаемся, оглядываясь назад на удивительной красоты виды, на только что пройденные

места, скиты, храмы, более далекие окрестности: высота уже, наверное, метров 300-400 над уровнем моря, а тропа все поднимается. К тому же день, как и большинство проведенных нами на Святой Горе, по-южному солнечный, как бы напояющий красками небо, море, горы – все, куда ни падает взгляд.

Вот и скит Малая Анна (греч. «Микри Анна»). Он меньше предыдущих, но, судя по строительной активности, стремится достичь их размеров. На южном Афоне технику, материалы, другие грузы подвозят на пароме или специальном грузовом корабле к пристани и потом по тропам, погрузив на мулов, поднимают наверх. Так было испокон веков, только теперь грузы, сообразно потребностям, все увеличиваются.

К полудню достигаем местечка Катунки. Видимо, это тоже небольшой скит или собрание отдельных келий. Самая известная из них – «Данилеи», основана в XIX веке старцем Даниилом Катунским. Ее насельники нам уже знакомы – это те знаменитые певцы, которых мы слышали в Симонопетре и русском Пантелеимоновом монастыре. Подходим. Обычная садовая ограда. К келии (большой, двухэтажной) ведет дорожка, по южному обычаю покрытая навесом с вьющимся по нему виноградом. Справа небольшой архондарик. После обычного угощения нам показывают знаменитую келию. Сначала проходим в храм. Он посвящен Покрову Божией Матери и полностью расписан самими келиотами: оказывается, они не только певцы, но и иконописцы. Замечательна храмовая икона, изображение блаженного Андрея на ней. Заходим в иконописную мастерскую. У окна – возглавляющий сейчас Данилеев благообразного вида старец лет шестидесяти (носящий имя основателя этого братства) пишет икону. Он же руководит хором (потому и особенно хорошо запомнился нам), сам замечательный певец. Еще раз удивляемся, как Господь богато одаривает человека.

Но вот покидаем и келию Данилеев. Наш путь все дальше, на юг. Наконец подходим к особому месту Афона, центру его подвижничества. Вернее, отшельничества. Каруля. Это уже определенно не скит, а 10-12 келий, расположенных на некотором расстоянии одна от другой, соединенных тропинками. Это так называемая внешняя Каруля. Первая келия, к которой подходим – нашего соотечественника, более того, бывшего насельника Лавры преподобного Сергия, потом – русского афонского монастыря, а теперь здешнего келиота о. Венедикта. Получилось так, что мы познакомились в Салониках в день нашего приезда. Теперь встречаемся как старые друзья. Из-за обычного отношения греческих (в том числе и афонских) властей к русским о. Венедикту здесь трудно: келии официально не дают, и живет он здесь, можно сказать, нелегально. К тому же один, а уже за пятьдесят. Обычно, когда келиот приходит в возраст, приобретается и духовный опыт, привлекающий молодых послушников, которые, находя у старца духовное окормление, все больше берут на себя труды по содержанию келии. Так осуществляется преемственность традиции и происходит смена поколений насельников Святой Горы. К тому же келия о. Венедикта далеко

не новая и требует ремонта. Келии на Карули существенно отличаются от других своим аскетизмом, свидетельствующим о крайней неприхотливости и подвижническом духе их обитателей. Обычно земляной пол (это сейчас, летом, хорошо, а когда эти скалы обдуваются пронизывающими осенними, зимними, иногда со снегом, ветрами?), печка, топящаяся дровами и углем, которые тоже кто откуда умудряется запастись себе (а топить здесь надо минимум с сентября по май); крыша только накрыта листами шифера или жести, где прибитых, а где просто прижатых плоскими камнями. Стены келии деревянные или сложенные из плоских камней. Окна маленькие, иногда застекленные, иногда просто забитые фанерой, чтоб не дуло. Кровати – скорее лежанки неопределенной конструкции, с одеялом вместо матраса и вторым сверху. О постелях, естественно, речь не идет. Вода запасается от дождей и весенних потоков с гор. По афонскому обычаю монахи не моются, только иногда меняют одежду. Пища готовится на газовой плите. Баллоны с газом, изредка заменяемые, подвозят по морю и поднимают в келии. (Изредка – потому что готовить приходится нечасто; пища в основном простая: хлеб и овощи). Келия обычно состоит из веранды-навеса и двух комнат, жилой (по нашим понятиям название это может быть употреблено в данном случае только в кавычках) и как бы кладовки, где хранится нехитрое имущество келиота. Не то что бедность, а нищета и убожество, ведущие к подлинным богатству и величию духа.

Говорим о многом (как может быть хорошо просто поговорить на родном языке!): сначала о Лавре, потом о. Венедикт рассказывает о своей жизни, ее перипетиях уже на Афоне. Скрашивает его жизнь сосед из келии неподалеку – грек о. Харитон, поддерживающий своего друга когда словом, а когда и материально (особенно в первое время, когда о. Венедикт пришел сюда и у него ничего не было). К нему, почти как к себе, о. Венедикт нас и приглашает.

Спускаемся метров на пятнадцать – и мы у келии о. Харитона. Он живет здесь значительно дольше своего русского соседа, но на его жилище это сказалось мало: почти та же убогость, внешняя неприглядность – и вместе с тем какая-то (но отнюдь не романтическая) притягательность. Общение у старцев – смесь греческого, русского и английского. Отдельные слова из других языков о. Венедикт знает, как не первый год живущий вне России, а о. Харитон учился, как оказалось, в Художественной академии в Риме и еще в каком-то высшем художественном заведении в Греции. По профессии он иконописец и фотограф. Показывает нам свои работы. Еще раз удивляемся, как в таких условиях создается то, что видим. Вот его последняя работа – изданный в этом году фотоальбом «Images of Athos». В нем две части. В первой находятся виды обителей и фотозарисовки из их жизни: повседневной, праздничной, богослужебной; во второй – наиболее известные афонские старцы, живущие ныне и недавно скончавшиеся. Всех их о. Харитон фотографировал сам. Большое преимущество этого альбома по сравнению с другими о Святой Горе в том, что он сделан «изнутри», самим афонитом, и его фотографии запечатлели много такого, что остается

скрытым от стороннего наблюдателя. Это не рекламный проспект, не набор видов афонских монастырей, но альбом, передающий сам святогорский дух, недаром его название можно перевести не только как «виды», но и глубже – «образы», «лики» Афона. И это – при большом профессионализме исполнения. Любовь к Афону, его обитателям, традициям, насельникам чувствуется и в первой части (то, что сфотографировано, как выбраны места в обителях), но особенно – во второй: как живые из повседневной своей жизни смотрят с фотографий афонские старцы, только «одному из своих» доверившие сфотографировать себя, хотя бы немного приоткрывшие свой глубоко сокровенный от постороннего взгляда мир. Почти под каждой фотографией указан год, в котором подвижник пришел на Святую Гору, для скончавшихся – и год кончины. Нельзя не поразиться их разности: 60, 70, 75 лет, проведенных на Афоне! Рядом с некоторыми фотографиями помещены снимки фресок с ликами святых (пророков Иеремии, Осии и других), которые по своему виду и передаваемому внутреннему состоянию поразили, видимо, автора альбома своим сходством с живым лицом. Снимки эти уникальны. Каждый из запечатленных на них – «яко един от древних», каких и на Афоне становится все меньше. Потому и дороги они необычайно. Ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, если не в жизни, то хотя бы на фотографии, тем более такого качества, как эти. Известны слова о том, что человек не может прийти к Богу, если хотя бы однажды не увидит в глазах другого свет жизни вечной. Здесь такой свет на каждом лице, лике. И понимаешь, что может сделать благодать Божия со всецело предавшим себя ее водительству, и чувствуется реальность Преображения. Глядя на эти снимки понимаешь, ощущаешь, что значит быть «не от мира сего», – когда видишь взгляд, отрешенный от мира, всего внешнего, предельно углубленный в себя, где в очищенном многолетним подвигом сердце прозирается, предчувствуется, а может быть и видится уже *Царствие Божие*, которое *внутри* каждого из нас *есть*. (Реакция на эти фотографии может стать и своеобразным тестом состояния душ тех, кто смотрит их: для кого-то эти духоносцы – только «старички», немощные и больные).

Показывает о. Харитон и другие свои фотографии. Оказывается, он часто бывает в России. Мы узнаем об этом позже, а сейчас, показывая нам фотографии Петербурга: Зимнего дворца, храмов, площадей, набережных, – он с серьезным видом называет совсем другие города, даже страны, и мы сначала поддаемся на его уловку и принимаем шутку всерьез, что его по-детски радует. Но вот и виды нашей Лавры: Троицкий собор, Успенский, колокольня, Смоленский храм, даже знакомые лица (среди академических и лаврских иконописцев у о. Харитона много друзей) – здесь уже ошибиться невозможно. Говорим с помощью о. Венедикта о России, Лавре, творчестве о. Харитона, его планах. Удивительно, как хорошая и дорогая аппаратура, негативы хранятся в условиях его келии, немногим более благоустроенной, чем у его друга. Фотографии он делает, конечно, в Салониках, как и печатает свои альбомы. Но все равно – неожиданное занятие для афонского монаха. Хотя, видимо, Сам Господь послал его сюда в наше время, чтобы запечатлеть

то, что уходит, – и наверное, безвозвратно, – как свидетельство о Православии не как о «высочайшем учении», но о силе, реально изменяющей, преображающей человека.

Потом разговор заходит о Каруле. Место это, как мы сказали, наиболее подвижническое на всем Афоне: более суровые условия – только вблизи вершины, но пребывать там постоянно человек не в силах уже физически; по преданию, там живут только воски. Каруля находится на самом южном склоне Афонской горы, где скалы круто, а порой просто отвесно поднимаются из моря. Они почти лишены растительности (начинается она выше) и источников воды. Отчасти видим это вокруг, но не вполне: есть еще так называемая внутренняя, или «страшная» Каруля, где сейчас живет только один средних лет монах-серб, о. С., другим не под силу: кому по возрасту, а молодым – как не имеющим тех дерзновения и самоотвержения, которые были раньше. Подвиги здесь особые. Это место действительно «между небом и землей», точнее, между небом и морем. Отдельные келии – как гнезда, как отдельные кустики выжженной здесь солнцем травы – цепляются за каждую неровность прямо из моря поднимающихся скал. Едва приметная горизонтальная поверхность использовалась для постройки крохотной келии, а вокруг – только отвесная стена, вниз и вверх. Нет ни огородика, ни просто площадки, самой маленькой, чтобы можно было выйти из келии. Некоторые удалось увеличить помостом, настилом, на который одним краем опирается келия. И это на головокружительной высоте, вручную, без всякого специального оборудования, техники.

Но еще труднее – жить здесь. Свирепые ветры, особенно в осенне-зимний период, ничем не сдерживаемые, несущиеся из открытого моря и обдувающие голую скалу, чуть ли не срывают (а иногда случалось и это) прилепившиеся к ней келии. Вода здесь отсутствует полностью, и ее запасы пополняются исключительно дождями, в летний период чрезвычайно редкими. Пищу, дрова и вообще все необходимое (ограниченное до трудно представимых нам пределов) сюда поднимают в специально свешиваемых для такого подаяния (которым в этих условиях только и возможно жить) корзинках: проплывающие мимо рыбаки (по крайней мере раньше), зная, что никакой, даже самый скромный, их дар не будет здесь лишним, клали в корзины продукты, дрова, одежду. Так всегда жил православный мир. Молитва за него считалась трудом, за который миряне охотно жертвовали то небольшое, что было необходимо для жизни тех, кто посвящал такой молитве свою жизнь. В корзинках спускалось и то рукоделие, которое здесь могло быть (например, четки). Сам подъем в келии возможен только по цепям, спускающимся также прямо в море. Здесь нет ни тропок, ни даже маленькой пристани (какая есть на внешней Каруле) – им здесь просто негде быть. Подъем осуществляется так. К скале подплывает лодка, и желающий попасть в ту или иную келию, взявшись за цепь, начинает подниматься, используя всякую неровность скалы, в которую может упереться нога. Если есть поклажа, она при этом может быть только за спиной. Один из таких подъемов видим на фотографии в альбоме о Харитона. Даже при виде ее,

сделанной сверху, захватывает дух. Но ведь были те, кто крепил здесь эти цепи, – как это было возможно и для кого? На первый вопрос не беремся ответить. А вот кто были эти первопроходцы – известно. Карульские келии были построены в XIX веке русскими монахами, которые первыми и начали подвизаться здесь. Итак, не только самые многочисленные монастыри и скиты были основаны, но и самые суровые места Святой Горы приспособлены для подвигов нашими благочестивыми предками. Это не национальная гордость, а преклонение перед духом русского Православия, воспринятого, сохраненного, умноженного в нашем народе непревзойденно, явленного всему миру в затворничестве сотен святых иноков Киево-Печерской обители, в подвиге преподобного Сергия, тысячедневном и тысяченощном стоянии преподобного Серафима, в подвиге и вот этих отшельников, одному Богу ведомых Его воинов на далеком Афоне¹¹.

Каруля – это и затворничество, и столпничество. Узнавали о том, что подвижник перешел из временной жизни в вечность, если его корзинка долгое время не поднималась. Бывали и трагические случаи, когда келию уносил в море ураган или разбивал сорвавшийся сверху камень. Но несмотря на все опасности (сказав о внешних, умалчиваем о главных, нам известных только из житий, например, преподобного Никиты Киево-Печерского, впоследствии епископа Новгородского), сюда неодолимо тянуло тех, которые не могли утолить жажду, утишить огонь любви к Богу подвигами меньшими; которые, казалось, еще живя на земле, вознеслись бы на небеса, если бы не отягощали себя словно привязывавшими их тела к земле подвигами, нам трудно даже представимыми. Увы, теперь такого горения, такой ревности, а во многом и сил все меньше – и Каруля пустеет, особенно внутренняя. К тому же из-за прогулочных теплоходов она утрачивает (как и знаменитые Метеоры) свое важнейшее преимущество – абсолютную изоляцию от мира, его молвы, страстей, суеты, попечений.

Смотрим альбом, слушаем рассказы о Харитона и о Венедикта и думается: ведь это образ всей нашей Церкви, постепенно вытесняемой, изгоняемой из мира в том, в чем она не покоряется ему, духовно ассимилируемой; соль или счищается, или растворяется огромными количествами воды до полного почти исчезновения вкуса и действия. Не то ли это «обуевание», о котором предупреждал Спаситель: *Сын Человеческий придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18, 8). Два взгляда может быть на этот процесс. Один описан выше: оскудение, нивелирование, исчезновение – ведь все в этом мире преходяще. Как бы слышится голос современного секулярного общества: «Странно, что вы продержались две тысячи лет. Но вот пришло и ваше время. Современный человек оказался вам не по зубам. Всему свое время». Но может быть и другой взгляд. В нем – наша

¹¹ Несмотря на «русское происхождение» карульских келий, они в настоящее время приписаны к Лавре преподобного Афанасия, с разрешения игумена которой только и возможно их занять.

христианская надежда. В одной брошюре приводится фраза из выступления французского, кажется, священника на каком-то экуменическом съезде. После выступлений представителей разных религий, провозглашавших грядущее тысячелетие триумфом именно их исповеданий, он сказал: «Да, вы победите. Но знайте, что в конце концов всех победителей победит Христос». И тогда новым, современным содержанием наполняется такой известный евангельский образ житницы, в которую собирается отделенная от плевел пшеница (Мф. 13, 24-30). Церковь не исчезает, не может исчезнуть и не исчезнет никогда, по слову Спасителя о непреодолимости ее самими *вратами ада* (Мф. 16, 18). Она не исчезает, она уходит: в житницу Божию падают последние зерна с поля, которое остается пустым. Мир изгоняет из себя Бога, и Бог уходит: *Се, оставляется дом ваш пуст* (Мф. 23, 38). Хотя Бог и остается стучащим у двери каждого сердца, до конца взыскивает погибающую душу, но все реже открывают, все меньше тех, кто желает быть найденным и ищет сам. И если смотреть только на поле, то незнакомый с сельским хозяйством скажет: вот все, что осталось, больше ничего нет, только отдельные зерна. Опыт не удался, и предпринявший его трудился, сеял, надеялся напрасно. Но если знать весь процесс, видеть замысел и его осуществление в целом, до краев полные закрома отборной пшеницы, то представляется дивная картина: ничего не пропало, ни одно зерно, ни один грамм удобрений, ни одна капля воды от полива: все принесло плод! И современное состояние христианства – это не поражение, не исчезновение, а переход, преддверие окончательной победы – победы, которая уже совершена Крестом, которая уже явлена Церковью и скоро, скоро станет очевидной и всему миру. Остается немного времени – для тех, кому еще возможно откликнуться, приобщиться этой победе Христовой, сделать ее и своей победой и воскреснуть в блаженную вечность. Ради этих последних Господь еще и долготерпит, для них продолжается время, давая место христианскому подвигу. Ради тех, кто хотя бы в одиннадцатый час откликнется, обратится, придет.

Но время уже давно за полдень, пора в путь. О. Харитон дарит нам на память несколько своих фотографий афонских старцев: о. Макария, подвижающегося на Святой Горе с 1914(!) года, и о. Исидора. Как ни жаль расставаться, но приходится. Прощание самое теплое. И надежда на встречу – как ни с кем еще на Афоне.

Келии внешней Карули расположены по двум склонам рассекающего гору в этом месте ущелья. Спустившись еще ниже келии о. Харитона, переходим на другую сторону и начинаем подъем, занимающий около полутора часов и, кажется, отнявший все силы. По милости Божией находим источник и около получаса сидим, не имея сил продолжать путь, хотя подъема больше не будет. Место, у которого мы сидим, – известный перекресток троп южного Афона: вниз – на Карулю, влево (если стоять спиной к морю) – к скиту Малой Анны и далее, где мы сегодня шли; вправо, огибая подножие горы на высоте около 400-500 метров над уровнем моря, тропа ведет на северо-восточное побережье полуострова, к Лавре

преподобного Афанасия, куда мы намереваемся прийти на следующий день. На ночь же хотим остановиться в скиту Кавсокалива, куда, передохнув, и направляемся.

Тропа ровная, иногда даже вниз, и не верится, что можно идти так легко. (Не так ли Господь нам, унывающим в скорбях или, наоборот, беспечным и неблагодарным в благополучии, попускает особые, тяжелые обстоятельства, искушения, чтобы по преодолении их мы научились терпеть, ценить то, что по милости Божией имеем, узнали бы свои силы, приобрели опыт преодоления искушений, чтобы, как ни парадоксально, именно через особенно сильные скорби получить силы жить дальше, – познав помощь и утешение Божие в их преодолении.)

Этой тропой (судя по ее нахоженности, главной в этих местах) идем около двух часов, постепенно огибая гору, открывающуюся нам все новыми пейзажами. Живописен и вид на далеко внизу простирающееся море. Тень многих деревьев (иногда довольно больших, несмотря на каменистую почву) скрывает нас от зноя, уже убывающего. Идет легко, радостно и быстро.

Подходим к указателю на Кавсокаливский скит. Теперь нам предстоит спуск – как оказалось, почти такой же по длине, как и подъем с Карули. Но все же идти вниз легче, да и день клонится к вечеру. Живописные места: много зелени, сквозь которую прорываются огромные монолиты мрамора, основной породы всей Афонской горы. Спускаемся еще около часа и на закате солнца оказываемся в долгожданном скиту. Направляемся в архондарик, где нам отводят комнату с двумя кроватями. Простота обстановки, как и всего этого небольшого двухэтажного строения, чем-то напоминает Костамонид. Но поскольку солнце уже зашло и почти стемнело, осмотр скита оставляем на завтра, а сегодня, после столь насыщенного дня, дочитываем правило на площадке перед соборным храмом скита, на которую выходит одной из боковых дверей архондарик. В храм мы тоже попадем завтра, а сегодня пора отдыхать.

15 августа, пятница. В скитах, как уже упоминалось, общая служба бывает только по праздникам, а сегодня день обычный. Поэтому встаем около 8-ми часов: отдых необходим и после такого дня, какой был вчера, и перед днем сегодняшним, который обещает быть не менее трудным – к вечеру надеемся, Богу споспешествующу, быть в Лавре преподобного Афанасия.

Архондаричный открывает нам соборный храм скита. Он довольно обширный, типичная греческая базилика. Главные его святыни – две иконы XII века, Спасителя и Матери Божией. Среди других – частица Животворящего Креста, глава преподобного Акакия Нового, часть святых мощей преподобных Пахомия (из Малороссии) и Нила Мироточивого. С площадки открывается вид на скит. Как и на Карули, его келии расположены по отрогам ущелья, прорезающего в этом месте склон.

Около 9-ти часов начинаем путь к румынскому скиту на восточной оконечности Афонского полуострова. При самом выходе из Кавсокаливского скита заходим в пещеру его основателя преподобного Максима. Как и над

пещерой преподобного Антония близ Есфигмена, над ней построен храм и есть келия. Нам показывают то и другое, причем хозяева очень дорожат памятью преподобного, и нигде мы не получаем столько подарков, сколько здесь: вид скита, вид пещеры преподобного Максима, иконку его самого и открытку с фреской, где он изображен со своими учениками. Спускаемся в саму пещеру по специально ведущей вниз лестнице. Расселина в скале. Стоят, как обычно, подсвечник, свечи, икона, есть кадило и ладан. Однако эта пещерка – не место постоянного пребывания святого. Образ его жизни свидетельствуется его прозвищем: «Кавсокаливит», что в переводе с греческого означает «сожженная калива» (калива по-гречески «хижина», «шалаш»). Преподобный Максим подвизался, ходя по Святой Горе, *не имея zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуя* (Евр. 13, 14). На ночь он ставил себе шалаш, а утром, уходя, сжигал его, и так в странствовании, без попечений о земном подобно птице небесной проводил дни своей подвижнической жизни. Отсюда видим и весь скит целиком (как на той фотографии, которую только что нам подарили; видимо, отсюда она и была сделана).

Наш путь дальше вдоль берега, к пещере преподобного Нила Мироточивого. Идем на высоте 100-150 метров над морем, и дорога понемногу поднимается. Прекрасное утро. Солнце, голубое небо, бескрайнее переливающееся море, зеленые склоны, живописные скалы, отроги – предгорье Афона. И никого вокруг, тишина и покой. Сердце переполняется благодарностью к Тому, Кто сотворил такую красоту и сподобил нас созерцать ее. Чувствуется, что не только природа производит такое впечатление, – оно накладывается на облагодатствованное состояние души, которая вот уже три недели освящается нашим пребыванием на Святой Горе.

Так хорошо, что не замечаем указатель «Агиос Нилос» и проходим довольно далеко. Сверившись с картой, обнаруживаем ошибку и возвращаемся. Пещера находится в скале на мысе, куда тропа не заходит, и мы сворачиваем с нее, оказываясь перед келией, где нас встречают трое ее обитателей, пожилых монахов-греков. Они показывают нам путь к пещере, а молодой провожает нас – путь непростой: сначала через сад, потом вокруг вершины небольшого холма и далее – по длинной каменной лестнице уже к самой пещере. Здесь тоже есть небольшой храм, пещера – над ним. Поднимаемся. Видим каменное ложе, где после кончины было положено тело преподобного Нила. Выглядываем из пещеры – и кружится голова: на 150-200 метров вниз отвесно в море уходит скала. Становится особенно ощутимо и прозвище преподобного – «Мироточивый»: после кончины его святые мощи стали источать миро в таком количестве, что люди с материка приплывали на лодках и наполняли благовонным миром сосуды. Каким же должно было быть это истечение, чтобы с такой высоты не только достигать моря, но и изливаться туда так, чтобы его можно было черпать! Прекратилось мироточение только по просьбе учеников преподобного, которые тяготились множеством приходящих и даже готовы были оставить это место. Уединение и безмолвие зовут побыть здесь подольше. Но пропев

тропарь и величание угоднику Божию, идем обратно, а величественная скала и пещера почти на самом ее верху еще долго занимают наше воображение, пока это впечатление не сменяется еще более сильным – от встречи с живым подвижником. Вот как это произошло.

Продолжая путь вдоль восточного побережья в сторону румынского скита, мы опять проходим то место, где решили обратиться к карте и обнаружили, что прошли пещеру преподобного Нила. Теперь здесь же видим указатель «Агиос Петрос», но стоящий как-то в стороне, неопределенно указывающий куда-то вверх. Из рассказов вспоминаем (и карта это подтверждает), что в этом районе должна находиться пещера преподобного Петра Афонского, одного из основателей (вместе с преподобным Афанасием) афонского монашества. (Они похожи в этом отношении на преподобных Антония и Феодосия Киевопечерских: те и другие подвизались в одно время, в одном и том же месте; преподобные Петр и Антоний были представителями монашества анахоретского типа, тогда как преподобные Афанасий и Феодосий стали родоначальниками монашества общежительного, соответственно на Афоне в X веке и на Руси в XI.)

В это время замечаем едва заметную тропу, ведущую вверх. Начинаем подниматься. Идем долго, все время круто вверх, часто продираясь сквозь заросли. Похоже, если кто-то здесь и ходит, то чрезвычайно редко. Минут через 40 вдруг видим загон для мулашковых, еще несколько шагов – и мы, миновав огородик за оградой, оказываемся у небольшого домика-келии. Кто может жить на такой высоте, в таком дивном уединении? Только еще подходим, а навстречу нам уже вышел старец лет семидесяти. «Евлогите!» – «Кириос!», и не успели мы представиться, как слышим его голос: «Геронта!» Смотрим, куда оборачивается наш собеседник, и видим действительно чудо: к нам приближается, как будто с фотографии о. Харитона, – о. Исидор! Нашему удивлению нет границ... Садимся за столик у стены келии. Общаемся только отдельными словами, в основном даты, имена собственные. Но удивительным образом никакой неловкости не чувствуется. О. Петр (так зовут послушника старца, которому – сколько же лет, если о. Петру, видимо, за семьдесят!) приносит воду и лук. А мы смотрим и насмотреться не можем на о. Исидора. Лицо простое, очень добродушное, улыбающееся глазами, от старости и полноты превратившимися в щелочки, совершенно заросшее длинными пушистыми седыми волосами, из которых он как будто выглядывает. Во всем его облике, неторопливых движениях чувствуются совершенный покой и мир души, отличающая всех старцев ничем, кажется, не рассеиваемая самоуглубленность, и вместе с тем никакой мрачности, замкнутости – наоборот, приветливость. И еще, чувствуется совершенная непоколебимость, твердость, какая-то смелость жить, уверенность (в отличие от мирских этих качеств основанные не на самоуверенности, превозношении себя, а наоборот, на предельном смирении, покорении себя, своей воли Христу, на обретении Его Камнем своей жизни). О. Петр показывает записку, которую им оставили, как он объясняет, тоже русские, которые были здесь до нас, тоже из Лавры преподобного Сергия, и

просили молиться о них. Читаем протянутую записку и видим по-гречески написанные имена наших сокурсников, учащихся сейчас в университете в Салониках и недавно побывавших, уже не в первый раз, на Афоне. Но настает пора прощаться: и так чувствуем себя виноватыми, что побеспокоили старцев. В таком уединении, в котором живут они, всякий визит доставляет беспокойство, нарушая безмолвие, молитву. Такое же, как и приветствие, прощание – немногословное, сдержанное, с непередаваемой любовью, теплотой, дающее радость такую, что вспоминается и ощущается она до сих пор. О. Исидор также неторопливо уходит обратно в келию, о. Петр провожает нас до ворот, чтобы показать, куда идти дальше. Взгляд невольно стремится запечатлеть напоследок всю обстановку этого облагодатствованного житием, молитвами старцев места. Скромная хижина, с одной стороны – устремляющийся ввысь склон Афонской горы, с другой – он же, из-под ног убегающий километровым зеленым спуском к морю, переливающимся на солнце далеко-далеко внизу. Солнечное небо над головой, чистый горный воздух – и тишина, безмятежность несказанные...

Долго еще идем под впечатлением только что открывшегося нам. И только отойдя уже на расстояние довольно большое вспоминаем, что ведь к пещере преподобного Петра мы так и не сходили. («К пещере», а не «в пещеру», так как во время одного из землетрясений, иногда случающихся и на Афоне, она была завалена камнями и как бы скрыта от человеческого любопытства. В связи с этим вспоминается предание о том, что перед концом мира на Святой Горе произойдут три события, которые послужат знамением этого и предупреждением, что иноки должны покинуть Гору: Иверская икона Божией Матери уйдет с Афона, раздастся голос в пещере преподобного Нила Мироточивого и откроется пещера преподобного Петра Афонского.)

Продолжая таким образом свой путь, постепенно огибаем восточную оконечность Святой Горы и, в очередной раз выйдя из зарослей какого-то южного кустарника, видим прямо внизу белеющий на солнце четырехугольник стен. По карте это и есть румынский скит Продромос. Добираемся до него еще минут 40-50 по извилистой, полого спускающейся тропинке. Вот и врата. Входим. По виду это настоящий монастырь: стены с келиями, внутри соборный храм. Нас встречают и, напоив такой долгожданной после каждого перехода под палящим южным солнцем водой, проводят в храм. Послушник, знающий английский, рассказывает нам о ските, храме и его святынях. Скит был основан в 1820 году выходцем из Молдавии. Его соборный храм построен в 1866 году. Название скита происходит от имени его небесного покровителя святого Иоанна Предтечи (греч. «Продромос»), чудотворная икона которого является главной святыней обители. Она весьма характерного письма, находится в небольшом храме у южной стены скита и прославилась многими чудесами, одно из которых состояло в том, что когда турки стреляли в нее, то пули, не повреждая иконы, поражали стрелявших. Другая святыня – икона Божией Матери, называемая «Продромисса». Лики Пресвятой Богородицы и Богомладенца Христа на ней

появились чудесным образом после безуспешных попыток иконописца изобразить их.

В сопровождении так подробно рассказавшего нам о ските послушника (сам он приехал на Афон, желая принять монашество, после окончания университета на родине) идем сначала к храму, где прикладываемся к чудотворной иконе Предтечи, после чего он возвращается к своему послушанию на расположенный здесь же, у стен скита, огород, по площади скорее поле, где он подвязывает помидоры, а мы идем на берег моря (до него метров 300). Здесь на мысе, в скале, высоко над водой находится пещера преподобного Афанасия Афонского, в которой он подвизался. К ней ведет длинная каменная лестница, спустившись по которой оказываемся на месте подвигов основателя афонского монашества. Она небольшая, похожа на пещеру преподобного Космы Зографского. Замечательна икона Божией Матери, которую видим здесь. По преданию, это та самая икона, перед которой молилась Изображенной на ней Мария Египетская у дверей храма Воскресения в Иерусалиме.

Выйдя из пещеры, мимо скита Предтечи направляемся к Лавре. Дорога широкая, идет почти прямо по совершенно ровному пространству между подножием Афонской горы и обрывистым здесь скалистым берегом. Идем около часа, возможно быстро, чтобы успеть на вечернюю службу в Лавру. Немного опаздываем (времени около 18.30), поэтому сразу направляемся в храм. В течение приблизительно часа душа отдыхает от обилия впечатлений дня, тело – от зноя и трудов пути. Ужин. Располагаемся на ночь в гостинице. Больше сил ни на что сегодня нет.

16 августа, суббота. Утро в Лавре. Еще перед началом Литургии прикладываемся к гробнице преподобного Афанасия, которая находится в левом приделе соборного храма обители. Еще одно свидетельство того, что обретение мощей – дело Промысла Божия, а не воли человеческой и не есть обязательное условие святости жизни и церковного почитания угодника Божия: несколько раз делались попытки поднять святые мощи преподобного Афанасия, но до сих пор они остаются под спудом. Сомнений же в его святости не может быть так же, как и в его не только афонском, но и всеправославном почитании.

Собор Лавры большой, чем-то напоминает Ватопедский. Два небольших боковых придела, обычное разделение храма на две части и притвор. По окончании богослужения все молящиеся прикладываются к храмовым иконам, после чего подходят к игумену, архимандриту Ф. В Лавре две чудотворные иконы: «Икономисса» и «Кукузелисса». Первая находится в соборном храме и сразу узнается по особому ее почитанию: слева, около входа из левого придела в храм, на большой в золоченой ризе иконе изображена Мать Божия с Богомладенцем, восседающая на троне, с предстоящими, один из которых – преподобный Афанасий. История ее связана с чудом изведения источника, позже названного именем преподобного, где мы хотим сегодня побывать. А пока выходим из храма,

вместе со всеми направляясь в трапезную. Завтрак обычный, как и в других обителях. После него отправляемся к источнику.

Идти довольно далеко, километров 7-8. Одна из попутных машин приблизительно с полпути подвозит нас. Выходим, благодарим шофера и направляемся к источнику, метрах в пятнадцати от дороги. История его появления такова. В Лавре, основанной в X веке преподобным Афанасием, однажды наступило такое оскудение, что братия начала расходиться в поисках пропитания. Дольше всех не уходил святой игумен, но и он в конце концов вынужден был последовать за другими. В месте, где мы находимся сейчас, преподобному Афанасию явилась светоносная Жена и повелела не покидать места, избранного ранее. Преподобный отвечал, что оставаться там нет никакой возможности из-за крайней скудости, и что вся братия разошлась. Тогда Жена пообещала, что, возвратившись по Ее слову в монастырь, Афанасий найдет там все необходимое для жизни, причем с тех пор его обитель никогда ни в чем не будет испытывать нужды. Преподобный просил удостоверить его в истинности этого обетования, и тогда Матерь Божия (ибо это была Она) приказала ему ударить жезлом о камень, около которого они стояли. Таким образом появился источник, вот уже тысячелетие не прекращающий давать так чудесно однажды изведенную воду. (Путешествуя по Афону, мы видели множество пересохших ручьев, потоков, а иногда, судя по ширине русла и стоящим в бездействии мельницам, и небольших речек. Источник же преподобного Афанасия даже в это крайне засушливое время года не только не высох, но, судя по камням, которыми он обложен, даже не обмелел.)

Надпись на камне – «Великая Агиасма». Справа храм, закрытый скорее от животных, чем от людей, – чисто символически. Заходим. В иконостасе на местной иконе изображено чудо изведения святого источника. Поем тропарь и величание Матери Божией и преподобному Афанасию. Выйдя из храма, по очереди становимся под струю воды, истекающую из источника. Здесь же сделана беседка, чтобы можно было отдохнуть. В шкафу находим плитку, спички, кофе, сахар. Пьем кофе и, продолжая беседовать, отправляемся в обратный путь. Прделав его полностью пешком уже под полуденным солнцем, часов до трех дня отдыхаем, после чего решаем осмотреть Лавру. Тем более, что нас согласился сопровождать один из насельников обители.

Лавра в иерархии монастырей Святой Горы занимает первое место – как получившая начало непосредственно от основателя афонского монашества преподобного Афанасия, как наиболее древняя и наиболее славная своей историей и святынями. В ней три храма, расположенные один за другим как бы на одной оси: первый от входа – в честь иконы Божией Матери «Кукузелисса», следующий – соборный, в котором главным образом совершается богослужение. В алтаре храма – икона, перед которой молился сам преподобный Афанасий. Запрестольный крест – один из трех, принадлежавших святому равноапостольному Константину Великому. В иконостасе – две древнейшие иконы (Спасителя и Божией Матери) византийского письма. Пол храма тот же, что был сделан при преподобном

основателе обители; дверь византийская, дар императора Никифора Фоки. Справа и слева от входа видим два огромных кипариса, один из которых, по преданию, посажен самим преподобным Афанасием, а второй – его учеником Евфимием. Диаметра и высоты они действительно невиданных для таких деревьев. Прямо перед входом в храм находится традиционный для каждой афонской обители фиал, или чаша, в которой совершается великое освящение воды на Богоявление. Чаша в Лавре – самая большая в мире из цельного камня (мрамора), сделана еще в первохристианские времена. Захвативший Лавру во время одного из набегов на Святую Гору султан, изумленный ее красотой, повелел отправить чашу в свой дворец, чтобы совершать в ней омовения. Дабы не допустить поругания святыни, монахи разбили чашу, за что восемнадцать из них были повешены на ветвях упомянутых кипарисов.

За последним от входа храмом, красного цвета, располагается лаврская библиотека, третья в мире по богатству древних рукописей после Ватиканской и Синайской. Она никогда не горела – случай, уникальный для обителей Святой Горы и их книгохранилищ.

После этого поднимаемся в сторожевую башню Лавры, носящую имя знаменитого византийского военачальника Цимисхия. Вообще история обители, особенно при жизни ее основателя, была тесно связана с историей Византийской империи. Другом преподобного Афанасия был император Никифор Фока, которого преподобный звал к себе и который, мечтая удалиться на Святую Гору от дел правления, даже построил себе недалеко дом для уединения и иноческих подвигов (сохранился до нашего времени).

Далее наш путь – к храму на месте келии преподобного Афанасия, где совершается постриг братии Лавры. В нем хранятся два его жезла (третий – у гробницы в соборе): один тот, которым был чудесно изведен по повелению Божией Матери источник, второй – которым преподобный изгонял бесов, прикасаясь им к груди и голове одержимого. Стоим здесь дольше, чем в других местах. Келия и храм самого преподобного Афанасия Афонского! (И в нашей Лавре постриги также совершаются в самом ее сердце – Троицком соборе, на том месте, где первоначально стояла келия преподобного Сергия и церковка при ней; первая ночь новопостриженных – рядом, в приделе преподобного Никона. Ибо самому великому событию в жизни каждого монаха должна соответствовать и обстановка, не только напоминающая ему о величайших образцах иноческого подвига, но и благодатно укрепляющая его молитвами угодников Божиих, совершавших здесь свои сокровенные подвиги и удостаивавшихся таких великих откровений, как явление Матери Божией преподобному Сергию.)

Но приближается время службы, и мы идем в храм. Вседневное богослужение оканчивается быстро. Ужин. После него паломникам выносят для поклонения в ковчегах главы святителей Василия Великого, Василия, епископа Синадского, преподобных Нила Мироточивого, Иоанна Кукузеля, часть руки святителя Нектария Пентапольского и множество других святынь. После этого идем в храм иконы Божией Матери «Кукузелисса». Его

специально открывают паломникам, чтобы они могли приложиться к чудотворному образу. Его история связана с именем преподобного Иоанна Кукузеля.

Тяготясь придворной жизнью и бременем славы непревзойденного певца и любимца императора, благочестивый и богобоязненный Иоанн, всегда стремившийся к монашеской жизни вдали от суеты мира, однажды тайно ушел на Святую Гору и был принят в Лавре. Император скорбел об исчезновении своего любимого певца и послал везде искать его. Однако поиски ни к чему не привели. Но однажды, когда послушник Иоанн пас монастырское стадо в окрестностях Лавры, ему пришло на память небесное величие богослужения в Святой Софии и непреодолимо захотелось хотя бы раз воспеть славословие Богу (чего он, чтобы не выдать себя, на Афоне никогда не делал). И он запел, думая, что он один и никто его не услышит. Но в этих местах жил отшельник, который, слыша дивное пение и видя, как животные, которые до этого мирно паслись, как зачарованные обступили и слушают дивного певца, как умолкло все в природе, – понял, кто перед ним. Так император узнал, где скрывается Иоанн. За ним были посланы воины, но Иоанн, поняв, что его ищут, открылся игумену обители и принял от него постриг, пообещав не петь, пока не получит на это особого благословения. Воины не посмели взять Иоанна из обители (раньше обет до конца жизни не покидать монастырь, в котором был принят постриг, соблюдался строго), и император смирился. Но петь Иоанну было запрещено. И вот однажды, скорбя об этом, он во время богослужения погрузился в сон. Вдруг от иконы Божией Матери, рядом с ним находящейся, раздался дивный голос: «Пой, Мой избранниче, пой!» – и Пресвятая Дева подала ему золотую монету. Очнувшись и не зная, верить ли виденному, Иоанн вдруг почувствовал, что что-то держит в руке. На его ладони лежала та самая монета, которую он принял из рук Матери Божией. Узнав о чуде, сам игумен, также получивший откровение, не посмел противиться повелению Пресвятой Богородицы, и дивный голос Иоанна Кукузеля вновь зазвучал, воспевая Господа и Его Пречистую Матерь.

Выходим из храма уже в сумерках. Архондарик рядом. На втором этаже ярко освещенная веранда, столики, слышны голоса; все больше становится тех, кто собирается послезавтра, 18 августа, вместе с братией Лавры подняться на вершину Афона встретить Всенощным бдением праздник Преображения Господня. Хочется еще раз пройти по Лавре. В темноте она по-своему неповторима. На крыльце келии преподобного Афанасия сидит о. П., один из насельников Лавры, и что-то рассказывает. Подходим послушать. Нам кое-что переводят с греческого. Интересное суждение: в истории известны три примера великого падения – Денница, Адам и Римский папа. Так оканчивается этот день. Ночь проходит спокойно.

17 августа, воскресенье. Литургия. После завтрака решаем подняться к келии святителя Григория Паламы, сначала подвизавшегося в Лавре преподобного Афанасия, а затем избранного на кафедру Фессалоник. Его келия находится высоко в горах, подъем туда мало кому известен, но мы

все же решаемся. Тропа ведет так же круто вверх, как и к о. Исидору, только поднимаемся раза в два или три дольше: келия находится на высоте около километра над уровнем моря. Постепенно изменяется характер растительности: субтропический лес сменяется сначала низкорослым кустарником, потом травянистым покровом с редкими деревьями. Становится заметно прохладнее. Но вот и келия. В ней есть лежанка с одеялом, вода – то ли кто-то иногда живет, то ли для паломников. При келии, через коридор – храм. Икона святителя Григория. Вспоминается история его прозвища Палама (в переводе с греческого «ладонь», вообще «рука»). Когда он пришел в Лавру, ему дали послушание готовить пищу. Уже тогда, видимо, чувствовалась его необычная даже для тех времен высота внутреннего устройства, и ему стали завидовать. Однажды в самый ответственный момент от него спрятали поварешку. Тогда будущий святитель стал мешать кипящее варево рукой...

Поем по обычаю тропарь и величание святому, прикладываемся к иконам. Выйдя из келии, только сейчас ощущаем, куда поднялись. Далеко-далеко внизу, как на ладони, видны четырехугольник стен Лавры, ее храмы, башня, окрестные поля. Справа – румынский скит Иоанна Предтечи. Широкая дорога, их соединяющая, кажется тонкой ниточкой, вьющейся среди зелени. И море – бесконечное, без границы с горизонтом, сливающееся с небом. Вдруг откуда ни возьмись находят облака, и все, что ниже уступа, на котором мы стоим, пропадает, а то, что рядом, различается с трудом. Становится холодно. Так продолжается несколько минут – и опять солнце освещает бесконечные дали. Да, вот где рождается то священное безмолвие, которое позже защищал святитель в своих «Триадах», и стяжается та сила, которая защищает живую плоть от кипящего варева.

Спускаемся несколько быстрее. До вечернего богослужения успеваем сходить к пещере Иоанна Кукузеля, находящейся недалеко от стен Лавры. По пути проходим место бывшего языческого капища, где и сейчас сохраняются сделанные в камне углубления для стока жертвенной крови и таинственные знаки. Окончание дня обычное: вечернее богослужение, ужин, поклонение святыням Лавры (готовы прикладываться к ним каждый день, снова и снова ожидая момент, когда их поставят в ряд перед Царскими вратами соборного храма). Собираем вещи: ведь завтра рано утром мы покидаем обитель преподобного Афанасия, начиная восхождение на вершину Святой Горы. Но вот все сложено, и не можем еще раз не пройтись по ночной Лавре. В последний раз обходим вокруг храмов, проходим мимо покоев игумена (около келии преподобного Афанасия), гробницы трех патриархов, собравших средства для выкупа святынь Лавры после того, как она в очередной раз была ограблена турками. Во многих келиях в стенах еще горит свет. Глубокий мир и покой царят вокруг. Но пора, идем в свою келию и мы.

18 августа, понедельник. Около шести часов утра, но большинство паломников вместе с духовенством ушли еще раньше. И хотя путь нам известен только приблизительно, одним идти даже лучше. Приложившись к гробу преподобного Афанасия и «Икономиссе», отправляемся в путь. Стены

и предместья Лавры быстро остаются позади, недолго идем по дороге на Продромос, потом сворачиваем на тропу, выводящую нас в то место, откуда мы впервые увидели Румынский скит, идя из Кавсокалив. Дорога одна, подъема прямо от Лавры не существует. Огибаем (теперь уже в обратном направлении) подножие Афонской горы. Пройдя еще около часа по уже знакомому пути до развилки Каруля – скит Малой Анны – Кавсокалива – вершина, оказываемся около того источника, у которого отдыхали, поднявшись с Карули. Три дороги отсюда нам известны: на Карулю, к Малой Анне и Лавре. Предстоит пройти четвертой – к вершине. Около десяти часов утра начинаем подниматься. Трепетное чувство охватывает нас – ведь через несколько часов, если Господь благословит, мы будем на высоте 2033 м, но главное – на вершине Святой Афонской Горы! В это с трудом верится, но каждый шаг делает нас все ближе и ближе к ней. Пока идти легко, хотя сначала подъем довольно крутой. Зато на каждом новом витке серпантина тропы открываются все более и более прекрасные виды. Полностью становятся видны юго-восточная оконечность полуострова, вершины отдельных холмов, утесов. И бесконечное море, играющее на солнце...

Мы, видимо, поднимаемся быстро: обгоняем тех, кто вышел раньше (подниматься можно, приплыв на пароме с северо-западной части Афона, с пристани Карули, можно и придя по тропе от скитов Святой Анны, Малой Анны, из уединенной Кавсокалив или, как мы, – из Лавры). Мешает чувство некоторого спортивного интереса: *душевный человек* (1 Кор. 2, 14), когда обстоятельства потакают той или иной нашей страсти, обнаруживает себя так явно, что только остается сокрушаться о своей «ветхости» и каяться, прося Господа об обновлении духа.

Средний участок подъема (от первоначального крутого серпантина до келии Панагия), несмотря на то, что он более пологий, из-за своей длины и все более накапливающейся усталости дается с каждым шагом все труднее. Зато меньше отвлекается внимание, не так часто смотрим по сторонам, сосредоточенность помогает молитве. Постепенно меняется ландшафт: заросли остаются позади, остается только трава на скалистой поверхности и отдельные деревья, постоянно борющиеся со скудостью почвы и ветрами. Становится прохладнее, все время дует ветер. Сейчас хорошо, но впереди ночь, да и днем отдых на таком ветру небезопасен. А отдых уже рядом: прямо перед нами пристанище для всех поднимающихся на вершину – сложенная из серого камня келия Панагия. Подходим и мы. Вокруг нее живописно расположились паломники, кто где. Мы успели как раз к началу общего обеда, который уже приготовили те из братии Лавры, которые пришли сюда раньше (шествие это довольно живописно: на осликах везут утварь, припасы, едут самые немощные из паломников, и все это неспешно, под пение – очень красиво). Заходим в келию. Она разделена на две части: «кухня» и «спальня». Во второй части спят на одеялах те, кто успел занять место, человек двадцать. Здесь, конечно, теплее, но мы предпочитаем, получив свою порцию, выйти на воздух и, обедая, любоваться прекрасными

видами, открывающимися как на самую вершину, уже хорошо видимую, так и на дальние дали – внизу. Не станем описывать то, чего нельзя описать...

Времени около 2-х часов дня. Около часа решаем отдохнуть, а затем – последний участок пути. Хорошо бы это время поспать, ведь впереди бдение (и действительно все-нощное), но от полноты чувств, впечатлений не спится: полежав минут десять, иду на скалу (слева, если стоять спиной ко входу в келию) и до тех пор, пока меня не зовут, не могу оторвать взгляд от того, что видится отсюда.

Отправляемся в начале четвертого. В отличие от начала пути, его окончание отчетливо видно. Вершина – перед нами. К ней ведет по скалистому склону, поросшему уже только жесткой травой, извивающаяся тропа. Она и выводит на самый верх. Неужели и мы будем там, как говорят уже бывавшие на вершине, через каких-нибудь полтора часа? До тропы, начинающейся у одинокой, с небольшой кроной сосны – метров 150, доходим быстро. А дальше – вправо-влево, вправо-влево, 10-15-20 раз: теряется терпение, трудно опять собраться с силами, а конца не видно. «Шаг» этих «ступенек» из-за крутизны подъема невелик, тропа видна внизу метрах в 2-3, и кажется, ходишь по одному месту, а вершина никак не приближается. Хорошо еще, что не жарко, хотя солнце светит вовсю. Уже не до красот природы: смотрим только под ноги, скорее бы дойти – силы иссякают.

Уже подходя к вершине, оглядываемся на пройденный путь. Он весь усеян паломниками. Опять зрение пытается обмануть нас: вот видна Панагия, не рядом, конечно, но и не так далеко, как где-то в бесконечной дали синее море, то ли море, то ли небо. Но теперь мы знаем, чего стоит эта видимая близость... Слава Богу, добрались. Узкий проход в расселине скалы, и мы на вершине, около храма Преображения Господня. Подходим. Постройка, только и возможная на двухкилометровой высоте: немного более двух метров в высоту, из блоков серого камня, с покатою крышей, по периметру усеянной громоотводами. (Грозы здесь представляют большую опасность: молнии бьют в вершину, которая часто находится среди туч, поэтому сила разрядов особенно велика.) Рядом с храмом стоит сваренный из толстых железных балок православный крест, тоже высотой 2,5-3 метра, с копием слева и тростью справа. Он закреплен растяжками на огромном камне. Копие согнуто почти под прямым углом – видимое свидетельство силы стихий, здесь бушующих. Это первое, что мы видим. Следующий взгляд – на множество паломников и туристов, уже некоторое время здесь отдыхающих после подъема. Вершина Афонской горы – небольшое плато с относительно пологими склонами, переходящими (в северо-западной части почти сразу) в пропасти. Вокруг храма может уместиться человек триста. Кто обзревает или фотографирует окрестности, кто располагается на отдых, ища какое-нибудь укрытие, чтобы защититься от постоянно дующего ветра, или уже отдыхает, закутавшись в одеяло или спальный мешок. Кто-то устраивает трапезу. Если это группа, то почти все оживленно беседуют,

фотографируются – так много впечатлений, что ими сложно не поделиться. Постоянно по одному или группками поднимаются все новые паломники.

Находим себе место и мы. Не сразу, так как не обойти вершину, не посмотреть сразу на весь Афон просто невозможно. Как невозможно насмотреться на то, что открывается в эту ясную погоду, когда солнце уже не слепит, склоняясь к западу, но и до темноты еще далеко. И если южное и юго-восточное направления нам уже открывались во время подъема неоднократно, то северо-запад с вершины Афона – зрелище несказанное. Вспоминается икона Божией Матери «Игуменья Афонской горы». На склоне стоит Пресвятая Богородица с жезлом и в мантии со скрижалями, а у Ее стоп простирается Афонский полуостров с его хребтами, отрогами, речками, обителями, омываемый с трех сторон морем. Судя по письму, икона современная и, видимо, задуманная при взгляде с того места, где сейчас стоим мы, видя то же самое. Наверное, есть и литературные описания этого вида; может возникнуть мысль об аэрофотосъемке, топографии. Мы же просто смотрим и не можем насмотреться, оторваться от такой красоты. Сначала хочется только смотреть и смотреть. Потом, как и при рассматривании картины, взгляд переходит к частностям. Например, видя те или иные обители по обеим сторонам Афона, стараемся определить, какие это монастыри, вспоминая свои переходы, даже пытаюсь проследить некоторые маршруты. Несмотря на ясную погоду, даже в подзорную трубу или бинокль (в них недостатка здесь нет) не увидать северо-западную оконечность Афона с его Костамонидом, Зографом, Ватопедом, тем более – Хилендарем и Эсфигменом. Не видна и слишком близко расположенная Лавра: ее заслоняет сама гора. Другие обители если и не видны, по крайней мере угадываются. Несомненно видны: слева – монастырь святого Павла, прямо у подножия – скиты, далее приблизительно определяем Дионисиат, Григориат, Симонопетр, Дафни, Ксиропотам; за ним отчетливо видим русский монастырь, угадываются Ксенофонт и Дохиар; справа – Ивирон, ближе по берегу в нашу сторону – Филофей и Каракал, где-то в центре – Карея... Теперь уже не только красиво, но и интересно.

Но пора где-то пристроиться и нам. На службе надеемся быть в храме (уместиться в нем могут, наверное, человек пятьдесят, но это, оказывается, не проблема: многих вообще мало интересует богослужение, тем более длящееся всю ночь. А те, которые все же будут на службе, все равно вынуждены время от времени выходить на воздух, так как в храме жарко и душно. И наоборот, при температуре 5-6 градусов на ветру долго не пробудешь, приходится опять заходить в храм. Это перемещение несколько мешает молитве, но делать нечего: редко кто, став в стасидию, так и стоит всю ночь). А пока тоже делаем несколько снимков (один из которых – все русские, восемь человек, собравшиеся в этот вечер на вершине, у креста; другой – вид всего Афонского полуострова, на фотографии действительно даже в деталях похожий на иконописное его изображение). Солнце все более

склоняется к западу. Около шести часов вечера. Богослужение начинается по уставу водосвятным молебном. В семь начинается Всенощное бдение¹².

Эта ночная служба, в силу целого ряда причин (усталости, обилия впечатлений, выходов из храма и возвращения), проходила для нас труднее и не с таким подъемом, как прежние. И все же, несмотря ни на что, праздник остается праздником. Особенно исполнило ликования наши сердца пение тропаря Преображения, хотя мы поняли только первые его слова, остальные допевали про себя.

Ночной Афон – тоже особый мир. Небо близко, с по-южному крупными яркими звездами. Темно, но все относительно, и чернеющий полуостров угадывается своими очертаниями на фоне водной глади. Иной черноты небо, сама гора... Недалеко от храма горит костер, у которого греются те, кто не может войти в храм, ожидая, когда станет посвободнее. Как и в России, ночную службу выдерживают не все, и под утро в храме стоят только те, кто пришел молиться. Стоим, иногда опускаясь в стасидии, и мы. Но вот подошла к концу и Литургия. И сразу, как после окончания важного дела, покидают последние силы. До такой степени, что из храма выходим одними из последних.

19 августа, вторник. Выходим – и попадаем в какую-то иную, неземную реальность: вся вершина в тумане, причем таком, что не видно даже тех, кто находится в двух метрах. Так продолжается минут десять-пятнадцать. Стоим и смотрим в никуда, потому что смотреть просто не на что, а что-то делать, даже говорить, нет сил. Но вот на востоке сквозь эту сплошную серую пелену появляется светящаяся точка. Она медленно увеличивается и становится все более яркой. Постепенно стена светлеет и перестает казаться стеной: потоки тумана струятся, проносятся, обтекают нас, солнце из точки превращается в диск, над нами утреннее небо, все более проступает и вершина, хотя внизу еще все по-прежнему в густом тумане. Первые паломники направляются к спуску. Но нам уходить не хочется, ведь как путь с вершины в любую сторону – вниз, так и для нас путь с афонской вершины – это путь обратно, с Афона домой. И эта легкая грусть уже закрадывается в сердце, усиливаясь по мере спуска. После впечатлений вчерашнего дня и ночи уже мало что привлекает внимание. Одними из последних мы приходим к Панагии, где застаем праздничный завтрак, как и полагается в этот день – с рыбой. Подкрепившись, продолжаем путь. Вот позади «пологий» участок, вот и «крутой» (оба кажутся более длинными, чем вчера, но спускаться, конечно, и быстрее, и легче). Вот и развилка с крестом и источником. Решаем спускаться дальше, к Карули, откуда на пароме плыть в русский монастырь. Для этого на пристани надо быть часам к 11-11.30. Хотим еще зайти к о. Ефрему, который живет здесь, на Карули, и является

¹² Уже в сумерках все исповедуемся: узнав, что мы русские и, видимо, хотим причаститься (конечно, так оно и есть), нам указывают на священника то ли с Западной Украины, то ли из Румынии, немного понимающего по-русски. Исповедь по чину самому краткому (и тот не слышен из-за ветра, уносящего звук), прямо у Креста на вершине Афона... Такое не забывается.

одним из самых почитаемых афонских духовников, учеником старца Иосифа Исихаста. Но надежды увидеть его почти нет: уже несколько лет из-за крайне преклонного возраста он никого не принимает и не позволяет своим послушникам, чтобы кто-нибудь видел его идущим (а теперь несомым) в храм или молящимся. Так оно и случилось: нас приняли с любовью, показали храм. Но видеть их старца нет никакой возможности. Как бы в утешение нас угощают дыней, и мы уходим. Идем мимо келий о. Венедикта и о. Харитона, но по противоположной стороне, к тому же опаздывая на паром. Мысленно прося их молитв и благословения, спускаемся к пристани. И вовремя: паром подходит через несколько минут. Прощаемся с Карулей, горой, всем южным Афоном. Грусть усиливается и тем, что сидим на палубе, плывем, теперь уже некуда спешить, ничего не надо делать, а следовательно, нечему отвлечь нас и от приступающих мыслей. Не радуют виды побережья, не отвлекает усталость, столь сильная, что уже и не чувствуется... Паром последовательно останавливается у монастырей святого Павла, Дионисиат, Григориат, Симонопетр. Вот и Дафни. Надеялись, что будет остановка в нашем монастыре, но, увы, туда придется добираться пешком. Приходим часам к трем. Вот и келия. Слава Богу за все!

20 августа, среда. Наш последний день на Святой Горе. Завтра в Салоники, послезавтра самолет в Москву. Как начинали, так и оканчиваем наше паломничество в монастыре святого Пантелеимона: еще раз идем в костницу, в храмы великомученика Пантелеимона, Покровский, прикладываемся к их святыням. Только теперь побывали в храме Преображения Господня в корпусе гостиницы. Он восстанавливается, хотя и медленно. Маленькая деталь: полы в нем, весьма обширном, прошпаклевал (все сам, вручную) отец игумен, архимандрит Иеремия... После обеда идем на мельницу, где долгие годы подвизался преподобный Силуан. Это недалеко, минутах в двадцати ходьбы. Братия иногда здесь купаются (в море по афонскому уставу это запрещено). В храме читаем акафист, в иконостасе нам показывают ту икону, из которой преподобному было явление Спасителя. Это последнее святое место, особо дорогое нам, которое мы посещаем на Афоне. Вечернее богослужение, ужин, сборы, правило на берегу.

21 августа, четверг. Последняя служба на Святой Горе. Подумать только: совсем недавно в этом же храме мы впервые услышали афонское пение – и уже расставание! После Литургии прощаемся с братией нашего монастыря. Спаси их Господь за помощь, поддержку, добрые советы, внимательное братское отношение. Но вот время прощаться и с обителью. Пристань. Вот и паром, идет из Дафни. Поднимаемся на борт. Заработали винты – прощай, Русский Афонский монастырь святого Пантелеимона, прощай, Святая Гора. Продолжается наш последний объезд твоего побережья, начатый вчера от Карули. Вот уже Ксенофонт, вот Дохиар (Матерь Божия «Скоропослушница», благослови наш обратный путь!), вот Костамонид, вот пристань Зографа – дальше без остановок, и только вершина Афона провожает нас почти до самого Уранополиса. Когда становится видна

его башня у пристани, вершина исчезает из вида. Последняя страница нашего почти месячного путешествия перевернута.

В Уранополисе сразу садимся в автобус, и через два с половиной часа мы в Салониках. Сейчас в городе открыта выставка «Сокровища Святой Горы». Сначала хотим пойти, но, оглушенные шумом большого города, за лучшее почитаем остаток дня провести на кунаке.

22 августа, пятница. Наше повествование можно считать оконченым: в 11 часов утра мы поднимаемся на борт ТУ-154, через два часа приземляющегося в аэропорту «Внуково», откуда месяц назад началось это паломничество. Но в самом конце хотелось бы несколько слов сказать о том, что вспомнилось уже после окончания этой работы и могло бы быть полезно тем, кто собирается посетить Святую Гору.

Отвечая на вопрос, заданный в самом начале: «Что же такое – Афон?», в дополнение к сказанному можно добавить, что нет Афона вообще: он существует в нашем восприятии, открываясь посещающим его настолько, насколько мы готовы к такому посещению и внешне (в смысле знания языка, истории Святой Горы, ее обителей, святынь), но главное – внутренне, по своему духовно-нравственному, в первую очередь молитвенному, настрою (ибо Афон – это в первую очередь мир молитвы, школа молитвы). В связи с этим важен совет, который нам, увы, перед поездкой никто не дал: ходить по Афону принято на некотором расстоянии (метров 5-10) друг от друга, чтобы, не рассеиваясь разговорами, сосредоточиться на молитве. Готовясь к поездке, надо готовиться и к встрече с каждой обителью, каждой святыней, а на Афоне стараться всячески хранить свое сердце от праздных мыслей, чувственных впечатлений, воспоминаний, тем более споров, ссор. Ничто не способствует этому лучше, чем молитва¹³.

И последнее. Афон (после того, что это земля, освященная избранием и благословением Матери Божией, подвигами сонма святых, в течение веков подвизавшихся на Святой Горе) – это его насельники, монахи, те, кто не только хранит древние святыни, но и создает новые: и освящаемые (иконы, книги, пение), но главное – внутренние: свои сердца, дух которых питает всю Православную Церковь, которой все тяжелее сохранять себя среди волн потопа безверия и бездуховности, которыми уже почти полностью поглощен современный мир. Удивило нас благочестие молодых монахов, их добронравие, нелицемерные уважительность, любовь, тихость, внутренняя сосредоточенность.

Удивительны и афонские игумены. Вспоминаем игумена нашего монастыря архимандрита Иеремию, конопатящего полы и застилающего

¹³ В связи с этим. Если первое посещение Афона и может быть как бы обзорным (таким, собственно, оно и описано на этих страницах), то в последующие посещения Святой Горы желательно большую часть времени пребывать в той или иной (по возможности в более духовно преуспевающей) обители, проникаясь ее духом, в первую очередь молитвенным, входя в ритм афонской жизни, отношения братии, вживаясь в эту жизнь и получая таким образом пользу своей душе. В первую же поездку, повторимся, действительно хорошо побывать у всех святынь, увидеть жизнь всех обителей, почувствовать их дух и потом уже выбирать, где останавливаться.

досками грязь во дворе скита; игумена Ватопеда архимандрита Ефрема, полчаса беседующего с нами с неподдельным радушием, лично дарящего подарки; лаврского игумена архимандрита Ф. – надо было видеть, с каким смирением и любовью убеленный сединами старец просил наших, молодых иеродиаконов, о себе молить, сам (по крайней мере, нам так показалось) стяжавший непрестанную молитву, Зографского игумена архимандрита Амвросия. Да, афонские игумены и поныне имеют в своих обителях непререкаемый авторитет: послушание, оказываемое им, безусловно, доверие – безгранично. Особенно удивительно, повторим, это сейчас, в век всеобщего недоверия, непослушания, самости. Но этот авторитет – именно послушания, основанного на доверии, а не подчинения, основанного на дисциплине или насилии. Власть афонских игуменов зиждется на их исключительном смирении, молитвенности и на духовном авторитете их мудрости, подвижнической жизни, строгости к себе всегда большей, чем к другим.

Окончено 4 августа 1998 года, в день памяти
святой равноапостольной Марии Магдалины.

Господи, спаси и сохрани на многая лета, подай здравие, спасение и во всем благое поспешение всем подвижающимся во святом вертограде Твоей Пречистой Матери – Святой Афонской Горе, и их святыми молитвами сохрани и нас во всяком благочестии и чистоте, всем же православным христианам даруй Царствие Небесное. Аминь.